

Четыре тысячи миль до
тебя...

До встречи
в феврале

ЭЛЛИСОН МАЙКЛС

Эллисон Майклс

До встречи в феврале

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70377358

SelfPub; 2024

Аннотация

Четыре тысячи миль... Именно столько разделяет Лос-Анджелес и Берлингтон, в котором живут два совершенно незнакомых человека. Эмма и Джейсон никогда бы не встретились, если бы не счастливое стечение обстоятельств. Внезапная командировка и разбитое сердце – прекрасный повод начать всё заново где-нибудь за четыре тысячи миль. На три месяца они переезжают в дома друг друга и договариваются встретиться в феврале, чтобы снова обменяться ключами. Но за три месяца может случиться многое.

Содержание

Пролог	5
Джейсон	5
Эмма	9
Джейсон	14
Эмма	21
Декабрь	31
Джейсон	31
Эмма	34
Джейсон	40
Эмма	49
Джейсон	57
Эмма	65
Эмма	74
Джейсон	87
Эмма	101
Эмма	105
Джейсон	111
Эмма	113
Джейсон	133
Эмма	139
Джейсон	147
Эмма	157
Джейсон	172

Эмма	186
Джейсон	196
Эмма	205
Джейсон	215
Эмма	228
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Эллисон Майклс

До встречи в феврале

Пролог

Джейсон

Берлингтон, Вермонт

– Куда вы меня отправляете?

– В Лос-Анджелес. – С энтузиазмом бросил Джим Макдугалл, словно за такое предложение я должен ноги ему целовать. – Ты позарез нужен в калифорнийском филиале.

Сложно представить, что такого могло случиться в головном офисе «Прайм-Тайм», чтобы я там понадобился «позарез». Массовые забастовки сотрудников нагрянули перед сезоном праздников? Вспышка смертельного вируса положила весь штат? Сильнейшее землетрясение смело с лица земли половину города? Я верил в свои силы и считал себя отличным рекламщиком, но всего лишь по меркам уютного Берлингтона, не глянцевого Лос-Анджелеса.

Стюарт Хантли великолепно справлялся со своей ролью зама и податливо закивал, подписываясь под каждым словом начальника.

– Зачем я им понадобился?

– Их директор по рекламе уходит в декрет. Выпросила у правления три месяца отпуска. Какое расточительство! – Закатил глаза Макдугалл. – Замену искали несколько недель, но так никого и не нашли.

Проработав бок о бок с Джимом Мадугаллом, королём рекламы в наших краях, уже восемь лет, я успел привыкнуть ко всем странностям и дикостям его натуры и был готов к любой выходке.

Кроме этой.

– Все нужны на своих местах. – Подытожил Джим, почёсывая квадратный подбородок.

– А я, значит, на своём месте не нужен? – Ядовито бросил я, не веря своим ушам.

– Нужен, Джейсон. Но в данный момент *там* ты нужен больше.

Его мясистая рука с розовыми пальцами так похожими на сосиски «Морнинг Стар», рекламу которых мы запустили буквально две недели назад, протянула мне белый конверт.

– Твой билет на самолёт. – Сказал он сквозь усы-щётку. Каждый раз, как он говорил, казалось, что кто-то подметает пол. – Вылет в восемь утра через три дня, так что у тебя полно времени, чтобы собрать вещи.

Я неохотно взял конверт, словно смертный приговор из рук судьи. Меня ждала трёхмесячная ссылка в городе, где я не был уже восемь лет, едва получил университетский ди-

плом. Я ведь специально уехал оттуда назад в Берлингтон, чтобы быть поближе к семье, хотя перспектив и денег в Лос-Анджелесе куда как больше. Кто знает, быть может, останься я в Городе ангелов, уже бы дослужился до управляющего филиалом, женился на длинноногой актрисе из Голливуда и сколотил состояние размером с башню Биг-Бен. Но меня вполне устраивала спокойная жизнь здесь, в Вермонте, в своём уютном коттедже на окраине, обласканным родительской заботой и пахучей кожей новенького «порше».

– Я не стал просить Линду снять для тебя отель. Можешь выбрать любое жильё, компания всё оплатит. – Великодушно раздобрился Джим. – Только не наглей. Твоя продолжительная командировка не вписывалась в графу растрат, так что подыщи что-нибудь не больше ста пятидесяти за ночь. И так и быть, завтраки тоже за счёт компании. Небольшой бонус к твоим командировочным, которые ты получишь сегодня же вечером. Вопросы?

– Да...

– Отлично, задашь их своим новым коллегам в Лос-Анджелесе. – Джим махнул рукой, прогоняя меня, как противную мошку, что залетела в окно и бьётся о стекло, никак не попадая в форточку. – А теперь извини, нам со Стюартом надо пошептаться.

Вот так, за три минуты меня сняли со всех счетов и ото-слали на другой конец страны, как почтовую бандероль.

Любой каприз Джима Макдугалла выполнялся сиюминут-

но. Всегда находился козёл отпущения, который попадал под горячую руку. И бывало забавно наблюдать, если этим козлом оказывался новичок из отдела по работе с клиентами, который потел уже от того, что усы босса смотрели в его сторону. Восемь лет назад я был тем самым новичком и сам проходил через все круги ада под началом Джима Макдугалла. Но я-то думал, что эти времена давно в прошлом.

Неприятно сознавать, что на этот раз козлом отпущения сделали меня.

Эмма

Лос-Анджелес, Калифорния

Чёрт бы тебя побрал, Гэбриэл Бертъе! Тебя, твою галерею и твою новую музу, которая со своим языком управляется куда виртуознее, чем с кистью.

Револьверные двери выплюнули меня на вспотевшую улицу, словно мусоринку из зубов. Такой я себя и ощущала – колючим кусочком пожёванного салата, застрявшим не на своём месте.

Прохожие шарахнулись от моей ноши, как от револьвера, барабан которого набит под завязку. Хотя руки мои сжимали не железную рукоять, а деревянные рамы двух последних картин, что посчастливилось утащить с собой из «Арт Бертъе». Боюсь, что мои пейзажи Плайя Дель Рей и Эль Пуэбло другим способом было не вернуть. Я трудилась над ними несколько месяцев! Мои первые стоящие работы после приезда в Город ангелов. Благодаря им Сид заметила меня и предложила выставляться в галерее Гэбриэла, после чего моя карьера, репутация и жизнь в целом взметнулись вверх. Пока всё не рухнуло на самое дно.

Каблуки в двенадцать сантиметров – убийственная обувка для того, чтобы перетащить на себе две громадины весом в семь килограмм каждая и запихнуть в такси, что уже поджидало у бордюра. Но кто ж знал, что сегодня меня ждёт побег

и кража предметов искусства из картинной галереи? Если б вселенная подала мне хотя бы крошечный знак, я бы надела кроссовки и вызвала двух амбалов с бицепсами размером с колонны, что Гэбриэл первым делом возделал в своей галерее. Чёртов Гэбриэл! И его чёртова галерея!

Моё кряхтение и скрюченная походка сильно выбивались из помпезной роскоши Вениса, где обитали художники и городская богема. Кое-как я дотолкала полотна до канареечного цвета машинки, но водитель тут же выскочил и вскинул руки к небу.

– Вы что, собираетесь запихнуть *это* внутрь?

Я – художник, а не архитектор. Мои представления о формах и размерах – скорее плод воображения, чем наука, так что я и правда думала, что две картины длиной почти в полтора метра сойдут за двух попутчиков на заднем сидении среднестатистического такого такси. Они ведь доходили мне почти до макушки, если бы я сбросила свои «Лабутены» прямо на тротуаре Палмс-бульвар! А я и забыла предупредить об этом, когда заказывала «Убер». Видно, мужчина в шофёрской кепочке и льняных брюках подумал о том же, потому что замахал руками, от чего пальмы на его рубашке зашелетели, словно на ветру.

– Я вас не возьму!

– То есть как не возьмёте? – Обмякла я, стукнув уголками рам об асфальт.

– Куда я, по-вашему, должен впихнуть *это*?

Он излишне театральнo указал на картины.

– Но вы не имеете права отказать мне! Эй, и хватит называть мои картины «это»! – Оскорбилась я до глубины души. – Это искусство!

– Это – крупногабаритный груз. – Перешёл на алыт водитель, жестикулируя с виртуозностью итальянца под впечатлением. – Так что вам нужен фургон с грузчиками, а не такси! Какой-то псих на прошлой неделе и так поцарапал мне потолок.

Мужчина откланялся и поспешил вернуться за руль, бездушно оставив меня посреди бульвара с полотнами и полным незнанием, что теперь делать. Похоже, ни один таксист не возьмёт меня на борт с такой-то поклажей.

– Вы так и бросите меня здесь?! – Мой голос сломался и зазвучал расстроенной скрипкой. Вся моя жизнь за минуту превратилась в минор.

– Простите, дамочка! – Уже запихивая свои «пальмы» в салон, посочувствовал мужчина. – Босс меня убьёт, если с машиной случится что-то ещё.

Шины заскрипели по горячему асфальту и унесли мою возможность эффектно уехать прочь. Наверняка Гэбриэл видел мой неудачный уход «по-английски» через окно и посмеивался над тем, какая я неудачница. Я стояла у бордюра и смотрела вслед уносящемуся такси с таким чувством, словно от меня умчалась последняя надежда. Попыталась поймать ещё пару машин, но никто не хотел брать девушку с внуши-

тельным багажом. Все мужчины одинаковые! Кого-то пугают огромные картины, кого-то – огромная ответственность!

Один умник предложил привязать полотна на крышу и домчать с ветерком, но я в ужасе прижала своё детище поближе к себе, оберегая с материнской заботой.

– Это вам не дырявое кресло! – Вздёрнула я нос повыше.

Самое время вызвать грузовое такси, но только теперь я осознала, что забыла сумочку в галерее. Пока хватала картины и уносила ноги – что не так-то просто на высоте в пятнадцать сантиметров! – я бросила её на бархатную кушетку у колонны, так там и оставила. Хорошо хоть телефон захватила в карман шорт, потому что возвращаться я не собиралась. Не хватало ещё позориться перед Гэбриэлом и его новой пассией, которые и без того станут обсуждать мой конфузный грабёж картинной галереи.

Чёрт с ней, с этой сумочкой! Как и с Гэбриэлом! «Фенди» стоит несколько тысяч, что гораздо дешевле моего растоптанного самолюбия.

Но мобильник сдох, как подстреленный бездомный пёс.

Послав любовь всей своей жизни к чертям в третий раз – на счастье – я подобрала картины и поплелась в сторону дома, прекрасно сознавая, что идти мне предстоит ни один квартал.

Подкашиваясь на каблуках через каждые десять метров. Путаюсь в направлениях из-за набегающих на глаза слёз. Никто из прохожих даже не обратил внимания на экстравагант-

ную даму с разбитым сердцем и двумя украденными картинами, бредущую почти на ходулях подальше от счастливого будущего. Такое зрелище не в новинку для Вениса, где каждый второй – творческий деятель с тонкой душевной организацией.

Моё искусство оказалось слишком великим, чтобы уместиться в такси. Но обида – ещё больше, чтобы уместиться в груди.

В какой-то момент я просто села напротив веганского кафе, где даже вывеска выглядела неаппетитно, прислонила полотно к каменному бортику и подозвала официанта. Заказала у него не блюдо дня, но телефон для одного звонка. Пришло время звонить Сид. Если кто и сможет вытащить меня со дна во второй раз, то только она.

Джейсон

– Три месяца? – Мамин голос долетел до меня из кухни вместе с посудным перезвоном. – Тебя не будет целых три месяца?

Когда мама нервничала, она шла на кухню и находила себе занятие, даже если там нечего было делать. Я точно помнил, что оставил на шкафчиках идеальный порядок, а в раковине не завалялось ни одной грязной кружки из-под кофе, но она всё равно нашла, что помыть. Всяко лучше, чем она станет кружить вокруг и отвлекать от поисков, которые я вёл уже двадцать минут.

– А как же день рождения Люка? – Перекрикивала мама напор воды. – А Рождество?

Что-то громко ляснуло с угрожающим звоном. Шум воды стих, зато мама возникла в дверном проёме с полотенцем на плече и ужасом на лице. Её давно не худенькое лицо вытянулось в кривоватый овал.

– Джейсон, а как же Рождество?! Ты пропустишь Рождество? Но никто никогда не пропускает Рождество!

Мама начинала тараторить, а это не к добру. Она напоминала старенький мопед, который всё быстрее тарахтит, но никак не заводится.

Рождество у Кларков трижды обведено в календаре красным. Как пиктограмма у кучки сектантов. Пропустить та-

кое событие равносильно тяжкому преступлению, за которое светит если не тюремный срок, то уж точно штрафные санкции и исправительные работы.

Когда моя кузина не смогла приехать к нам в прошлом году, мать занесла её в чёрный список и заставила отдуваться на День Благодарения, так что ей пришлось готовить сразу две восьмikiлограммовые индейки на всех гостей. А Кларки по парам не приезжают, а везут всех своих отпрысков.

Я наспех оглядел свой дом и ужаснулся, представив, как полчище Кларков разносит в пух и прах мою коллекцию наград по плаванию, распивает премиальный виски из бара или прожигает ковёр угольками из камина. А стоит всего лишь не явиться на Рождество в этом году. Мой взгляд остановился на маме, что выжидала в дверях и еле дышала от переизбытка чувств. Капля соуса на любимой белой скатерти могла свести её с ума. Что уж говорить о сыне, который не попадёт на главное семейное торжество?

– Не волнуйся, мам. Я обязательно выберусь домой на Рождество. – Успокоил я её и вернулся к отелям Лос-Анджелеса.

Вылет завтра утром, а я так и не определился, где остановиться. Всегда находилась какая-нибудь мелочь, из-за которой я отказывался вводить данные своей корпоративной карты. Вот, например, «Хартли» на Санта-Моника Бич. Пять звёзд из пяти, а какие виды из окна! Но когда Джим узнает, сколько в «Хартли» стоит ночь проживания, он четвертует

меня голыми руками, а мне не сильно-то хотелось быть задушенным гигантскими сосисками. «Холидей Инн». Отличный сервис, хвалебные отзывы и добросовестная стоимость. Но расположен он в сорока минутах от офиса, а загруженный трафик Лос-Анджелеса заставит постоять в пробке ещё лишних полчаса.

В «Годфри Отеле» свободные номера остались лишь с окнами на проулок и дом напротив. В «Фигероа» отстроили шикарный бассейн, который будет отвлекать меня от работы и заманивать своей лазурной водой поплескаться и потянуть «Май-Тай» в шезлонге. Как вообще можно работать такой жарой, когда под боком бассейн с баром, а в миле – песчаный пляж с красотками в бикини?

Кто-то оставил комментарий, что в «Уилшире» плесень в ванной. В «Оушен Парк» грубая хостес, а в «Норманди» перебойный вай-фай. В «Тревелодже» зеркальные потолки, а я не настолько себя люблю, чтобы лицезреть свою пятую точку каждую секунду пребывания в номере.

В «Марипоса» кислотные диваны жёлтого цвета, а я ненавижу жёлтый после того случая с канарейками. В «Бэйсайд» водяные матрасы, а меня укачивает на волнах, из-за чего я больше никогда не позову девушку на яхту на первое свидание. Да и на любое другое тоже, учитывая, что случилось с моим желудком на борту. В «Джолли Роджер» вообще смежный санузел у двух номеров! Это в двадцать первом-то веке!

Больше шестисот отелей, но я в каждом нашёл, к чему

придаться. Не то чтобы я весь из себя капризник, но если покидать дом, то хотя бы ради чего-то стоящего. Три месяца вдали от него – извольте хотя бы создать мне иллюзию уюта родных стен!

Но даже если отель оказывался приличным, кусался уже не я, а цена. Четыреста долларов за ночь может позволить себе губернатор или исполнительный директор какого-нибудь «Майкрософта», но никак не рекламщик из, можно сказать, единственной рекламной компании Берлингтона. Остановись я в Эл-Эй на пару ночей, я бы так не мелочился и выложил эти грабительские четыре сотни. Но за три месяца натекала такая сумма, что только продажа моего «порше» покрыла бы строчку расходов. Джим ни за что не пошёл бы на такое расточительство, потому с отелей я плавно перешёл на объявления о съёмных квартирах.

Но там всё было ещё печальней.

– Но почему отправляют именно тебя? – Изумилась мама.

Мысль о том, что я уеду так надолго, никак не укладывалась в её голове. У Бетти Кларк всё разложено по полочкам, всё на своих местах: полотенца, тапочки для гостей, садовые гномы, родные дети. И когда что-то выбивалось из общего порядка – полотенце для лица оказалось в стопке «для ног» или один из сыновей упархивал из гнезда на третьем десятке лет – всё в её вселенной рушилось.

– Потому что я ценный сотрудник. – Сказал я и понадеялся, что это действительно так.

– Но кто же будет заменять тебя?

– Кого-то уж точно найдут.

– Так вот пусть этого «кого-то» и отправляют в Лос-Анджелес. – Недовольно пробурчала мама. – А ты нужен здесь.

– Джим сказал, больше никого не нашли. – Вздыхнул я, утомляясь от маминых восклицаний. – К тому же, у всех семьи, а меня здесь ничто не держит.

– Давно ведь тебе говорила, что тебе пора жениться!

– Мама, не начинай!

Когда тебе почти тридцать, причитания о том, что ты по-прежнему один, звучат чаще, чем приветствия. Если бы каждый раз, как меня спрашивали, почему я всё ещё холост, я получал сверху доллар, то давно бы сколотил состояние, уволился из рекламы и тогда уж без зазрения совести попил себе «Май-Тай» у бассейна. Но не многие понимали, что не всем нужна вторая половинка для счастья. Только тем, кто не умеет быть счастливым сам по себе. А я порой сам себе завидовал.

Едва мне исполнилось двадцать пять, меня записали в разряд «старых дев». По меркам Кларков я уж точно запоздал с женитьбой на пару лет, и все усердно занялись моим личным счастьем, устраивая целые кастинги на роль моей будущей жены. Спустя четыре года свиданий вслепую и сватовства, я по-прежнему приходил на семейные праздники в гордом одиночестве, и у мамы наконец-то опустились руки. Давненько она не заговаривала о браке, так что надо мной

зазвенели тревожные звоночки.

– Ну, может, и хорошо, что ты уезжаешь. – Надулась мама, стаскивая полотенце с плеча и намереваясь вернуться к посуде. – Найдёшь себе кого-нибудь в Лос-Анджелесе. Порадуешь мать на старости лет, а то мы с твоим отцом уже отчаялись!

– Я еду туда работать. Не искать тебе невестку. – Я знал, как умаслить маму, потому соорудил улыбку сытого кота. А о Мэдисон и Карен ей было знать необязательно. – К тому же, мне никто не нужен. У меня уже есть одна любимая женщина.

– Проказник. – Хихикнула мама и шлёпнула меня полотенцем. Я обожал, когда она улыбалась. Счастье делало её моложе на несколько лет. За искренней улыбкой никто и не заметит морщин.

Мама подошла ко мне, обняла сзади и чмокнула в щёку, словно мне по-прежнему было пять лет, и я возился с машинками на досках нашей веранды.

– Я присмотрю за домом. – Нежно пообещала она и вразвалочку потопала на кухню, чтобы вернуться к посуде, требующей безотлагательного мытья. – И не забудь свою счастливую рубашку!

Я выглянул из-за крышки ноутбука на её плечи, что тяжестью стольких хлопот гнуло к полу. На седые волосы, что непокорно пробивались сквозь окрашенные волосы. На выступающие на шее позвонки, что частенько ныли и затекали

от долгой беготни от плиты к стиральной машинке.

Я и не заметил, как мама постарела. Как скукожилась от многолетних тревог и забот о семье. Бетти Кларк вырастила троих отпрысков и пятерых внуков, не говоря уже о муже, который шёл четвёртым ребёнком в комплекте, потому что не умел сам о себе позаботиться. Она натёрла каждую поверхность в своей жизни до блеска и ни разу не пожаловалась. После того, что случилось в прошлом году, я не мог скинуть на маму ещё и заботу о коттедже, потому в который раз обрадовался своей затее дать объявление. Пока что никто не ответил, но ещё не вечер!

Закрыв «Букинг», я решил попытать счастья с арендой квартиры. Отели слишком бездушны, а я плохо схожусь с теми, с кем у меня много общего. Но не успел я просмотреть первую приличную квартиру, как на иконке почтового ящика высветился красный флажок. Новое сообщение. Я нахмурился, не узнав имени отправителя.

И кто такая эта Сид?

Эмма

Никогда не была сильна в приложениях. Мои пальцы при-
выкли к кисти, но сегодня так мастерски управлялись с нож-
ницами, что я даже подумала о том, чтобы сменить род де-
ятельности. То ли злость, то ли «Барбареско» так вдохнови-
ли меня, но я орудовала ими, как садовник секатором. В лю-
бой другой день я бы не позволила себе откупорить вино за
двести долларов, но бутылку ещё с месяц назад притащил
Гэбриэл, так что грех было не выпить за его счёт. Тем более
такой повод! В одну секунду я распрощалась и с карьерой,
и с мужчиной. Бинго!

Дзинь. Голова Гэбриэла отскочила от тела и упала в кучку
таких же голов, более улыбчивых, более серьёзных или более
самодовольных.

Если бы меня попросили подобрать картинку к слову «от-
чаяние» для толкового словаря, то я бы предложила именно
эту: молодая девушка в подвыпитом состоянии сидит одна
в квартире и вырезает головы своего бывшего из всех сов-
местных фотографий. Раз уж он искромсал мою жизнь, то я
хотя бы искромсаю его личико. Прелестное французское ли-
чико с кривой усмешкой и ямочкой на подбородке. Ещё па-
ру дней назад оно волновало меня, но теперь вызывало одну
лишь тошноту. Или это «Барбареско», выпитое без закуски?

Гэбриэл Бертье отобрал у меня всё, над чем я работала

последние два года. Карьеру художницы в столице творцов. Серьёзные отношения с намёком на продолжение. Самоуважение и понятие, куда двигаться дальше. Ну хотя и в этой неприличной истории у меня осталось хоть что-то приличное. Квартирка в Палмс с двумя просторными спальнями и небольшим кабинетом, что я обустроила в мансарде. Панорамные окна под потолком-куполом проводили идеальное освещение, а естественный свет и простор мыслей – что ещё нужно художнику?

Предыдущий жилец содержал в мансарде оранжерею, а когда съехал, оставил мне парочку зелёных растений, названия которых я бы не выговорила и в трезвом состоянии, не то, что после половины бутылки красного. А ещё целую стойку орхидей разных окрасов. Удивительно, как у такой безалаберной хозяйки, как я, они ещё живы и здоровы, причём цветут и пахнут похлеще, чем в моё отсутствие.

Я не особенно привязываюсь к живым существам. Жизнь без семьи учит выживать собственными силами. Но к своей маленькой оранжерее в студии я прикипела всем сердцем и даже дала всем цветам имена. Так что, если меня приглашают провести время в неприятной мне компании, я с чистой совестью могу отговориться тем, что у меня намечаются планы с Лидией, Флорой и Эльмой. Последнюю я, кстати, назвала в честь бабули, которая меня вырастила.

Как же будет жалко, если мне придётся продать эту прелестьную квартирку с видом на зелёный скверик. В «Арт Бер-

ть» выставлялись все мои работы, и многие из них покупались за приличные для начинающих художников суммы. Конечно, после всех финансовых проволочек, я получала лишь процент, но и за него была благодарна, ведь Гэбриэл не только заметил мой талант, но и согласился представлять его в своей галерее. Заработанные деньги шли на покрытие остатка по кредиту и кое-что оставалось на жизнь, но в роскоши я не купалась. Все мои дизайнерские вещи и вот такие бутылочки «Барбареско» – подарки Гэбриэла, который, как оказалось, щедр душой ко всем юным художницам.

Я всерьёз подумывала о том, чтобы выкинуть «Лабутены» – эти прелестные, блестящие, сногшибательные лодочки из чёрной кожи и самих звёзд. Пятнадцать сантиметров изыска, которые делали мои бёдра ещё обворожительнее. Слишком уж они напоминали о Гэбриэле. И о его новой музе, которой он подарил точно такие же. Так я и вычислила их секрет. Гэбриэл Бертье допустил маленькую проволочку. Не хочешь попасться на измене – не дари своим любовницам одинаковые подарки. И не целуй их в засос средь бела дня.

Я оказалась на улице без работы, но вполне могу оказаться на улице без жилья, если не придумаю, как найти новый источник дохода и выплачивать взносы по кредиту за квартиру. Остаточная сумма была не так страшна, но я не могла потерять всё за пару просроченных месяцев. Я слишком много работала и слишком много пережила, чтобы закончить в переулке в компании бездомных людей и бродячих котов.

– Тебе повезло, что Гэбриэл не позвонил в полицию.

Учительский голос Сид с укором вещал из динамиков телефона. Я оставила её ругать меня по громкой связи на журнальном столике, куда складировала вырезанные головы Гэбриэла. Как жаль. Столько испорченных фотографий, где я вышла вполне себе ничего. Теперь у меня останется целый альбом фоток себя любимой с призрачной рукой на моём плече, но без тела, которому она принадлежит. Когда человек уходит из твоей жизни, он не исчезает навсегда. Его присутствие отдаёт фантомной болью, как после ампутации ноги. Только тебе ампутируют сердце.

– Он бы не посмел. – Икнула я, скорчив рожицу улыбающейся голове Гэбриэла. – Это *мои* картины.

– Да, но права на их продажу принадлежат «Арт Бертъе». – Возразила Сид то, что я и так уже знала. – А ты просто стащила их со стен и уволокла с собой.

Они и теперь грелись в лучах осеннего солнышка на мансарде, бережно укрытые покрывалом от ультрафиолета и посторонних глаз. Я писала их несколько месяцев и просто не могла оставить Гэбриэлу, какие бы сделки мы не заключали.

– Я бы и остальные забрала, – призналась я без тени вины. – Но у меня, к сожалению, только две руки. Но я ещё вернусь за своим пейзажем с холмов Малхолланд Драйв, вот увидишь. Это одна из первых картин, которые я написала здесь, в Лос-Анджелесе, в своей новой жизни. Она должна быть у меня.

– Ох, Эмма, ты играешь с огнём...

– Когда тебя столько раз бросают в огонь, ты уже не боишься обжечься. Но ты лучше утешь меня хорошей новостью. Ты нашла кого-нибудь для меня?

– Прости, Эмма. – Жалобно вздохнула Сид. – Но никто из моих знакомых не рискнёт работать с молодыми художниками. Им нужны уже известные имена. На новизне денег не заработаешь, потому Гэбриэл и был идеальным вариантом. Он не боялся пробовать новое, не боялся искать свежие таланты.

– Причём таланты любого рода. – Пробормотала я в бокал, намекая на его новую страсть.

– Я тебя предупреждала...

– Знаю, Сид, знаю! Не читай мне нотаций, а лучше скажи, что делать. Скажи, что у тебя есть план!

– Вообще-то...

– Не может быть! – Я отбросила маленьких Гэбриэлов и придвинулась ближе к динамику, словно могла упустить нечто важное. – Сид, я тебя обожаю!

– Рано радуешься. Идея тебе не понравится. Но другой у меня нет.

– Надо кого-то убить? – Пошутила я.

– Нет.

– С кем-то переспать? – Испугалась я. До такого я бы уж точно не опустилась!

– Мы не в Голливуде!

Всего-то в парочке миль от него, ну да ладно.

– Не томи, Сид! Я согласна на всё, иначе мне не выплатить кредит за квартиру.

– Только ты так сразу не отказывайся.

Сид слишком хорошо меня знала, чтобы просить о подобном. Меня не заставить делать то, что мне категорически не хочется делать. Один толстосум-почитатель искусства предложил мне сто тысяч, если я напишу его портрет и приукрашу пару деталей в области его лысеющей кочерыжки и ширинки. Но я не привыкла врать – ни в жизни, ни в искусстве – потому отказалась изображать на его лысине буйный сад из волос, а самого его вместиť в тело на три размера меньше. Так я лишилась ста тысяч, зато оставила при себе свою гордость. Хочешь хорошо получаться на портретах, налегай на педали, а не на «Биг Маки».

– Твои работы очень понравились одному состоятельному человеку. – Начала издаека Сид. – Его зовут Хьюго Максвелл, слышала о таком?

Я помотала головой и только потом вспомнила, что Сид меня не видит.

– Нет.

– А вот в Берлингтоне о нём слышал каждый.

– Где?

– В Берлингтоне. Это Вермонт.

– Ты хочешь сказать, что этот богатеи из Вермонта хочет купить какую-то из моих картин?

– Нет. Он хочет, чтобы ты нарисовала для него серию картин.

Даже благородные градусы «Барбареско» не смогли усыпить мою бдительность. Довольно странная просьба от состоятельного человека, известного на весь городок в далёком штате Вермонт, к ещё неизвестному художнику, что не продала и десяти картин. Такое заманчивое предложение могло прийти в голову, только если за ним кроется что-нибудь непристойное.

Как только эта мысль пришла в мою слегка дурманую голову, я издала вопль ужаса.

– Всё в рамках приличий! – Осадила меня Сид. – И как раз по твоей части. Этот Хьюго Максвелл до смерти обожает родные края и хочет, чтобы ты изобразила несколько его особенно любимых мест. Открывает что-то вроде родовой галереи в своём поместье.

Поместье. Родовая галерея. Будто меня просили прибыть к имению Джейн Остен и запечатлеть своё почтение на вычурном балу. Звучало слишком заманчиво для той, кому некуда было податься. Кто ужинал вином и отчаянием.

– И что мне нужно делать?

– Поехать в Вермонт и встретиться с этим мистером Максвеллом. Скорее всего придётся задержаться на какое-то время, но о жилье не беспокойся.

Безумная догадка окрылила моё воображение.

– Я что же буду жить в его шикарном поместье?

Но Сид поступила как всегда – быстро спустила меня с небес на землю. Ложка дёгтя найдётся в каждой банке мёда.

– Нет. Но я нашла тебе уютный домик. – Воодушевлённо рассказывала Сид. – С камином, террасой для мольберта и видом на лес.

– Но это должно быть стоит бешеных денег?

– Сушие гроши. – Отмахнулась Сид. – Хозяин ищет того, кто присмотрит за его домом, пока он в отъезде. Его не будет три месяца, поэтому коттедж в твоём полном распоряжении.

Каждое Рождество мы с бабушкой Эльмой праздновали в тихом семейном кругу, правда, кругом его назвать язык не поворачивался. Мы скорее напоминали короткий отрезок, который соединял две точки. Я и бабушка. Зато наши узы были куда крепче, чем у семейств моих одноклассниц, где всё казалось показным. У нас же всё было по-настоящему. Скромный ужин с обязательными чесночными пампушками, творожный штоллен на десерт и маленькая ёлочка, что мы из года в год украшали старыми игрушками из коробки с чердака. На них местами красовались вмятины или сколы. У некоторых зверят не хватало уха или хвоста. А лампочки горели через одну. Но нам всегда хватало волшебства, потому что половину лапок мы завешивали конфетами.

Бабуля Эльма принималась закупаться сладостями за несколько недель до Рождества и прятала их от меня в шкафчике с отвёртками, куда думала я не залезу. Но я догадалась о её тайнике ещё лет в девять, когда искала спрятанный пода-

рок на день рождения. Пока бабуля делала запасы, я тайком таскала конфеты и хомячила под одеялом, пока рисовала в блокнотике под светом фонарика. Увидела бы бабушка, как я бодрствую после отбоя, да ещё и поедаю рождественские резервы, я бы дорого заплатила за свою любовь к рисованию и сладкому. Поэтому я аккуратно разворачивала обёртку, смаковала конфету, а внутрь заворачивала кусочек пластилина.

Когда же приходило время вывешивать конфеты на ёлку, я прекрасно знала, какие из них настоящие, а какие пластилиновые. Съедобные я вывешивала поближе, чтобы бабуля смогла легко достать одну со своего промятого красного кресла и полакомиться пока читает любимый детектив. А бутафорские украшали веточки повыше и подальше, лишь бы не попали ей в рот.

Моя хитрость срабатывала три года подряд до самого «дня расплаты», как его позже стала называть бабушка. На ёлке осталась последняя конфета, припрятанная за золотистым шариком у самой макушки. Будучи невозможной сладкоежкой, бабуля Эльма всегда отдавала последнее любимой и единственной внучке, вот и в тот раз предложила мне доесть последнюю рождественскую конфету. На радостях я даже не заглянула в фантик, запихнула конфету в рот и стала жевать. Зубы впились в тягучую массу, солёно-горькую, как маринованный огурец, обмазанный горчицей. Когда у меня выступили слёзы, и бабуля начала хохотать, я поняла, что попала в свою же ловушку.

– Я давно знала, что ты подменяешь конфеты. – Добродушно улыбнулась бабуля из своего кресла. – Просто ждала, когда ты сама прочувствуешь свой обман на вкус. И заодно выучишь один урок.

Прекрасно помню, как я скривилась, отдирая пластилин от зубов, и спросила, какой именно урок.

– Даже если кто-то предлагает тебе конфету, это не значит, что она окажется сладкой на вкус.

Вот и теперь я чувствовала привкус пластилина во рту. Мне предлагали заманчивую, соблазнительную, самую сладкую конфету из коробки, но под обёрткой мог оказаться кусок солёно-горького мякиша. По крайней мере, с Гэбриэлом вышло именно так.

– Но есть два условия.

А вот и тягучий пластилин. Если всё идёт слишком хорошо, всегда есть какое-то «но». Я приготовилась к тому, что придётся снова давиться кислятиной, и боязливо спросила:

– Какие условия?

– Ты присмотришь за его коттеджем.

– Так, а второе?

– Все эти три месяца он поживёт в твоей квартире.

Декабрь

Джейсон

Берлингтон, Вермонт

Уважаемый мистер Кларк!

Увидела ваше объявление о сдаче коттеджа и решила уточнить, нет ли ошибки? Вы не взимаете платы ни за аренду, ни за коммунальные платежи. И при этом сдаёте дом на три месяца. Заранее извиняюсь, но вы ничего не перепутали?

Пожалуйста, как только получите моё сообщение, пересмотрите объявление и подсчитайте окончательную сумму. Дело в том, что ваш коттедж идеально подходит одной моей знакомой. Она художница и приедет погостить в Берлингтон на некоторое время, но, признаться честно, слегка стеснена в средствах, чтобы снимать номер в отеле или дом целиком. Ей очень важна эта поездка, поэтому я буду очень благодарна, если вы отдадите предпочтение именно ей.

Если у вас есть какие-то вопросы, я оставлю свой номер для связи. Звоните в любое время.

С уважением, Сид Брэберн.

Уважаемая мисс Брэберн!

Получил ваше сообщение касательно объявления и хочу заверить вас, что никакой ошибки нет. Я действительно не собираюсь взимать плату за аренду коттеджа, но чисто из корыстных побуждений.

Дело в том, что я ищу жильца, который смог бы приглядывать за моим домом, как за своим собственным. Делать уборку, вычищать камин, выбивать ковры, чистить крыльцо от снега. Обычные хлопоты по дому, с которыми справится любой. Меня не волнуют деньги, лишь бы только дом остался в целости и сохранности. Подскажите, сможет ли ваша знакомая поддерживать в доме чистоту и уют?

Могу вас заверить, мисс Брэберн, что мой дом отлично подойдёт для неё. Вы упомянули, что она художница, а значит, особенно уязвима к красоте природы. Мой коттедж стоит в самом её сердце. Вокруг лишь бескрайние поля, лес и речка. Соседние дома обосновались довольно далеко, так что вашей знакомой никто не станет мешать. В Берлингтоне она сможет отдохнуть от суеты, но в то же время здесь найдётся много мест для развлечений и шопинга.

Если она согласна следовать списку требований, тогда я с радостью предоставляю свой дом в её полное распоряжение на три месяца. Сам я уезжаю по работе в Лос-Анджелес, так что не стану докучать ей постоянными визитами.

Жду вашего ответа в кратчайшие сроки.

Джейсон Кларк.

Уважаемый мистер Кларк!

Это просто фантастическое совпадение! Я пишу вам как раз из Лос-Анджелеса, можете поверить?

Моя знакомая, кстати, её зовут Эмма Джеймс, очень чистоплотная и аккуратная девушка. Она живёт искусством, поэтому вам не придётся волноваться, что она станет устраивать вечеринки или водить незнакомцев к вам домой. Эмма с радостью позаботится о доме в ваше отсутствие.

Оставьте ваш номер телефона, и я передам Эмме, чтобы она вам написала или позвонила, и вы сможете обговорить все детали напрямую.

С уважением, Сид Брэберн.

Уважаемая мисс Брэберн!

Совпадение и правда удивительное. Раз уж так случилось, у меня к вам встречное предложение. Не считите за грубость, но вы упомянули, что ваша знакомая стеснена в средствах. Может, она согласилась бы сдавать свою квартиру мне? Я не поспущу на оплату, а мисс Джеймс не только хорошо проведёт время в Берлингтоне, но и сможет немного подзаработать.

Как вы на это смотрите?

Джейсон Кларк.

Эмма

Лос-Анджелес, Калифорния

Мисс Джеймс, ваш номер дала мне ваша знакомая Сид Брэберн. Я хотел позвонить, но вовремя вспомнил, что между нашими штатами разница в три часа, и в это время у вас уже два часа ночи, и вы должно быть спите.

После успокоительного бокала кислого «Барбареско» я сладко уснула ещё в десять вечера, прикончив последних «Гэбриэлов Бертье» и сложив их головы в верхнюю шифлядку комода. Проспала как никогда долго, убаюканная танинами и планом Сид. И что бы я без неё делала? Волшебная палочка, которая сама знает все заклинания и мастерски пускает их в ход.

Впервые за последние два года меня нигде не ждали, от меня ничего не хотели и меня никто не искал. Немного паршиво, но и в одиночестве есть свои плюсы. Можно валяться до обеда в простынях и никуда не спешить. Когда мир на тебя плюёт, просто покупай дождевик.

Но понежиться в постели у меня не вышло. Как только я отключила «режим полёта» на телефоне, тот сразу уведомил меня, что среди ночи пришло новое сообщение в «Ватсап» от совершенно незнакомого мне абонента. Лишь потерев глаза и остатки памяти, я догадалась, что таинственный незнакомец, должно быть, тот самый хозяин коттеджа в

Вермонте.

Молодчина Сид уже давно всё уладила, когда я палец о палец не ударила. Огромный уютный дом с отдельной гостевой спальней, камином и зоной для моих художеств – и всё для меня одной! Это ли не счастье, которое было мне так нужно после истории с Гэбриэлом, его любовницей и их чёртовой галереей. Несколько месяцев вдали от пекла, этих двоих и привычной рутины вдохнут в меня новую жизнь. Я порисую пейзажи Вермонта в своё удовольствие, заработаю на них кучу денег, да ещё и не потрачу ни цента за проживание! Ещё и этот парень сам будет мне платить за то, что поживёт в моей скромной квартирке.

Блаженство и только!

Все вопросы об оплате мы уже уладили с мисс Брэберн, так что можете ни о чём не переживать.

И не собиралась!

Я прилетаю в Лос-Анджелес завтра утром и сразу отправлюсь в офис, так что попаду в вашу квартиру лишь вечером. Надеюсь, вы поможете мне освоиться, если возникнут какие-то вопросы. У вас ведь нет какого-нибудь неуправляемого робота-пылесоса? Или кофемашины с инструкцией, похлеще чем у ракеты? Пусть я и работаю в современной сфере, я немного далёк от всяких новомодных штук.

А этот парень забавный! Наверняка неприметный тип лет под сорок с мышинными волосами. Определённо в очках.

С брюшком над ремнём. Этакий ботаник-переросток, который, не понятно с чем не ладит больше: с техникой или людьми.

Надеюсь, у меня вы почувствуете себя как дома. Можете смело пользоваться всеми вещами, только попрошу вас быть осторожной с камином, сервизом (любимчик мамы) и не трогать машину в гараже. Ах да, и попрошу вас не выпивать бутылку «Макаллана» в баре – это подарок отцу на Рождество.

Так этот мистер Кларк ещё и маменькин сынок. Боится, что я расквашу сервиз его мамы, который он хранит годами и, могу поспорить, никогда не использует. Хотя, в каком-то смысле, это даже мило. Если бы у меня была мама, я бы тоже осталась маменькиной дочкой даже после сорока. Нет ничего постыдного в излишней любви к родителям. Стыдно любить их недостаточно сильно.

На кухне вы найдёте подробный список дел по дому, которые, я надеюсь, вы не забудете выполнять. Если будут какие-то вопросы, можете смело мне писать или звонить, но только после шести вечера, когда я дома. С радостью проконсультирую вас по каждому предмету в доме и каждому местечку в городе.

Может быть, увидимся как-нибудь, когда я буду в Берлингтоне на выходных. А в остальное время можете быть спокойны, я не стану донимать вас проверками. Если всё же не увидимся до конца нашего выгодного обмена, тогда до

встречи в феврале! Джейсон Кларк.

P.S. Не забудьте захватить что-то тёплое. Зимой у нас прохладно.

P.P.S. Совсем забыл. Ключ под ковриком.

Сегодня вечером я вылетаю в Вермонт! Я завизжала от радости и вскочила навстречу уже давно проснувшемуся солнцу. Этот Джейсон Кларк был довольно мил в письме, так что я решила отплатить ему той же монетой.

Всё утро драила квартиру так, чтобы не осталось ни пылинки. Оставила на кухонном столе небольшой подарок в духе «Добро пожаловать!» и собрала чемодан. Вернее, сперва у меня вышло три, не считая сумки с холстами и художественными принадлежностями. «Что-то тёплое» и вовсе не влезло в чемоданы и мялось в скрученном коме в отдельной спортивной сумке. Всё самое необходимое, что может понадобится девушке, которая проведёт три долгих месяца вне дома. Правда, осмотрев свою поклажу, я приуныла. Никто не пустит меня на борт с половиной бутика «Сакс». Вряд ли бортпроводница разрешит забить отделение багажа моими пожитками.

Пришлось всё трижды отсортировать, и к тому моменту, как пришло время вызывать такси до аэропорта, в дверях стоял всего один чемодан на колёсиках, тубус с кисточками и красками и дамская сумочка, которая выиграла отбор, кто полетит со мной в Вермонт, а кто останется прозябать на полках до моего возвращения. Всё остальное придётся доку-

пить на месте или попросить Сид отправить чуть позже.

Для встречи с этим миллионером из провинции не подойдут джинсы и кроссовки, потому я решила взять парочку солидных нарядов и «Лабутены», в которых мои ноги удлинились на несколько миль. Платье с распродажи «Шанель» отлично уместилось в стопке с собратями, а вот каблук никак не впихивались в отделение для обуви, потому пришлось делать перестановку. Кроссовки отправились в чемодан, а туфли выдохнули, выбравшись наружу.

Всунув отполированные до блеска пяточки в «Лабутены», я любовно оглядела квартиру и вслух попрощалась с ней.

– Я буду скучать. – Прошептала я стенам и, чтобы не терзаться долгими прощаниями, захлопнула дверь, спрятала ключ за косяком и поспешила умчаться в такси к новой главе своей жизни.

Отчего-то мне казалось, что в Вермонте я найду не только нового клиента и интересную работу. Что-то важное, стоящее и незабываемое ждало меня за четыре тысячи миль от дома. В груди копошилось предвкушение, как в детстве перед праздниками, когда знаешь, что случится нечто волшебное и считаешь минуты до его свершения.

Таксист резко вильнул в бок на перекрёстке, отчего я врезалась плечом в дверцу. Выругавшись в открытое окно, он повернулся ко мне и покраснел:

– Извините за резкость. Не хотелось пропустить нужный поворот.

Это точно! Я надеялась, что свой поворот я уж точно не пропустила.

Джейсон

Где-то на пути в Лос-Анджелес

Для Джима Макдугалла рождение ребёнка считалось всего лишь одной из десятка отговорок, лишь бы не работать. Где-то между похмельем и сломанной ногой. Потому он так остро отреагировал на приказ «свыше» прислать своего лучшего сотрудника на замену Хэлен Хантер, директрисе креативного отдела в калифорнийском филиале «Прайм-Тайм».

Единственная разумная причина для него остаться дома в будний день – инфаркт, последняя стадия рака или клиническая смерть.

Вообще, Джим – парень неплохой, но уж слишком заикленный на своей компании и прибыли. День прожит зря, если на счёт не упал лишний доллар или клиент не подписал многообещающий контракт.

Как только я слышал о том, что лучшая рекламная компания в городе набирает новичков на свежие вакансии, тут же подал заявку, попал на собеседование, прошёл стажировку и заполучил своё место под солнцем. Меня не спугнули ни байки о Джиме Макдугалле, гуляющие среди рекламщиков. Ни смехотворный стартовый гонорар стажёра, от которого мой пустой желудок пел ворчливые серенады вместе с пустым холодильником. Ни количество ступеней в той бесконечной лестнице, по которой пришлось пробираться на са-

мый верх.

Поработать с гением рекламы – мечта любого выпускника Калифорнийского университета. А ещё и поближе к дому – небывалая удача. И тот факт, что меня взяли вместо тех девяти кандидатов на одно единственное место, говорило обо мне многое. Надежды, возложенные на мои плечи отделом по найму и самим Джимом Макдугаллом, оправдали себя с лихвой. За восемь лет я выписал завидную траекторию успеха, пробравшись от звания «стажёра» до «директора креативного отдела». Мой желудок больше не ворчал, а ноги не ныли, разъезжая в общественном транспорте. Я удобно устроился на своём троне. Выше – только должность заместителя Джима, но Стюарт Хантли так прочно уместил там свою пятую точку, что сдвинуть его без помощи тяжеловоза не получится.

И все эти восемь лет я сносил любые капризы босса, а их можно было записывать в отдельную папку и вести учёт. В первую же неделю моей работы я сломал ногу, когда поскользнулся на выходе из автобуса, и получил больничный у семейного терапевта. Минимум две недели покоя и постельного режима. Я предвкушал маленький отпуск под крылом мамы, которая уже обустроила мне местечко больного на диване в гостиной. Снесла туда все подушки, достала с антресолей поднос и закупила мои любимые хлопья-колечки «Лаки Чармс» со вкусом карамели.

Ровно в 9:06 мой мобильник зашёлся криком. Увидев имя

босса на экране, я тогда подумал, что зря на Джима Макдугалла наговаривают. Он из тех заботливых начальников, что отпускают на свадьбу кузины, выдают бонусы ко дню рождения или звонят сотрудникам, которые по несчастливой случайности ломают себе одну из жизненно важных конечностей. Как сейчас.

Потому я ответил на звонок с особым рвением и чуть не выронил телефон, когда тот заорал на меня:

– Где тебя черти носят? Ты уже шесть минут как должен быть на работе!

– Я сломал...

– Что? Шею?

– Нет, ногу.

– Ну так какого чёрта ты прохлаждаешься?! – Свирепствовал Джим, заставляя меня вспотеть, хотя я сидел на мамином диване в одних трусах. – Я нанял тебя не для того, чтобы ты отлынивал от работы, Кларк! На твоё место много желающих. Чтобы через двадцать минут был в офисе или можешь искать другую работу!

Джим Макдугалл не слышал о методе кнута и пряника. Он только хлестал всех кнутом, но и это по-своему работало. Я побил все рекорды скорости, натянув брюки, почти запрыгнув с костылями в такси и успев в офис за восемь минут до назначенного времени. С тех пор я никогда не брал больничные и покидал рабочее место последним, пусть испепелялся от температуры под сорок, пропускал юбилей от-

да или валился с ног от подозрения на аппендицит.

В палате гастроэнтерологического отделения я уже выдумывал броские лозунги для рекламы арахисовой пасты «Скиппи» через двадцать минут после того, как очнулся после операции. Реклама принесла нашим клиентам прибыль в двадцать процентов всего за неделю, отчего Джим разрешил поваляться с перевязанным животом на денёк дольше. Если наркоз так благотворно сказывается на фантазии, то я бы ложился в больницу на «наркозную профилактику» раз в месяц.

В день, когда «Делюкс», наши прямые конкуренты, с которыми Джим с самого начала вселенной был на ножах, переманили «Шелбурн Виньярд», он созвал срочное совещание. Выдернул меня прямо с похорон двоюродной бабули, чтобы устроить разнос и найти лазейки, как вернуть лучшую винодельческую компанию назад.

Сколько пропущенных первых свиданий, забытых праздников и бессонных ночей! Цифры давно вышли за рамки, так что вести счёт бессмысленно. Если ты получал место в «Прайм-Тайм», то на этом месте ты ел, спал и жил. Ни личной жизни, ни отдыха, ни свободного времени. Только так, если ты хотел чего-то достичь в сфере рекламы в таком городе, как Берлингтон. Здесь не Нью-Йорк, и пусть конкуренция не столь высокая, другим достаточно дыхнуть тебе в спину, чтобы сдуть с насиженного места и занять его своими амбициями.

Сотрудники компании ощущали колоссальное давление, едва ставили свою закорючку на рабочем контракте.

В прошлом году Джим заставил весь аналитический отдел выйти на работу в девять утра после новогодней ночи, хотя сам оплатил фуршет в пабе «Финниган» до трёх утра. Полночи Джим, разменявший шестой десяток, отрывался наравне с двадцатилетними подчинёнными, но вошёл в офис свежее наливного яблочка, сорванного с ветки. Остальные наминали гнилые опадки, которые никто не захотел бы пробовать на вкус.

Джим уволил Линдси Дагерти после двух часов работы за то, что она назвала его «Джимми» и принесла латте вместо капучино. Оштрафовал Майка Лоусона за то, что он опоздал на пять минут, когда его сбил велосипедист на переходе у офисного здания. Заставил Дирка Дженкинса мчаться домой и переодевать галстук, потому что только Джим мог носить зелёный на работе.

Легенды о сумасбродстве и безумствах Джима Макдугалла перестали слыть небылицами, когда я видел каждую выходку собственными глазами и даже поучаствовал в парочке из них. Но по большей части шалости босса обходили меня стороной. По каким-то невообразимым причинам Джим уважал меня больше остальных и никогда не отыгрывался. Звал выпить кофе в обеденный час, хлопал по плечу после удачной рекламной компании и всегда спрашивался о здоровье мамы.

До сегодняшнего дня.

На высоте десяти миль над землёй проделки Джима казались ещё отвратительнее, но я усмехался про себя, припоминая каждую. Самолёт нёс меня на крыльях неизвестности напрямик в Лос-Анджелес. Каждое облачко вызывало эффект дежавю. Одиннадцать лет назад я вот так же летел на другой конец материка, чтобы поступить на факультет маркетинга, рекламы и сервиса. Бесценный опыт, от которого я поспешил сбежать обратно в Берлингтон, где всё было так знакомо.

И вот я снова летел в бесконечный, обжигающий «Ла-Ла-Лэнд», о котором мечтают все, и уже испытывал тоску по дому. Не то чтобы я безнадёжный домосед, скорее – безнадёжный домолюб. Устроился я в этот раз с большим удобством – Джим не поскупился на первый класс, так что под ухом не храпел какой-нибудь сальный тип и не рыдал недовольный младенец, делая недовольными всех кругом. Да и вещей взял немного. Самое необходимое, остальное докупится уже на месте. Вещи стоят денег, но не того, чтобы к ним привязываться.

Когда надпись «Пристегните ремни» погасла, симпатичная стюардесса исполнила моё желание, как добрый джинн, только тереть ничего не пришлось. В моей руке оказался бокал с виски, на коленях – поднос с сырным сэндвичем, и пока мои не храпящие и не рыдающие «первоклассные» попутчики дремали, я залез в телефон, чтобы ещё раз взглянуть на

квартиру, в которой проведу следующие три месяца.

Две спальни, гостиная и мансарда, из которой можно любоваться звёздным небом. Если бы только звёздное небо не затянуло смогом мегаполиса. Апартаменты не хуже тех, что я часами разглядывал на «Букинге», только как раз с той недостающей мелочью, которую я так искал. В этой квартирке была душа. А ещё хозяйка просила сущие гроши по меркам жизни в Лос-Анджелесе, так что Джим выразил особое довольство моим выбором. А вишенка на торте – всего пятнадцать минут пути на такси, и я в офисе «Прайм-Тайм».

Находка свалилась мне прямо в руки, и бросила её загадочная женщина по имени Сид. Предлагала необычный, но выгодный обмен: квартиру в Городе ангелов взамен на мой коттедж в городе обычных людей. Три месяца в моём полном распоряжении за добросовестную плату, вписывающуюся в рамки Джима, тогда как другие сдирали на триста долларов больше, это при заедающем замке, проржавевшей ванне или скрипящей кровати. Люди воистину мелочны и меркантильны. Сказал парень из первого класса с бокалом виски и абонементом на массаж каждый вторник.

Фотографий квартиры пришло только три, но и по ним несложно было определить, что за квартирой ухаживают, её любят, как и я свой дом. У хозяйки никаких заоблачных ожиданий и взбалмошных запросов к новому жильцу, то есть ко мне, а чего ещё желать? Но я в этом плане более практичный человек – список уже поджидал мисс Джеймс на столешнице

в кухне. Но, думаю, мы оба справимся.

Сама она вроде как художница, и я ответил Сид, что по-друга или подопечная – я так и не понял, кем они приходится друг другу – может использовать террасу в качестве студии для рисования. Должно понравится. Крытая и утеплённая, что-то вроде летней веранды с зеленью и мягкими подушками, только за окном два градуса со знаком минус и намечается первый снег. Я люблю там завтракать при тёплом свете ламп перед работой, но, надеюсь, моя гостья не наставит ярких клякс на ковре и не прольёт кофе на обивку. Всё это я занёс в список инструкций – даже неразумный младенец разберётся!

А эта Эмма Джеймс производила впечатление разумной и ответственной девушки. Но между делом я напомнил ей о разнице климата. Так, на всякий случай, если она забудет накинуть куртку перед посадкой. С непривычки может показаться, что она шагнёт из жарких тропиков напрямую на Северный полюс. У нас на окраине даже медведь может забрести к тебе на задний двор.

В прошлом году намело так, что я не смог открыть входную дверь и вылезал через окно, лишь бы успеть в офис, пока Джим Макдугалл не закопал меня прямо в сугробе. Но в тот день он сам впервые опоздал, застряв в буране в центре на добрых два часа. Для всех, кто прибыл в офис вовремя, это были самые спокойные два часа в жизни.

Мою гостью ждёт три месяца суровой зимы, а она в Вер-

монте не любит церемониться. За ночь может вывалить на тебя недельный слой осадков. Наколдовать сосульку размером с пещерный сталактит, которая рано или поздно тебя убьёт, если не сбивать ледяные наросты по периметру дома. И даже созвать лесную братию погреться на твоём пороге.

Меня чуть инфаркт не хватил, когда позапрошлой зимой я чуть не наступил на семейку опоссумов, разложивших свои хвосты на коврике «Добро пожаловать». Видно, они приняли приглашение слишком близко к сердцу. А как-то на кофе заглянул белохвостый олень, постучал оленями в створки террасы и составил мне компанию за завтраком. Пока я не скормил ему половину маффина с черникой, и не думал уходить.

Надеюсь, все эти лесные обитатели не напугают мою гостью, и она не сбежит назад в Лос-Анджелес, выселив меня на улицу. В любом случае, я пожелал ей счастливого пути и приятно погостить в Берлингтоне всю зиму. В этот город невозможно не влюбиться. Я провёл в самолёте меньше двух часов, но уже безнадёжно скучал.

Эмма

Берлингтон, Вермонт

*И захватите что-то тёплое. В наших краях прохладно.
Прохладно?*

Пальцы моих ног скрутились в трубочки от мороза спустя пять минут, как двери аэропорта разъехались передо мной и вывели в совершенно иную вселенную. Я попала во владения Снежной Королевы, не меньше. Парковку перед крошечным зданием аэропорта замело, и бедный дворник на пару с хлюпенькой лопатой справлялся с завалами, но в своей войне проигрывал. Кто-то хлопьями высыпал снег там, наверху. словно Берлингтон – огромная миска с молоком. Хватай ложку – и получится неплохой завтрак. Выставляй палочку – и наметёт сахарная вата.

В любое другое время я бы восхитилась танцу снежинок, но не здесь и не сейчас. «Лабутены» чихнули скрипом, когда я ступила на запорошенный тротуар. Джинсы ничуть не грели ноги, а самая тёплая вещь, которую я захватила, сскужила на моих плечах от холода. В минус шесть короткая дублёнка согревает не лучше бикини. Спасибо вам, мистер Кларк, за предупреждение.

Может, человеку, всю жизнь прожившему на этом Северном полюсе, погода и показалась бы сказочной. Слегка прохладной, как выразился мистер Кларк. Но я привыкла жа-

риться и потеть под пекучим солнцем Калифорнии, и когда градусник показывает минус, я предпочитаю греться вином и пледом.

Конечно, я подозревала, что Берлингтон встретит меня с прохладцей. Но чтоб настолько! Зубы пустились в пляс и отбивали чечётку, пока я тащилась к стоянке такси, волоча за собой чемодан. Тубус то и дело сваливался с плеча, и даже «Шанель» уже пожалела, что стала моей компаньонкой в этом приключении.

Энтузиазм начал сдуваться ещё в самолёте, когда я ощутила на себе все прелести эконом-класса. Справа на меня навалился какой-то старик и храпел на ухо с таким задором, что я боялась, как бы он не высосал весь кислород из салона. В хвосте орал ребёнок, и молодая мама никак не могла успокоить его, так что к концу полёта уже чуть не заорала я, искренне надеясь, что мы превратимся в лепёшку посреди какого-нибудь красочного поля Огайо.

Поспать так и не удалось, даже глаз прикрыть на полчаса, и к моменту приземления я ощущала себя губкой, выжатой раз двадцать. По волшебству часовых поясов я стала старше на три часа и разевалась во весь рот. Хотелось поскорее въехать в свой новый дом и оставить этому мистеру Кларку совсем нелестное сообщение, но меня ждала пересадка в аэропорту Филадельфии, и только потом наконец мы вышли на финишную прямую.

Уже снижаясь над панорамами Вермонта под сладкий го-

лос пилота, объявляющего температуру за бортом, я поняла, как сглупила. Крыши домов усеивал снег, а мои попутчики доставали из багажных отсеков пальто и пуховики. На меня глядели с усмешками, когда я дефилировала на каблуках к спасительным значкам «такси».

В Лос-Анджелесе мне пришлось бы самой запихивать чемодан в багажник – ещё одно явное отличие, бросающееся в глаза. Мужчина в толстой ветровке тут же кинулся помогать мне с багажом, хотя я даже ещё не успела попросить его об услуге. Он бережно уложил мои вещи в багажник и, запрыгнув на водительское сидение, тут же включил обогреватель. Наверняка испугался, как бы с утра пораньше пассажирка не очокурилась на заднем сидении.

Щёки покалывало иглами, а пальцы отказывались подчиняться, так что я лишь с третьего раза плотно закрыла дверь. Засунула ладони под ляжки и потихоньку оттаивала, угрожая водителю растечься мокрой лужей прямо в салоне. Когда моё фарфоровое лицо обрело хоть какой-то живой оттенок, таксист с облегчением выдохнул. Похоже, сегодня его утро всё же обойдётся без обледенелых трупов.

– Замёрзли? – Участливо спросил он, везя колесницу по адресу, что в сообщении указал Джейсон Кларк.

– Не думала, что здесь так холодно.

– Это Вермонт. – Добродушно усмехнулся мой спаситель. – Зима здесь начинается на месяц раньше.

Я подышала на лодочку из ладошек, с ужасом глядя в

окно. Там проплывали заснеженные дома, дети в вязанных шапках с помпонами, кое-где даже умудрялись украсить лампочками крыльцо. Зима здесь начиналась на месяц раньше, но Рождества, похоже, ждали уже с лета. Тело моё оттаивало, но душа пока что отказывалась проникаться любовью к путешествию и этому городу.

– И как вы живёте в такой холодине? – Пробурчала я.

– Хотите, поделюсь секретом?

Глаза водителя хитро блеснули в зеркале заднего вида. Он выглядел так, словно и правда знал что-то, чего не знал весь мир. Что ж, терять мне было нечего – любой совет мог бы согодиться, поэтому я сухо кивнула:

– Конечно.

– Наши желудки всегда полны горячей выпечки, а сердца – любви.

Да уж, от выпечки или хотя бы чего-нибудь тёпленького я бы сейчас не отказалась, но вот любовь... Моё сердце тоже наполнилось любовью, пока Гэбриэл не вычерпал его без остатка. Не уверена, что готова снова наполнять резервуар. Если в этом весь секрет, тогда уж лучше я замёрзну до смерти.

Поездка вылилась в настоящую экскурсию. За те двадцать минут, что мы колесили по замёрзшему городку, меня согревали истории нового знакомого. Он представился просто Хейлом, и такая открытость не могла не подкупать.

Мы проехали несколько пивоварен, каждую из которых Хейл отметил почётным знаком качества, особенно выделив

«Харпер Брюэри». Узнав, что я собираюсь задержаться в городе на импровизированные зимние каникулы, он показал, где находится фермерский рынок, где можно поесть самую вкусную пищу и где самые дешёвые продукты в городе. Чем дальше такси увозило меня в глубины приозёрного города, тем сильнее отогревались все мои чувства. Какой же Берлингтон всё же симпатичный! А под снежными шапками и вовсе походит на обаятельного пёсика, на которого не можешь дуться дольше пяти секунд, потому что тут же ведёшься на его бездонные глаза и начинаешь умиляться.

А вот и он. Коттедж по Харди-авеню в самом конце Деруэй Айленд, который по сути был закруглённым клочком суши, но все почему-то называли его островом. Домики здесь стояли поодаль друг от друга, уважая личные границы и не вмешиваясь в дела соседские. Всё как мистер Кларк и обещал. Уже издали домишко приветливо замахал флюгером в форме лошади, и мне не терпелось поскорее познакомиться с ним поближе.

Мы с моим чемоданом были выставлены вон из такси с величайшим почтением. Хейл пожелал мне удачи и заверил: если я никогда не любила, то благодаря этому городу всё изменится. Я так и не поняла, имел он в виду Берлингтон или кого-то особенного, кого встречу здесь, но решила не вдаваться в подробности. Я здесь. И как бы не кусался мороз, его свирепства не могли остановить меня.

Никогда ещё не видела места невероятнее! Дом Джейсо-

на Кларка прирос к самому злачному клочку земли во всём Берлингтоне. Равнина кругом заснула под снежным одеялом, да и сам коттедж лениво дремал в тишине природы. Справа, чуть дальше, ландшафт разбавляла широкая река с каменистыми берегами, которую сейчас покрывал тонкий лёд. И всё утонуло в деревьях. С белыми шапками они походили на великанов, что вот-вот выйдут из спячки и поднимутся из земли мне навстречу. Летом это место должно быть и вовсе магнитом притягивает путешественников и любителей природы. Я до пят городская, но всё равно не смогла устоять перед красотой, почти нетронутой грубой рукой человека.

Холод пробрался под нижнее бельё, поэтому я подхватила чемодан и тубус и поспешила к дому, который на следующие три месяца станет моим. Из крыши пробивалась труба, и я уже представила, как подставляю промёрзшие до костей пятки к щекочущим языкам пламени и попиваю кофе у камина. Эта мысль чуть-чуть согрела, как глоток горячительного спиртного.

Крыльцо из трёх ступенек, вазоны с отцветшими стеблями каких-то цветов, кресло-качалка, окоченевшая под снежным покрывалом. Двухэтажный домик сочился уютом и гостеприимством из каждой форточки. По правую руку – крытая веранда, о которой говорил хозяин. Там я смогу обустроиться с мольбертом и красками. Надеюсь, там есть отопление – дрожащая рука художника не сможет изобразить ни-

чего приличного.

Ключ под ковриком.

Я бросилась к коврику у дверей и чуть не откинула его в сторону, лишь бы поскорее попасть внутрь. Пальцы не слушались. По ощущениям – две замороженные сардельки, которые нужно достать из морозильника и дать им оттаять.

– Где же ты? – Вместе с облачком пара из меня вырвалось раздражение.

Ключа нигде не было. Ни под ковриком, ни под вазонами, ни в кресле-качалке. На всякий случай я обыскала каждый сантиметр крыльца. Прощупала косяк, где сама оставила ключ от квартиры в Эл-Эй, оконные фрамуги и все поверхности, куда бы мог завалиться крошечный ключик.

Ничего. Я почти зарычала, хотя с этим нужно быть поосторожнее. Кто знает, может, на рык сбегутся дикие койоты из леса за домом? Я, конечно, хотела бы обзавестись здесь новыми знакомыми, но желательно без острых клыков, шерстяных хвостов и кровожадного желания тебя съесть.

После десяти минут поиска я уже наполовину превратилась в ледышку. Губы высохли и потрескались, на ресницах осел беловатый иней, а уши так щипало, словно кто-то надоедливый дёргал их без остановки. Я почти могла услышать, как жалуются «Лабутены». Освобождаясь из плена на полке магазина, они и не думали, что их ждёт гибель от обморожения. Впрочем, как и я.

Думала, что хуже уже не будет. Но риск простыть пере-

рос в настоящую угрозу замёрзнуть заживо. Я отправила сообщение мистеру Кларку, но тот не ответил. Как и на второе, и на следующие четыре. Снова мне попался красивый фантик и пластилин внутри. Этот человек, по всей видимости, планировал меня прикончить, потому и заманил в Берлингтон, не оставил ключа от дома и специально игнорировал мои мольбы. Ещё и мобильник почти сел, потому что я вечно забываю его подзарядить.

Я уже почти не чувствовала рук, когда написала очередное послание, уже не такое вежливое, как предыдущие, и залезла в чемодан. Достала ледяной свитер и ещё пару вещей. Каждый стежок их ткани состоял из льда, но, стоило мне обкрутиться этими тряпками, как они переняли тепло моего тела и стали согревать чуточку лучше, чем одна бесполезная дублёнка.

– И что теперь? – Прошептала я, надеясь, что дом мне ответит или хотя бы сжалится и впустит внутрь хоть на минутку. Но он молчал. Хитрый соучастник моего убийства.

Надеюсь, мистер Кларк там изжариться до угольков, раз уж я здесь отмораживаю свою задницу. До встречи в феврале, писал он. Что ж, когда этот мерзавец вернётся домой через три месяца, его крыльцо будет украшать ледяная статуя. И она будет показывать средний палец.

Джейсон

– Здесь у нас кухня для сотрудников, здесь комната для совещаний, а вот и ваш стол.

Излишне самоуверенная и излишне привлекательная девушка, которая следующие три месяца будет исполнять все мои капризы и нянчиться со мной, пока её начальница нянчится с младенцем, показывала мне офис. Я же делал мысленные пометки, чтобы ничего не упустить. На тринадцатом этаже расселись отделы бухгалтерии и финансов – есть. Креативщики и спецы по части медиа забрались на этаж повыше – есть. Я курирую отдел из пятнадцати человек – есть. Эту симпатичную девушку зовут Мона, и она в полном моём распоряжении. В рамках приличий, конечно.

Стол усердно подчистили от вещей моей предшественницы Хэлен, но её дух всё ещё витал вокруг. То ли еле ощутимым ароматом цитрусовых духов, то ли дизайном, в котором чувствовалась рука женщины. Отдельный кабинет числился в моём распоряжении и в Берлингтоне, но этот оказался в два раза просторнее и солиднее. Если бы не парочка женских штучек – вроде вазы с белыми лилиями на подоконнике, канцелярской подставки со стразами и подушки для беременных, забытую на кресле-троне на колёсиках – это местечко можно было бы взять за образец для каталога «Архитектурного дайджеста».

Оставив портфель на диванчике для посетителей, я опробовал кресло начальника. Что ж, а они неплохо здесь устроились. И подушка для беременных в самый раз, отлично поддерживает спину.

Телефон скромно пиликнул в кармане, но я не обратил внимания, сосредоточившись на обязанностях новой должности.

– Что у нас на повестке дня? – Обратился я к Моне. Не люблю оттягивать неизбежное, лучше сразу взяться за дело.

– Я уже всё для вас подготовила. – Девушка тут же стала вытягивать папку за папкой из стопки документов в руках. – Это самые важные дела, над которыми мы сейчас работаем. «Поп Тартс».

Песочное печенье с начинкой. Неперевариваемый ужас. Они умудрились испортить даже шоколадный вкус!

– «Эван Уилльямс».

Бурбон родом из Эл-Эй, без которого не обходилась ни одна студенческая вечеринка в годы моей молодости. Любой уважающий себя обитатель Вермонта ни на что не променяет бочку выдержанного виски, но я всё же не могу устоять и по доброй памяти частенько беру себе бутылочку знакомого бурбона. Если моя новая домоправительница заглянет в бар, то наверняка узнает этикетку из родного города. Интересно, какой алкоголь она предпочитает и пьёт ли вообще?

– А также «Тиаго Кофе Бар»...

Судя по всему, сеть кофеен...

– И «Дабл Бабл».

Бренд, пока мне неизвестный. Придётся всю ночь убить на изучение клиентов, чтобы не отставать от своих новоиспечённых подчинённых.

– Я ознакомлюсь с материалами. – Кивнул я Моне. – Дайте мне день, а завтра утром устроим летучку, на которой обсудим все идеи, как нам...

Мобильник подставил меня в неподходящий момент и запел откуда-то из мятых брюк. Ненавижу, когда меня отвлекают в рабочие часы. Все те, кого я могу хоть притянуто назвать близкими, прекрасно знают: в мире есть двое, кого лучше не трогать при определённых обстоятельствах. Льва, пока он трапезничает свежим мясом. И меня, пока я выдумываю свои идеи для реклам или обмозговываю чужие.

Я уронил глаз на экран и нахмурился. Сообщение от той художницы, что оккупировала мой дом на всю зиму. Сохранил её номер, чтобы не путать с незнакомыми абонентами, на чьи звонки я редко отвечаю. Наверняка она давно долетела и теперь хочет поделиться впечатлениями о поездке и о городе. Попеть дифирамбы моему коттеджу, в чём я не особенно нуждался, ведь был прекрасно осведомлён о всех его достоинствах.

– Извините. Так на чём мы остановились?

Но не успела Мона открыть рот, как нас снова прервали, но на этот раз протяжный вой звонка. *Эмма Джеймс*. Теперь она не просто хотела похвалить мой дом по эсэмэс, но и

поболтать. Некоторые люди совершенно не понимают ясных знаков.

Отключив звук, я вернулся к знакомству со своим новым рабочим местом и коллективом. После того, как Мона провела меня по офису и познакомила со всеми работниками и всеми предметами четырнадцатого этажа, я вернулся в кабинет, прикрыл дверь и плюхнулся в кресло. Не прошло и половины дня, как я утомился и чувствовал себя дряхлым стариком. Хорошо хоть песок не сыпался из колош прямым на мраморные полы. Хотя, для Лос-Анджелеса песок – обычное дело. Так странно: за десять часов снежные наносы превратились в песчаные. Достаточно пересечь десять штатов, чтобы всё вокруг изменилось до неузнаваемости.

Телефон больше не беспокоил, а работа кипела сама собой за дверями моего кабинета, поэтому я расслабил галстук, что удавкой пережимал все косточки, и растянулся в кресле. Если проявить немного фантазии, можно почувствовать мягкий гамак под спиной. Я осмотрелся, не видит ли кто меня сквозь стеклянные перегородки, и подsunул под поясницу подушку для беременных, которую хозяйка кабинета забыла забрать с собой в отпуск. Теперь я понимаю женщин, которые весь день тягают такую ношу перед собой. Моя ноша, правда, не растягивала живот, а давила на плечи. На меня возложили слишком большие ожидания.

Из аэропорта я двинул прямым на работу, чтобы засвидетельствовать своё присутствие и продемонстрировать

жажду сворачивать горы. Никакой первый класс и поверхностный сон в самолёте не придадут достаточно сил, чтобы отпахать смену в офисе, но в нашем бизнесе следует почаще показывать, из какого ты теста. А расхлябанным комком, из которого ничего не слепишь, я быть не собирался, вот и закончил десятичасовой перелёт на крыльце «Прайм-Тайм» в Даунтауне.

За восемь лет город ничуть не изменился, но выглядел совсем по-другому. Так что я пришёл к выводу, что изменился я сам.

– Мистер Кларк! Мистер Кларк!

Кто-то затряс меня за плечо. Неуверенно, но настойчиво. Я дёрнулся и чуть не свалился со стула. Мона возвышалась надо мной на своих бесконечных ногах-ходулях и сверлила своими чёрными глазами из-за стёкол стильных очков.

Боже, неужели я заснул? Глаза не разлеплялись, точно их смазали клеем. Я подпрыгнул и выпрямился, попытался придать себе вид трудящегося начальника, хотя меня выдавал стеклянный взгляд и пятно слюны на воротнике. Ещё эти стеклянные стены!словно ты – гуппи в аквариуме, и десятки глаз пришли на тебя поглазеть. Невольно пожалеешь несчастных рыбёшек в океанариумах. Надеюсь, никто из сотрудников не видел, как я отключился. Первое впечатление не переиграешь, а сегодня игра моя была бездарна.

– Мистер Кларк, вам звонят. – Тихонько сказала Мона, будто не хотела беспокоить мой сладкий сон.

Я тут же полез в брюки, но ладошка моей новой секретарши легла поверх плеча.

– Не по мобильному. По рабочему.

Джим Макдугалл. Или шишки из моего нового управления. Больше некому. Уже прознали о моих заслугах в новой должности? Джейсон Кларк, директор по засыпаниям за рабочим столом.

– Звонит ваша мама. – Ошарашила меня Мона. – Соединить?

– Мама? – Опешил я. Спросонья такое событие казалось ещё более фантастическим. – Вы уверены?

Мона добродушно усмехнулась, судя по всему, совсем не осуждая меня за утреннюю сиесту. Наверняка привыкла к тому, что предыдущий босс частенько похрапывала между делом, но ей-то было позволительно. Мне пока ещё далеко до тридцатисемилетней женщины на пороге деторождения.

– А есть другая миссис Кларк?

– Вроде бы нет...

– То есть вы не уверены?

Увидев моё замешательство, Мона рассмеялась приятным щебетом.

– Я просто подтруниваю над вами. Вторая линия. – Бросила Мона, перекинула каштановый водопад волос через плечо и грациозно удалилась.

Мне понадобилась секунда, чтобы проводить её взглядом. Две – чтобы стряхнуть дремоту и прийти в себя. И целая веч-

ность, чтобы отыскать эту чёртову вторую линию. В нашем офисе в Берлингтоне была всего одна линия. Ну и динозавр же я, хотя ещё и тридцати двух не стукнуло.

Нога затекла, плечо заныло, на щеке чувствовался отпечаток степлера. Если хочешь вспомнить, сколько тебе лет, пролети десять часов без сна над облаками, а потом сразу бросайся за работу. Тридцать два мне только через полгода, а по ощущениям – я пропустил эту знаменательную дату ещё двадцать лет назад.

Тыкнув в цифру «2» на рабочем телефоне, я приготовился к плохим новостям. Других причин для маминого звонка я не смог придумать и пустился в панику, что ей снова плохо. Её забрали в больницу или она упала на льду, не может пошевелиться, а её сын за тридевять земель и не в силах помочь.

– Мама! Ты в порядке?

– Ох, мой мальчик! – По голосу не разобрать, случилось что-то с ней или с кем-то другим, но точно что-то случилось. – У нас беда! Я не знаю, как тебе и сказать...

Я невольно вскочил со стула и чуть не шмякнулся на пол. Затёкшая нога подкосилась и отпружинила меня наверх. Лучше бы никто не видел, как босс прикидывается попрыгунчиком.

– Тут кое-что произошло... – Изворачивалась мама. – Так неловко перед бедной девочкой.

– Мам, да ты можешь просто сказать, что там у вас случи-

лось?! Что-то с Вики?

– Нет. Это по поводу той девушки, которой ты сдаёшь дом...

Идейный мозг тут же напридумывал бедовые сценарии. Эта художница оказалась никакой не художницей, а аферисткой, и за утро пока я имитировал бурную деятельность на другом конце света, она уже успела обчистить мой дом и теперь разъезжает на моём «порше» где-то в другом штате. Или она решила разжечь камин, но переусердствовала с дровами, и мой дом догорает, испуская едкий запах в воздух.

– Она в полиции. – Выдала мама. Такого я уж точно не ожидал.

– В полиции? Её обокрали?

– Нет. Подумали, что крадёт *она*.

– Что? Ни черта не понимаю.

– Джейсон, твою гостью задержала полиция за взлом с проникновением.

Ну вот! Я оказался прав!

– И куда она пыталась проникнуть?

– Как куда?! – Каркнула мама. – В твой дом. Ты ведь не оставил ей ключ.

Эмма

- Полное имя?
- Эмма Элеонора Джеймс.
- Возраст?
- Девушек о таком не спрашивают!

Мне всё же удалось растопить ледяное сердце офицера, и уголок его губ потянулся вверх, но тут же вернулся в прямую линию.

– Зато задержанных спрашивают. Назовите свою дату рождения, мисс Джеймс.

- Двадцать восьмое сентября, девяносто шестой год.
- Место проживания?
- Палмс, Томас-стрит, 28.

Полицейский прищурился, копаясь в памяти и пытаясь выудить из неё похожий адрес здесь, в Берлингтоне.

– Лос-Анджелес. – Подсказала я, и его товарищ по значку и деловитости присвистнул.

- Далеко же вас забросило!
- Ага, на попутных ветрах.

Не знаю, что на меня нашло. Я никогда не грубила людям без причины, но сейчас разрывалась от злости. Прodelать такой путь! Замерзнуть до чёртиков! Ещё и быть взятой в плен по нелепому стечению обстоятельств! Да напоследок мне не хотели верить, как бы я не клялась, что не делала ни-

чего дурного.

Офицер хотел было меня пожурить за острый язык, но в нашу перепалку вмешался громкий смех. Я в ужасе уставилась на женщину, которая делила со мной камеру. Она уж точно словила комбо: у неё не все были дома, и у неё самой не было дома. Женщина бормотала что-то, но явно её реплики адресовались не нам, а невидимым приятелям.

– А она не опасна? – Вздрогнула я.

– Кто, Мэйбл? – Захохотал неприятно самовлюблённый коп. – Да она божий одуванчик.

Который пророс сквозь бетон прямым в мои покои на сегодняшнюю ночь. Я отошла подальше от сумасшедшей леди и запахнулась в дублёнку, прячась от этих троих, как час назад пряталась от мороза. На моей шее по-прежнему болтался обвязанный свитер из чемодана, а ноги хлюпали в туфлях. Кристиан Лабутен упал бы в обморок, если бы услышал, как его детище не звонко цокает по бульварам Голливуда, а уныло чвакает в тюрьме.

Итак, давайте пройдемся по списку моих заслуг за последние несколько дней.

Разорвать отношения с мужчиной, как казалось, моей мечты. Сделано.

Потерять место выставляемого художника в лучшей галерее Лос-Анджелеса и закопать свою карьеру в глубокую яму. Сделано.

Украсть две картины, права на продажу которых я пере-

дала Гэбриэлу. Сделано.

Ввязаться в авантюру с обменом домами и почти окоченеть насмерть в незнакомом городе. Сделано и подчеркнуть трижды.

Я что-то забыла? Ах да!

Пахучая дама в рваных обносках чихнула в полуметре от моей щеки.

Попытаться взломать чужой дом и угодить в камеру предварительного заключения. О, да, сделано.

В детстве каждая девочка мечтает о сказке. О том, как прекрасный принц попросит её руки, задарит драгоценностями и увезёт на карете в нарядный дворец, где спальни сияют золотом. Я дождалась своей сказки, вот только обстоятельства исказили её до нелепости.

Моей руки попросил ни один, а сразу двое молодых людей, и только одного из них можно было обозвать прекрасным. Второй – сущий грубиян с двойным подбородком на повестке дня и таким же двойным чувством собственного превосходства. Не получив желаемого, ту самую руку заломили за спину. Вместо обещанных драгоценностей я получила жалкий браслет из холодного металла, который со страшным клацаньем защёлкнулся на моих запястьях. Прокатали вовсе не на карете, да и дворец вышел так себе. Никакой позолоты на стенах и изящных полотен, только ободранная штукатурка да холодные решётки.

Как я докатилась до жизни такой?! За пару дней из

перспективной художницы превратилась в преступницу. Ну здесь хотя бы было теплее, чем на улице. И я не единственная оценила заботу добросовестных офицеров. Моя соседка по несчастью приняла камеру, как дом родной. Хотя одежды на ней было побольше, чем на мне, по одному взгляду на её дырявые башмаки и гнилой передний зуб, по одному вдоху её уличного амбре стало ясно, что ей пришлось ещё worse.

Я вжалась в угол камеры, стараясь держаться подальше от безумной Мэйбл и поближе к свежему воздуху, но зря волновалась. Мою горе-напарницу больше заботили тихие беседы с самой собой, от которых она дёргалась и хихикала.

Мои уговоры и оправдания не работали. Трижды попытка счастья с прекрасным офицером и его не таким прекрасным напарником, я сдулась и притихла. На мольбы выпустить меня они лишь хмыкали и опускали головы в какие-то протоколы на столе. Один законный звонок они всё же позволили мне сделать, но наизусть я помнила лишь номера Гэбриэла, Сид и бабули Эльмы. Вот только эти знания мне никак негодились. Бабушка давно умерла, Гэбриэл в принципе тоже для меня умер – измена убивает эффективнее рака – а Сид не отвечала, поэтому я готовилась провести ночь в темнице. Хотя, по сравнению с перспективой замёрзнуть на крыльце этого предателя мистера Кларка, койка на пару с бездомной женщиной, но в тепле полицейского участка – просто дар судьбы.

– Ну хоть обед здесь предусмотрен? – Спросила я сквозь

путья своей темницы, когда желудок недовольно заворчал. В нём зияла такая же пустота, как и в душе, но та жаловалась не так громко.

Мои стражники переглянулись с издевательскими улыбочками.

– Это вам не пятизвёздочный отель, дамочка. – Напомнил мне тот, чьи два подбородка волнами наплывали на воротник форменной рубашки каждый раз, как он ворочал головой.

– Я и без вас знаю. – Огрызнулась я. – Просто я со вчерашнего вечера ничего не ела.

Ухватила тощий бургер в бистро аэропорта прямо перед посадкой. Я-то думала полакомиться чем-то особенным по приезду – устроить праздник по случаю нового начала. Но такое «новое начало» отмечать точно не хотелось.

– И поэтому решили забраться в чужой дом? – Уточнил полицейский Два-Подбородка. Он что, серьёзно? Принял меня за бездомную? До моей соседки, что в эту минуту выискивала что-то у себя в волосах в другом углу камеры, мне пока далеко.

– В десятый раз вам говорю, офицеры. – Закатила я глаза. – Я не забиралась ни в чей дом! Я там живу.

Напарник Двух-Подбородков, которому я присвоила имя Очаровательный – слишком уж он походил на принца Чарминга из мультика про Шрека – вскинул бровь. Как кнутом ударил. Заглянул в свои писульки и произнёс:

– Насколько я знаю, по адресу Харди-авеню, 13 проживает некий Джейсон Кларк, тридцати одного года. – Перевёл взгляд на меня. – Вы не очень-то тянете на Джейсона Кларка.

– И мне уж точно не тридцать один! – Состроила я оскорблённую. Нечего приписывать четыре года там, где их нет.

Я никогда не бывала в полицейских участках Лос-Анджелеса, но по меркам всех кино про плохих парней, этот участочек Берлингтона был совсем крошечным. От входа до камер вёл короткий коридор с парой закрытых дверей, а эти двое надсмотрщиков, похоже, работали прямо из этой же комнатухи. Их столы стояли лицом к друг другу, так что мне было прекрасно видно не только, чем они заняты, но и какого цвета у них носки под задравшимися колошами полицейских брюк. А у Двух-Подбородков я даже могла сосчитать количество родинок на лбу.

И работой этих двоих, по всей видимости, особо никто не заваливал. Каждый год в Лос-Анджелесе совершаются тысячи нападений, краж со взломом и угонов автомобилей. Меня саму дважды обворовывали в метро и преследовали от ресторанчика в Чайнатауне, пока я не запрыгнула в первый попавшийся автобус. Правда, потом я поняла, что забыла заплатить за съеденную лапшу дань-дань и цыплёнка бон-бон, и за мной гнался скорее всего обделённый официант, но возвращаться и проверять свои подозрения я не стала.

Но копы в Берлингтоне, похоже, сидели без работы. Проклаждались – лучшего слова не подберёшь, учитывая в ка-

ком морозе им приходится жить. Я и моя болтливая соседка – самые опасные преступники, которые встречались им на пути за последний месяц, уж точно. Но тот, что поприятнее, офицер Очаровательный хотя бы проявлял больше участия к работе. Он оторвался от записей и внимательно на меня посмотрел:

– Так, теперь, когда мы вас наконец оформили, может, всё же расскажите, что вы делали в доме мистера Кларка?

– Мы с ним познакомились по интернету.

– На сайте знакомств?

– Нет, я не сижу на сайте знакомств.

Два-Подбородка подбечинился и поправил воротничок, выдав себя с потрохами. Вот уж кто – заядлый посетитель подобных приложений.

– Мистер Кларк разместил объявление о том, что хочет сдать дом на три месяца, пока будет в командировке в Лос-Анджелесе. – Раскладывала по полочкам я, надеясь, что на сей раз мне поверят. – А меня пригласили в ваш город рисовать картины. Я – художница.

– Художница? – Заважничал Два-Подбородка. – Я не слышал такой художницы, Эмма Джеймс. А ты, Пламмер?

Очаровательный покачал головой. Так вот как его звали. Пламмер. Эти двое представлялись во время задержания, но я тогда думала совсем о другом. Всё равно, буду звать его «Очаровательный». Уж слишком он очарователен для Пламмера.

– Начинаящая художница.

«Неочаровательный» глумливо ухмыльнулся, но я постаралась не принимать его дурные манеры на свой счёт.

– Вот мы и обменялись с ним домами на время нашей поездки. Мистер Кларк поживёт в моей квартире, а я останусь в его доме.

Но выражения лиц моих привратников ничуть не подобрили.

– Мы пытались дозвониться мистеру Кларку, но он не берёт трубку.

– Уж мне ли не знать! – Проворчала я. – Сама писала и звонила ему, но он проигнорировал все мои попытки с ним связаться. Он ведь должен был оставить ключ от входной двери под ковриком.

– Дайте угадаю. – Подал голос глумливый коп. – Ключика там не оказалось, вот вы и решили прорваться силой?

– Никуда я не прорывалась! На улице – лютый мороз. Я замёрзла и никак не могла попасть внутрь, а мой телефон сел. До ближайшего дома тащиться далековато, а обувь у меня не самая подходящая...

Офицеры синхронно склонили головы к моим туфлям. Могу поклясться, даже Мэйбл оценила «Лабутены» и зашепталась о них со своими невидимыми друзьями. Наверняка обсуждали, какая я идиотка.

– Вот я и решила... – Я повертела языком, подбирая лучший вариант для определения «пробраться в дом». – Попы-

таться зайти без ключа.

– Это взлом. – Подытожил Два-Подбородка.

– Но я ведь уже объяснила вам!

Мэйбл захихикала, я пыталась оправдаться, пока Два-Подбородка осаживал меня обвинениями, а Очаровательный призывал к порядку. В этом балагане не хватало только пятого участника. И он тут же появился. Пожилой, сутулый мужчинка, который сидел за стойкой дежурного, когда меня привели в участок, заставил нас всех замолчать.

– Там женщина пришла. – Сказал он осипшим от сигарет голосом. Дымил от безделья на посту, не иначе.

– И что? – Нетерпеливо возмутился Два-Подбородка.

– Говорит, что пришла забрать задержанную.

Трое полицейских перевели взгляды с меня на безумную Мэйбл.

– Какую именно?

– Ту, что пыталась ограбить дом.

Похоже, нас обеих поймали на одном и том же, потому что никто даже не двинулся с места. Тогда дежурный тяжело вздохнул и пояснил:

– Ту, что не Мэйбл.

Эмма

– Недоразумение какое-то!

Женщина всё ещё причитала, пока подбивала зелёный плед под мои задубевшие ноги. Прямо как бабуля в детстве. Только та ещё наполняла грелки кипятком и подкладывала ко мне в постель вместо мягкой игрушки-обнимашки. Так случалось каждый раз, как я загуливала на улице и приходила домой посиневшая от миннесотского холода. С волосами-ледышками, торчавшими из-под связанной ею шапкой. С балоневыми штанами, заледеневшими у лодыжек в несгибаемые трубы. С губами, окрашенными в цвет бледной сливы, что росли на нашем заднем дворе.

Бабушка Эльма была человеком старой закалки и всегда выхаживала меня проверенными дедовскими способами. Банки на спину, чай с клюквенным джемом, отвар из ромашки, на вкус как подошва ботинка.

Эта женщина чем-то напоминала мне бабушку, только на десятки лет моложе и несколько сантиметров шире. Бабуля Эльма к старости иссохла в мягкий изюм и ростом едва ли доходила мне до макушки, а я и в тринадцать лет считалась не самой высокой в классе. Её руки оставались такими же нежными и тёплыми, хотя старость проехала по ним с лихвой, наградив глубокими бороздами. Как и лицо, но по нему уже промчалось горе. Казалось, что после смерти моих ро-

дителей, все жизненные процессы в моей бабушке замедлились. Она стала увядать, уменьшаться, исчезать. Пока не исчезла окончательно.

Пока моя спасительница заботливо суежилась вокруг и нежно кудахтала как курица-наседка, я с любопытством разглядывала её и сравнивала с бабушкой Эльмой. Словно дежавю, только увеличенное в размерах. Эту женщину язык не повернётся назвать грузной или полной. Скорее, пышная и румяная, как дрожжевая булочка. Бабуля пустила седину на семятёк, и та растеклась по всей её голове, но её новая версия явно не забывала заглядывать в парикмахерскую ввремя. Её всё ещё не по возрасту густые волосы отливали медовой сладостью и укладывались на затылке в беспорядке. Был видно, что всё в её жизни под контролем, поэтому такой бунтарской хаос с причёской очень был ей к лицу.

В простом кардигане и шерстяных брюках, с тонкой цепочкой, кулончик которой прятался за воротом, с красивыми губами, слегка намаженными розоватым блеском, она притягивала. К этой женщине хотелось дотянуться, дотронуться, попросить обнять. В отличие от её сына, который уже успел мне поднасолить.

Говорят, горе сближает. А заключения в тюремной камере уж подавно.

Этой женщиной, что пришла вызволять грабительницу чужих домов, оказалась мама того самого мистера Кларка. Пару минут прождав у стойки дежурного, она прорвала обо-

рону участка – плешивую, надо сказать, оборону – и ворвалась в наш междусобойчик с решительным видом вызволить меня если не уговорами, то уж точно силой своих широких плеч и округлых бёдер.

Я трижды повторяла полицейским историю, почему пыталась разбить окно булыжником, когда меня заметил сосед и вызвал полицию. Его дом стоял на приличном расстоянии в стороне, но глаз его, видно, был зорким. Но ни Два-Подборodka, ни Очаровательный, который уж точно из них двоих играл роль доброго полицейского, не верили мне. Зато миссис Кларк стоило только упереть руки в бока и назвать своё имя, как дело пошло быстрее.

Я впервые видела эту женщину, но уже обожала её. За пять минут она сделала невозможное. Повторила мою легенду, заставила выпустить меня из-за решётки и пригрела на своей внушительной груди, как птенчика, выпавшего из гнезда. Если кукушки подкидывают яйца мамашам в других гнёздах, то миссис Кларк была кукушкой «наоборот». Приголубила чужого птенца, хотя даже не знала меня. А говорят, любви с первого взгляда не бывает.

– И в следующий раз разбирайтесь, прежде чем арестовывать невинных людей! – Строго наказала она полицейским и подтолкнула меня к выходу.

Усадив в разогретый салон своей несовременной «хонды», героиня моей комедии порылась в багажнике и принесла старый плед, который пах затхлостью, но мне было напле-

вать. Я завернулась в него, как в пушистую перину, и была согласна ехать с этой женщиной хоть на край света.

– Да вы совсем окоченели, дорогая. – Ласково подметила она, забираясь на водительское сидение.

– Как окоченел бы страус, попав на Аляску.

Из меня вышел не лучший собеседник. Пока мы ехали от участка к дому мистера Кларка – уже во второй раз, но с другим водителем – моя спасительница болтала о городских достопримечательностях и самых вкусных ресторанчиках. На случай, если я не сильна в готовке. Разгадала меня за пару секунд – мои руки были созданы творить художественные шедевры, не кулинарные. На «ура» мне удавались разве что блинчики. Но рецепт там не сложнее умножения на «два». Покупаешь специальную муку для блинчиков и следуешь рецепту на обратной стороне упаковки.

Времени обучаться кулинарному мастерству в жизни мне не представилось. В детстве мне готовила бабушка Эльма, в лучшие времена – повара из ресторанов, куда меня водил Гэбриэл. А в промежутках перебивалась чем-нибудь на скорую руку, идеально следуя стереотипу о голодных художниках. Но воображение много не просит: пачка солёных крендельков и литры кофе.

Когда мы подъехали к крыльцу – снова – даже пальцы на ногах успели согреться от заботливой попутчицы и её парного голоса. Мой чемодан опрокинулся и валялся на боку, как поверженный солдат. Но первым делом я подбежала к

тубусу и проверила, не растеклись ли краски, целы ли кисти. Пока офицер Пламмер закручивал руки мне за спину, мы случайно прошлись по моим вещам и так и бросили их здесь замерзать.

Миссис Кларк помогла мне затащить чемодан в дом и побежала растапливать камин, хотя отопление здесь работало на всю катушку. Переступаешь через порог – и из арктической полосы попадаешь в тропики. Я стала медленно раздеваться, глаза на интерьер во все глаза.

Дом был прекрасен. Картинка из «Пинтерест». Копия инстаграмного образца красоты и уюта. Но не из тех фотографий «лакшери» особняков, где минимализмом обзывают пустоту. Не из тех, где опустошённость хочется заполнить миленькими вещичками, что отражают твою душу, а не безвкусицу от дизайнера.

Первый этаж почти не разделялся перегородками. Просторная гостиная примешивалась к прихожей и продолжалась в правой части дома чем-то наподобие кабинета. Встроенные стеллажи с книгами и деревянный стол – наверняка там привык работать мистер Кларк, когда брал работу на дом. А что-то подсказывало мне, что кроме работы он вообще ничего на себя не брал. И больше ничего не видел.

Из кабинета арка вела на кухню, но черпаки и сковородки волновали меня меньше всего. Гораздо более захватывающей дух казалась терраса. Дверь занавешивали тюль и плотные шторы, что сейчас были раздвинуты в разные сто-

роны. Уже не терпится поставить там мольберт и творить, пока солнце не опустится за макушки пушистых елей.

Ансамбль из дивана и двух кресел располагал к тому, чтобы завалиться на них в приятной компании и смотреть старые фильмы, пока в камине трещат дрова и разносят по дому запах хвои. Всё в пастельных тонах, но не теряется. Каждой вещи подобрано идеальное место. Лестница убегала на второй этаж, и где-то там затерялась моя спальня.

У хозяина этого чуда определённо был вкус. И если бы дома кто-то пробовал на зуб, я бы сказала, что этот по вкусу как домашняя выпечка. Я глубоко втянула ароматы дома и поняла, что ничуть не жалею, что приехала. Стоило вытерпеть арест и час в компании сумасшедшей Мэйбл, которая, по всей видимости, в отличие от меня по-настоящему вламывается в чужие дома.

– Джейсон убрал свои личные вещи и все фотографии на чердак, чтобы они вас не смущали. – Объяснила миссис Кларк, когда я подошла к единственной рамке, приукрашивающей камин.

А этот мистер Кларк вовсе не такой, каким я себе его рисовала. Как минимум на двадцать лет моложе и на порядок привлекательнее. Не мистер Вселенная, но что-то точно было в чертах его лица, что уж точно не отталкивало. Такая же густая копна волос как у матери, хотя у неё на затылке уже проглядывались белеющие волоски, словно ненароком залетевшие туда снежинки с улицы. Глаза внимательно смотрят,

испытывают, спрашивают о чём-то. Он почти не улыбался, и мне захотелось узнать, как преобразается его лицо с улыбкой.

Да и мама у него потрясающая, так что мои слова по поводу маменькиного сынка теперь звучали слишком уж критично. Что плохого в том, что взрослый мужчина любит и оберегает мать? Пожалуй, это редкость в наши дни, так что я мысленно подрисовала вертикальную палочку ко всем минусам Джейсона Кларка и превратила их в плюсы. Порой предубеждения водят нас за нос, ослепляют, мешают увидеть нечто хорошее за заведомо плохим.

Я даже не разобрала чемодан. Миссис Кларк усадила меня в кресло с чуть исцарапанной обивкой – единственный изъян во всей обстановке – и придвинула поближе к огню. Укрыла пледом – этот уже пах чем-то древесным и цитрусовым. Так мог бы пахнуть парфюм хозяина, который укрывался им, пока размышлял над чем-то на этом самом местечке.

Через несколько мгновений в моих руках появилась чашка чая – восхитительного, надо признать, хотя я – абсолютная кофеманка – и тарелка с печеньем.

– Мне так жаль, мисс Джеймс! – Причитала миссис Кларк, подставляя мне поближе поднос с горячим чаем и печеньем. Не удивлюсь, если собственного приготовления. Моя кормилица выглядела так, словно всё у неё с пылу с жару. – Такое недоразумение!

– Вы ни в чём не виноваты.

– Виновата! – Всплеснула она руками. – Раз воспитала такого недотёпу! Вы уж простите моего сына. Обычно он не такой рассеянный, должно быть замотался с этой командировкой. А вообще, скажу вам по секрету, у нас у Кларков у всех память немного дырявая.

Как ботинки Мэйбл.

– Ничего страшного. Главное, что всё обошлось. И что я всё-таки попала в этот дом. – Я откусила печенье, сыпучее, со вкусом настоящего масла, и промычала от удовольствия. Последняя крошка, что попала в мой рот, была крошка пыли в полицейском участке, а до этого крошка снега, свалившегося с небес. – И спасибо за вашу заботу. Правда, не стоило так хлопотать надо мной, миссис Кларк.

Но женщина лишь снова замахала руками и просияла ярче ноябрьского солнца в Вермонте.

– Милая, зовите меня просто Бетти.

– Тогда вы меня просто Эмма. – Послала я ей ответную улыбку из-за чашки чая, которую обхватила обеими руками вместо бабулиной грелки. – После того, что мы пережили, можно опустить формальности.

– До сих пор не могу поверить, что этот старый мерзавец вызвал на вас полицию! – Возмутилась Бетти, присаживаясь во второе кресло и хрустя печеньем со мной на пару.

– Ну, он увидел, как незнакомая девушка лезет к его соседу в дом. Я бы, наверное, поступила точно так же.

– Почему же вы не позвонили Джейсону?

– Я звонила. И писала. Но он не отвечал. А когда села батарейка на телефоне, выбор у меня был невелик. – Вспоминала я. – Если бы соседский дом стоял чуть closer, я бы попросилась на один звонок.

Бетти покивала со знанием дела.

– Тем этот дом так прекрасен и так ужасен одновременно. Когда Джейсон купил его, я долго сомневалась, хорошая ли это идея. Да, здесь чудесная природа, но далековато от цивилизации. А если что случится!

От переохладения сердце не заноет, а вот от переизбытка чувств... Забота этой женщины растрогала меня сильнее, чем я могла предположить. За рёбрами заныло по матери, которую я уже мало помнила. Была бы она так же нежна и внимательна? Мне хотелось бы верить, что да. Бабуля Эльма любовью меня не обделяла, но это не одно и то же. Как сравнивать тепло от спички и от костра.

– Вы так заботитесь о сыне. – Заметила я с грустной улыбкой. – Повезло ему быть единственным ребёнком у такой мамы.

– Единственным?! – Хохотнула Бетти с половинкой печенья во рту. – Джейсон мой младший. У него есть старшие брат и сестра, а ещё ворох племянников и племянниц, которые разнесут эту хижину в щепки.

– Ого, так у вас большая семья.

Одинокое сердце всегда болит о семье. Благо, миссис Кларк не уловила горестных интонаций и взглянула на огонь

с такой глубокой улыбкой. Так вот как выглядит женщина, которая получила в жизни всё, о чём мечтала! Она глядит в прошлое без тоски и сожалений, а с благодарностью за каждый прожитый миг, за каждую крупницу любви, что испытала.

Хотела бы я так же... но пока что, заглядывая в прошлое, видела лишь помарки, как в диктанте по языку жизни. Некоторые перечёркнуты, некоторые в злобе заштрихованы ручкой. И у меня нет замазки, чтобы их исправить. Бетти Кларк не нужна была замазка, ведь в её диктанте ни одной описки.

– А у вас?

Я непонимающе захлопала ресницами.

– Есть семья?

– Моя семья – это краски да кисточки. – Улыбка вышла вымученной. Притворство – особый вид искусства, в котором я не преуспела. Зато Гэбриэл брал призовые места.

– Очень жаль это слышать.

– Я привыкла.

Я попыталась придать голосу безразличия, но в отличие от мужской половины человечества, мы, женщины, легко улавливаем колебания и импульсы друг друга. Бетти сразу поняла, что расспрашивать дальше – не самый лучший способ наладить отношения. Вместо этого она зацепилась глазами за то, что помогло бы увести беседу в другое русло.

– Вы же так испортите лак! – Почти вскрикнула она, кидаясь к моим туфлям, которые я оставила слишком близко к камину. На лаковом покрытии плясали отражения пламени.

Зычки, что щекотали воображение – вот бы они принялись лизать каблук и подошву, а потом бы полностью проглотили эти мерзкие «Лабутены», как оголодалые дикари. С нежно-голубым платьем со дня нашей с ним первой встречи я расправилась сразу после альбомов с совместными фотографиями.

Бетти бережно отставила туфли подальше от огня, испортив всю картину жестокого убийства. Мне хотелось избавиться от подарка Гэбриэла так же, как и от него самого. От всего, что меня связывало с этой ошибкой всей моей жизни. Тем более, что туфли не принесли мне ничего, кроме слёз и обморожения пяток.

– Дорогушие, наверное. – Загорелись глаза Бетти. Так горят глаза тех, кто всего на секунду поддаётся зависти. – У меня никогда таких не было.

Зато у этой женщины было всё то, на что любая обладательница «Лабутенов» променяла бы своё сомнительное богатство в два счёта.

– У меня бы тоже не было. Это подарок.

– Должно быть, этот человек очень сильно вас любит. – Подмигнула мне Бетти, возвращаясь в кресло.

– Любил. – Поправила я. – Но не очень сильно.

Я захрустела шестым по счёту печеньем, впервые за два года отношений с Гэбриэлом не заботясь о том, что они улягутся на талии лишними сантиметрами. В Гэбриэле Бертье текла истинная кровь утончённого француза. Он любил

вкусное вино, стройных женщин и искусство. Не всегда в таком порядке. Мой взаимный нейтралитет с плитой и кастрюлями в этих отношениях сыграл мне только на руку. На крекерах и кофе сильно не поправишься, так что Гэбриэл только поощрял мою голодную натуру своей любовью, пока не нашёл натуру более оголодавшую. Серена Ван Мейер была не только на пару лет моложе, но и на несколько килограмм стройнее.

Но обо всём этом я смолчала, отъедая своё домашним печеньем миссис Кларк, которая с сочувствием поджала губы. Очаровательные морщинки тут же обняли их со всех сторон.

– Всех нас когда-то любили не очень сильно. Но однажды появляется тот, кто любит сильнее всех. – Женщина кивнула своим мыслям и тут же смущённо подхватила с места, как взбалмошный пудель, бросившийся за мячиком. – Я привезу вам кое-что из её тёплых вещей дочери. Я погляжу, вы не захватили с собой ничего путного.

Глаза скокнули на одинокий чемодан, который не позволял поболтать у камина. Взгляд насмешливый, но не осуждающий.

– Ну что вы, не нужно! – Стыдливо запротестовала я. – Я всё куплю... как-нибудь потом.

Когда обзаведусь хоть каким-то капиталом, а пока придётся найти какую-нибудь распродажу и приобрести хотя бы зимние ботинки. «Лабутены» для этих краёв слишком уж неподходящая обувь, как лыжи для Камбоджи. А на смену в

чемодане тихо протестуют себе кроссовки.

– И речи быть не может. Вы с Вики почти одинаковой комплекции. Я мигом!

На все мои протесты Бетти выдвигала свои, и в этих дебатах мне было не выиграть. Уже на выходе, заматывая кашемировый шарфик, миссис Кларк обернулась и подмигнула мне:

– Надеюсь, вы любите домашнюю еду?

В последний раз я ела что-то «домашнее», когда бабушка Эльма ещё могла держать ложку в руках. Это было так давно, что почти стёрлось из памяти. Помнится, это был чесночный хлеб и луковый суп по её особому рецепту. Бетти долго смотрела на меня, пока я ощущала на языке привкус чеснока и ароматного мякиша. От лука все плачут, но я единственная чуть не расплакалась от лукового супа, и в ответ сказала лишь:

– Обожаю.

Дверь тихо прикрылась, оставив в доме лишь шёпот пламени в камине. Мне не в первой оставаться наедине со своими мыслями. Но впервые за долгое время мне не было с ними одиноко.

Джейсон

Как можно быть таким идиотом!

Нащупав ключ, припрятанный на верхней балке дверного косяка, я в сотый раз мысленно наорал на себя. Порой, просто жизненно необходимо ставить себя на место, в качестве профилактики таких вот недоразумений.

Мисс Джеймс ключ от своей квартиры не забыла оставить. А я увёз свой на другой конец страны в кармане пиджака, на который сменил тёплую вермонтскую куртку в самолёте где-то над Колорадо-Спрингс. Я повертел в руках оба ключа и цмокнул на собственную глупость. Хорошо хоть мама как всегда пришла на выручку. Не знаю, чтобы без неё делал. Пока что мой план разгрузить её не удавался. Я специально нашёл жильца, который бы вместо мамы заботился о целом доме в моё отсутствие, а в итоге маме приходилось ещё заботиться об этом жильце.

День сегодня тянулся так долго, как устье Амазонки. И я чудом не утонул. Барахтался в новизне, пытался выплыть из пучины обязанностей, которых в Эл-Эй оказалось куда больше, чем в нашем вермонтском офисе. А напоследок ещё и эта история с забытым ключом и полицией чуть не потопила меня.

Мистер Леблан – тот ещё кадр в фотоплёнке моей жизни. Я поселился на Деруэй Айленде, чтобы быть подальше от су-

матокси и суеты, от настырности и злобы людей, каких я повидал немало за годы работы в рекламе. Но риелтор предусмотрительно не предупредила меня о том, что вместе с чудесным домом по Харди-авеню в придачу прилагается дошный сосед, который творит, что ему вздумается. Его кирпичный домишко стоял довольно далеко, но ветви заботливых клёнов не укрывали меня от его глаз, и мистер Леблан всегда находил пути к моему терпению.

В тот же день, как я переехал в новый дом и зашёл поздороваться, он не пожал руки, облаял меня с ног до головы и хлопнул дверью.

Когда ремонтники, переделывающие комнаты под меня, зашли к нему за молоком в кофе, он обозвал их стервятниками и снова хлопнул дверью.

Мистер Леблан вообще был мастером хлопать дверьми. Этим звуком заканчивался почти каждый наш разговор, если двери оказывались поблизости. А его кошка вообще не слыхала о кошачьем этикете и правилах хорошего тона. Она, как бездомный енот, прибивалась ко мне пару раз в неделю и делала мою жизнь невыносимой.

Когда я купил «порше», мистер Леблан пришёл с документом – письменным распоряжением не разъезжать на «монстре» около его дома после восьми вечера. Уж слишком ревучим для него казался мотор, а он любил отдыхать после ужина и рано отправлялся спать. Меня не особенно волновал соседский сон, а вот угроза обратиться в мэрию с петицией

— очень даже. Я не нарушал законов или границ вежливого соседства, не гонял на «порше» под покровом ночи и вообще вёл спокойное существование, но с мистером Лебланом лучше соглашаться, если не хочешь потратить несколько недель на разбирательства.

И этот стареющий проныра со зрением крота как-то углядел, что к моему дому подъехало такси, когда я должен бы улететь за горизонт, чем очень его обрадовало. Незнакомка, что обивала мой порог, сильно встревожила и без того тревожного человека, и он тут же позвонил в полицию и мне заодно — его звонок числился в списке десятков пропущенных в моём телефоне. Полицейские подоспели как раз вовремя. Моя новая жиличка как раз собиралась разбить окно камнем, чтобы пробраться внутрь. Её увезли в наручниках, а мама застала уже валяющиеся чемоданы и кучу следов на запорошенной снегом дорожке.

Как же хорошо, что всё обошлось! Не хватало мне ещё лететь назад, чтобы со всем разбираться. Хотя перед этой художницей, конечно, стыдно. Как только освоюсь в её квартире, надо бы позвонить и извиниться. На извинения сил у меня пока что хватит.

Сколько себя помню, я жил работой, но даже для такого трудоголика, как я, лучшей частью дня всегда было возвращение домой. Квартирка на Томас-стрит совсем не казалась мне домом. Как можно вспылать тёплыми чувствами к месту, которое видел лишь на фотографии? Один фа-

сад здания в десять этажей прожѐг меня окнами, как встречный прохожий прожигает тебя недовольным взглядом и вопросами, что я здесь забыл. Замочная скважина застопорила ключ и не хотела поворачиваться, чтобы впустить незнакомца внутрь. И её можно понять. Мой дом вѐл себя так же, раз мисс Джеймс пришлось хвататься за булыжник, чтобы попасть внутрь.

Интересно, чтобы сделал я, забудь она оставить ключ на косяке? Полез по выступам подоконников прямиком на третий этаж? Вызвал бы спасательную бригаду, рьяно доказывая, что имею законное право на то, чтобы снести дверь с петель? Хотя скорее всего просто написал бы той девушке – или женщине? – по имени Сид, которая отыскиала моё объявление. Раз уж она подыскивала приют для своей знакомки-художницы, то наверняка хранила запасной ключик от её квартиры.

Чувствуя себя взломщиком, я по шажку преодолевал скованность и продвигался вглубь своего временного обиталища, но довольно быстро освоился и пропитался его атмосферой. Уже на входе в ноздри ударил исконно женский запах – так не пахнут холостяцкие берлоги или семейные гнёздышки. Ароматизированный коктейль из кокоса, ванили и одиночества. Ну и ещё нотки какой-то выпечки, источник которой благоухал на кухне.

Две комнаты и спаивающая их гостиная на пару с кухней разительно отличались от загородного уюта моего коттеджа,

но и не походили на мои ожидания. Я представлял, что художники ведут богемный образ жизни. Особенно здесь, в Городе ангелов и искусства. Думал, что повсюду будут стоять или висеть картины, безвкусные безделушки и эклектичный декор. Или же здесь будет царить минимализм, лаконичность, бездушность в стиле лофт. Но нет. Всё, чего касалась рука мисс Джеймс, было будто на правильном месте. Кроме меня. Я единственный выбивался из общей картины, но ведь меня рука мисс Джеймс и не касалась, верно?

Я бросил вещи прямо у входа и некоторое время бродил по квартире, привыкая к ней и давая ей привыкнуть к новой фигуре на шахматной доске. Нам не мешало бы сыграть. За ту смехотворную сумму, что я платил хозяйке, я получил жемчужину. Так радуешься, когда находишь потерянную цепочку, а в ломбарде тебе говорят, что это настоящее золото. Но в жизни везёт отыскать лишь пару таких находок. Или вообще ни одной.

Но бриллиантовым кулоном на моей «цепочке» была мансарда, переделанная в художественную студию. Вот где пряталась вся коллекция картин хозяйки. Они занавешивали стены, жались рядком на полу, стопками подпирали друг друга у стойки с орхидеями. Вечернее солнце косо поглядывало в комнату через окна в потолке и наполняло помещение каким-то магическим светом с оттенком розового вина. Меня заворожило это место, но ещё больше – картины мисс Джеймс.

Услышав от Сид, что в моём доме поживёт художница, я скептически хмыкнул. Художница... Сейчас каждый второй художник, который калякает и ставит кляксы, выдавая свою бездарность за талант. А мы живём в таком мире, что искусно преподанная бездарность продаётся лучше таланта. Но мисс Джеймс определённо обладала даром свыше. Каждая её картина превосходила предыдущую по безупречности. В основном она писала пейзажи, а не непонятные абстракции или бурный полёт мысли, на который не подберёшь лучшего слова, чем «мазня».

Ванная заставлена бутылочками и баночками разных цветов, консистенций и размеров. Хоть одна девушка не держит дома арсенал косметики? Всё это буйство кокоса и миндаля, выставленное на показ на всех полочках, даже некуда было убрать, потому что в ящиках и шкафчике царило ещё большее безумие. Лучшие вообще к ним не прикасаться – только я открыл дверцу, как на меня посыпались тюбики и тампоны. Жуть какая. Издержки обмена жильём с женщиной.

На мансарде можно было бы устроить свой временный кабинет, но не хотелось стеснять художества или спугнуть обитавшую здесь музу. Я бы мог надолго застрять в этой комнатухе, но желудок не разделял моего восхищения искусством и ворчливо потребовал еды. В тишине одинокой квартиры его урчание разнеслось громом, и я поспешил на кухню, надеясь, что мисс Джеймс подумала о том, чтобы оставить мне что-нибудь съедобное. Из-за суматохи с перелётом

и работой, я позабыл не только оставить ключ под ковриком, но и забежать по пути сюда за продуктами.

Лучше бы мисс Джеймс потратилась на еду, а не на бытовую химию. Умирают ведь от голода, а не от грязной головы или отсутствия объёма у корней.

Пока все комнаты выглядели так, словно в них постоянно бывали, кухня казалась необитаемой. Тогда как моя мама заполняла каждый сантиметр свободного пространства кухни какой-нибудь мелочью или посудиною, все горизонтальные поверхности здешней гастрономической монархии оставались девственно чисты. Никаких лишних подставок для ножей, подвешенных на стену черпаков и наборов солонки и перечницы, что занимали половину стола. Только большое блюдо, прикрытое полотенцем, говорило о том, что хозяйка вообще появлялась в пределах досягаемости конфорок. Поверх полотенца лежал листок с красиво выведенными буквами.

Добро пожаловать домой! Это мой сувенир в честь новоселья! Надеюсь, вам здесь понравится.

И подпись уже крошечными буквами, которые не уместились выше.

Эмма.

Как мило с её стороны – встретить меня угощением. Я же натравил на неё полицию. Неправильно получилось. Прикинув, что в Берлингтоне сейчас на три часа позже, решил, что десять тридцать – не такое уж «взрослое» время для звонка.

Испытав странное волнение, я нажал кнопку вызова и стал ждать. Но мисс Джеймс не пожелала со мной разговаривать и сбросила. Всё ещё дуется на меня из-за ключа и полиции? Но я ведь не планировал засадить её в тюрьму до окончания дней!

Впрочем, мои опасения были напрасны. Звонок прервался, но на экране тут же высветился входящий от абонента Эмма Джеймс – она хотела поболтать по видеосвязи.

Волна тревоги окунула меня в свою пену с головы до ног. Холодок пробежал по коже, будто со мной пытался созвониться сам президент. Чего я так реагирую? Боюсь, что художница станет расписывать меня нелестными эпитетами прямо в лицо? На всякий случай я посмотрел на своё отражение в дверце микроволновки и подозрительно поздно всё же ответил на звонок.

– Мистер Кларк!

На чёткой картинке появилась симпатичная девушка чуть младше меня с каштановым ураганом кудрей и изящным носиком. Её зелёные глаза поблескивали при свете ламп, что я сам же покупал для гостиной. Несколько мгновений я смотрел на её губы, которые расплылись в неловкую улыбку и заговорили со мной:

– Подумала, нам лучше всё же познакомиться лицом к лицу, раз уж мы обменялись домами на всю зиму. Надеюсь, вы не против?

Мисс Джеймс выглядела совсем не так, как выглядят лю-

ди, проторчавшие в летних туфлях на морозе несколько часов, и просидевшие в тюрьме с женщиной-оборванкой на пару. А мама всё поведала мне о злключениях моей съёмщицы. На её фоне я выглядел дырявой тапкой, хотя всего-то не выспался в самолёте и непродуктивно поработал восемь часов в офисе.

Я ожидал, что... Точно не уверен, чего я ожидал. Заносчивой красотки с раздутыми губами и самомнением? Экстравагантной обладательницы разноцветных волос? Я не знал, как выглядят художницы, но почему-то мне казалось, что совсем не так. Мисс Джеймс выглядела... обычной. Красивой, но той простой красотой, которую оценит ни каждый. Я оценил, но одёрнул себя, что пора и мне что-то сказать, а не размышлять о её внешности. Никогда я не мог сказать женщинам то, что они хотели от меня услышать. Хорошо хоть эта ждала от меня лишь приветствия.

– Добрый вечер, мисс Джеймс! Всё в порядке.

Сколько раз в день мужчина врёт женщине? Это была моя первая ложь, ведь я не терпел всех этих видеоконференций и общих чатов. Предпочитал старые добрые звонки и переписку человеческим языком, а не сокращениями и смайликами.

Пока собеседница не начала говорить, я поспешил облегчить душу.

– Мисс Джеймс, я хотел бы извиниться. Так ужасно получилось. Я был уверен, что оставил ключ под ковриком. Наверное, на автопилоте сунул его в карман, потому что спе-

шил в аэропорт...

— Не берите в голову. — Хм, все женщины, которых я знал, давно бы взорвались от подобной выходки и заматали в меня молнии из глаз. Но мисс Джеймс метала лишь задорные огоньки. — Главное, что всё обошлось.

— Так вы не держите на меня зла?

— Признаюсь, сидя за решёткой, я придумала парочку метафор в ваш адрес... — Она беззлобно улыбнулась, слегка покраснев. Разве ещё кто-то краснеет от стыда? — Но ваша мама выручила меня, отвезла домой, накормила и обогрела, так что вся злость прошла. — Она тихо посмеялась сама себе. — Не думала, что к двадцати семи годам смогу говорить, что меня вытащили из тюрьмы.

— Теперь сможете стать авторитетом в какой-нибудь банде.

— Боюсь, меня выгонят из неё в первый же день. — Подхватила собеседница. — Я ведь в жизни пистолет в руках не держала, и смогу лишь заколоть кого-нибудь кисточкой или брызнуть краской в глаза...

— Тоже неплохо! Эффект неожиданности никто не отменял.

Мы улыбнулись друг другу с разных концов континента. Так странно, шутить с кем-то, кого увидел тридцать секунд назад. Обычно мой юмор никто не понимал, разве что Люк, ведь он и после третьего ребёнка остался всё тем же дурашливым пареньком, с которым я делил комнату в детстве.

Мисс Джеймс сидела на моём любимом кресле, том, что

стоял поближе к камину. За её спиной проглядывался мой кабинет и зашторенные окна, и на мгновение мне так захотелось домой, поменяться с мисс Джеймс обратно и сказать Джиму, пусть ищет на это место кого-то другого, но вместо этого сказал:

– Я рад, что с вами всё обошлось и что мама подросла вовремя.

– О, у вас просто замечательная мама!

– С этим я не стану спорить.

Каждый, кто знал Бетти Кларк, придерживался того же мнения. Она была ангелом-хранителем всех и каждого: семьи, близких, подбитых собак и безглазых котов, бездомных и обездоленных, угодивших за решётку...

– Миссис Кларк привезла мне кучу вещей вашей сестры! – Воодушевлённо рассказывала мисс Джеймс. – Сказала, ей они больше не нужны, зато мне пригодятся, пока я не обладусь собственным гардеробом для северного полюса.

– Не так там и холодно...

– Не забывайте о том, откуда я приехала! – С деланной обидой возразила художница. – Если бы вы по щелчку сменили жаркое лето на снег и мороз в минус, я бы на вас посмотрела!

– Смею заметить, что со мной случилось то же самое!

– Только наоборот. И вы не коченели в одних туфлях в сугробе. Всего-то сняли тёплый свитер и надели майку.

– Ладно, вы победили. Но холод я люблю больше, чем

невыносимую жару.

Я облокотился о столешницу и забыл о том, что ненавижу все эти видеоразговоры, современные средства общения и пустую болтовню, которая лишь отнимает время.

– А ещё миссис Кларк привезла мне кучу домашней еды и составила компанию за ужином, – похвасталась новая знакомая, и на сей раз даже я ей позавидовал. Еле удержался, чтобы не расспросить о том, что они ели, но побоялся истечь слюнками, потому что следующие три месяца забуду вкус маминой стряпни. – У неё просто восхитительный мясной рулет!

– Вы просто ещё не пробовали её пюре.

– Теперь буду думать о нём день и ночь. – Отшутилась мисс Джеймс. – В общем, я просто хотела наконец познакомиться лично, пусть и с расстояния в четыре тысячи миль. Не буду вас больше отвлекать...

Мне хотелось воскликнуть, что она ничуть меня не отвлекает, но вырвалось только:

– Спасибо!

– За что?

– За пирог, что вы оставили на кухне.

Я «поставил» художницу на стол, прислонив телефон к чайнику, и отрезал себе внушительный кусок мягкого, как арахисовая паста, пирога.

– О, это... Не благодарите! Я ведь не сама его готовила. В таком случае, вас бы уже забирали на скорой, потому что

готовлю я хуже, чем переношу холод. – Снова её щёки порозовели от смущения. – Но я купила его в лучшей кондитерской если не всего Лос-Анджелеса, то хотя бы Палмс.

После сэндвича в самолёте я распробовал разве что офисный кофе и желейные конфетки, что сгрудились рядом с кофейником во всеобщем доступе для офисных планктонов. Первый укус тут же наделил мои рецепторы симфонией вкуса.

– Он с черникой, белым шоколадом... – Рассказывала мисс Джеймс, пока я пережёвывал само райское наслаждение. Боже, как вкусно! Почти сравниться с маминым лимонным пирогом, но лишь почти...

– А ещё там есть клюква и...

– Арахис?

– Да! – Обрадовалась она так искренне, что я чуть не простил ей тот факт, что...

– У меня аллергия на арахис. – Сипло сказал я, выронив пирог бисквитной кляксой прямо на пол. Горло резко стало сдавливать, словно на мне отрабатывал удушающий приём какой-нибудь здоровяк из боёв без правил.

– Господи!

В следующую секунду я стал хватать ртом воздух, как ящерица, заглатывающая языком летающих мошек. Я схватился за грудь и дышал так глубоко, как только мог, но пополучить бесценный кислород никак не получалось.

Что нас не убивает, делает нас сильнее. Но, похоже, сего-

дня меня убьёт пирог из лучшей кондитерской если не всего Лос-Анджелеса, то хотя бы Палмс. Не самая хорошая реклама – как рекламщик, я знал, о чём говорю.

Эмма

– Девять один-один, что у вас случилось?

Слишком уж спокойный голос диспетчера вывел меня из себя. Как можно оставаться такой беззаботной, когда я убиваю человека?! Когда он задыхается?! Моё самообладание шлёпнулось куда-то на пол вместе с мистером Кларком. Когда он исчез из поля зрения, я чуть не схлопотала инфаркт, но вовремя взяла себя в руки. Схватила трубку стационарного телефона, продолжая следить за своей квартирой по прямому включению. Боялась оставить мистера Кларка хоть на секунду.

Я не хочу снова в тюрьму! На сей раз Бетти вряд ли меня спасёт, учитывая, что я придушила её сына черничным пирогом. А вместо безумной Мэйбл в соседки мне подsunут татуированную наркоторговку, которая силой сделает меня своей шестёркой.

– Тут человеку плохо! – Закричала я в трубку, наблюдая за пустым экраном. Хрипы всё ещё раздавались откуда-то снизу, так что я хотя бы знала, что *человек* жив. – У него анафилактический шок от арахиса. Вышлите скорую в Палмс, по адресу Томас-стрит, 28, квартира 3с.

– Палмс, мисс?

Чёрт, я даже не подумала о том, что меня свяжут со службой спасения Берлингтона! Местная скорая никак не помо-

жет задыхающемуся Джейсону там, в Калифорнии.

– Да, это Лос-Анджелес. – Торопливо пояснила я. – Пожалуйста, сообщите своим коллегам, чтобы они поскорее прислали кого-то по адресу, что я назвала. Он задыхается!

Я и сама почти задыхалась от паники. Пока мы тут ведём светские беседы, он там корчится на полу, а его горло сжимается спазмами, пропуская по трахее всё меньшие струйки воздуха.

– Не волнуйтесь, мисс, я уже связалась со службой спасения Эл-Эй. Машина выехала.

– Слава богу!

– Не могли бы вы назвать своё имя? Имя потерпевшего? И откуда вы звоните?

Теперь я только обрадовалась хладнокровности женщины на проводе. Одной паникёрши нам здесь достаточно.

Я вкратце объяснила ей, что болтала со знакомым по видеосвязи, когда он попробовал кусок пирога с арахисом и свалился почти замертво. Такие незначительные детали, как то, что пирог этот купила я, как-то сами собой опустились.

Откуда же я могла знать, что у этого мистера Кларка аллергия на арахис?! Мне кажется, о таком нужно сообщать заранее. Вроде как: «Привет, меня зовут Джейсон, я – маменькин сынок, а ещё у меня жуткая аллергия на арахис. Так что, если хочешь сделать мне приятный сюрприз к приезду, лучше купи приличный виски, а не смертоносный пирог».

Диспетчер узнала всё, что нужно, ещё раз заверила меня,

что всё будет хорошо.

– Если хотите, я могу остаться на линии и дожждаться скорой вместе с вами?

– Нет-нет, я справлюсь. Спасибо вам. Вы спасли ему жизнь!

– Это *вы* его спасли.

Сразу после того, как чуть не убила. В голосе женщины зазвучала искренняя похвала, будто я могла поступить иначе: взять и бросить мистера Кларка на произвол судьбы. Обзавестись трупом в собственной квартире.

Без её голоса стало как-то одиноко. Я позвала мистера Кларка и заверила его, что помощь уже в пути. В ответ не слышалось даже хрипов, и я так перепугалась, что чуть не расплакалась. Но головы не потеряла и продолжила подавать голос. Пусть знает, что я рядом, пусть и за четыре тысячи миль. Можно быть на расстоянии вытянутой руки и всё равно за миллион световых лет друг от друга.

Нет ничего хуже, чем смиренно ждать. Искуса в все кутикулы, перебрав все слова утешения, передумав все исходы, я наконец услышала шум. Сначала постучали в дверь и что-то спросили. Затем шаги... В камере мелькнул силуэт, потом ещё один. Звук возни, расстёгивания молний и переговоров, но я перестала слышать и перестала дышать, пока на экране не возникло незнакомое лицо мужчины средних лет в форме парамедика.

– Это вы вызывали скорую? – Спросил он.

– Да! Как он? Он жив?! Он...

– Он в порядке. – Заверил меня парамедик. – По крайней мере, будет. Мы отвезём его в больницу, скорее всего ночь он пробудет там. Вы молодец, – ободряюще кивнул он. – Быстро среагировали. Я вас отключаю, чтобы забрать телефон мистера Кларка с собой.

– Спасибо! – Открыла я рот, но тут же прикрыла. Звонок прервался, усталое лицо парамедика пропало, и я снова осталась одна.

Эмма

– Наверняка он меня ненавидит. – Вздохнула я в трубку для пущего эффекта, на случай если Сид не поняла, как я расстроена.

– Да брось ты. Ты ведь не специально хотела его прикончить.

Сид вся эта ситуация забавляла куда больше меня самой. Ещё бы! Это ведь не она наблюдала за тем, как мистер Кларк выпускает ужасные хрипы и свистит как вскипевший чайник. Не помню, когда в последний раз так переживала за чью-то жизнь.

Вернее, помню, но бабуля Эльма умирала от старости, да неизлечимой болезни, а не от моего пирога. Она ушла так тихо, во сне, без стонов и хрипов, и, хотя я просидела у её постели в больнице всю ночь, ушла не на моих глазах. Я ещё долго ненавидела себя за то, что задремала после полуночи и не так крепко сжимала бабулину руку, как она того заслуживала.

– А если он завтра позвонит и скажет мне выметаться из своего дома? У меня нет денег на отель или другое жильё.

– Ты как всегда драматизируешь. – Я физически почувствовала, как закатываются глаза Сид. – А если бы он поскользнулся в твоей ванной, ты бы тоже чувствовала себя виноватой?

– Это другое. Я же не подсовывала ему намыленную мочалку под пятки, чтобы он навернулся. А смертоносный пирог – да.

– Ладно, завязывай нагнетать. Лучше подумай о том, что завтра тебя ждёт встреча с Хьюго Максвеллом.

Мы уже десять минут обсуждали аллергический припадок нашего общего знакомого, хотя Сид позвонила для того, чтобы напомнить, зачем я вообще пожаловала в другой климатический пояс. Сид Брэберн не была бы одной из лучших арт-агентов, если бы за пять минут не договорилась с безумно богатым – и наверняка безумно занятым – клиентом о встрече. Вечером я собиралась полазить в интернете и поискать загадочного Хьюго Максвелла в соцсетях, а может и в статьях, посвящённым успешным мира сего. Но суматоха со смертью от пирога немного сдвинула мои планы.

– Какой он из себя? – Спросила я Сид, стараясь хоть немного отвлечься от мистера Кларка и гортанных звуков, что он издавал.

– Богатый.

– Я серьёзно. – Насупилась я. – Мне же интересно!

– Вот сама завтра и узнаешь. – Секретничала Сид. – Он сказал, что прийдёт за тобой машину к двенадцати дня, так что постарайся быть к этому времени готова.

– Такую возможность я ни за что не упущу! – Заверила я её, а у самой коленки подкашивались от волнения.

В детстве я боялась всего подряд. Теста по математике,

которую я перестала понимать после таблицы умножения. Соревнований по волейболу, в команду куда меня засунули чисто случайно, хотя я ненавидела как бегать за мячом, так и убежать от него. Выпускного бала, на который меня пригласил Ники Роумэн только потому, что остальных девчонок уже расхватали кавалеры, пока он провалялся в больнице с гастритом.

Жизнь часто заносила меня на поворотах, поэтому я боялась ехать вперёд по её извилистым дорогам. И только бабушка Эльма помогала мне держать руль и давить на педаль тормоза не слишком сильно.

– Если ты чего-то боишься, значит, в твоей жизни происходит что-то важное. – Повторяла она и поглаживала по волосам так нежно, почти иллюзорно, точно ветерок ласкал своим шёпотом.

Сидя в кресле у камина с очередной чашкой чая перед сном, я боялась, как никогда за последние два года, но и теперь голос бабушки успокаивающими нотами звучал в голове. Я боялась рассорится с мистером Кларком и потерять этот чудесный дом, опростоволоситься перед мистером Максвеллом и потерять последний шанс добиться хоть чего-то на художественном поприще. Потерять последнюю надежду. Слишком многое терялось, чтобы в список пропав прибавлять ещё и всё это.

Я допила чай, который в Берлингтоне отчего-то был вкуснее, чем дома, и решила пораньше отправиться спать, что-

бы завтра явиться «ко двору» достопочтенного Хьюго Максвелла во всеоружии. Или хотя бы без синяков под глазами. Сполоснув кружку в раковине, я принялась вытирать её полотенцем, а когда ставила наверх в шкафчик, случайно задела бедром статуэтку жирафа, в которой стояли венчики и деревянные лопатки для помешивания. Жираф отшатнулся от меня, как от льва на сафари, и полетел с обрыва прямо на кафель.

Даже если бы я была более ловкой, мне никак не удалось бы спасти жизнь бедному животному. Жираф столкнулся с твердью кухонного пола, и десятки его пятен разлетелись на десятки осколков. В тишине округи странно, что на такой звон не прибежал докучливый сосед, мистер Леблан, о котором Бетти поведала мне немало забавных – и не очень – историй.

Почти полминуты я стояла неподвижно, глядя на место преступления. В детективном сериале на такой случай была разработана схема действий: стереть ото всюду отпечатки пальцев и уйти под покровом ночи. Но даже последуй я примеру сериальных убийц, все подозрения всё равно упали бы на меня.

Два покушения за вечер, и одно из них удалось на славу. Голова жирафа отлетела под шкафчик, так что, прибрав осколки в совок, пришлось становиться на четвереньки и лезть за головой голыми руками. Надеюсь, у хозяина не было особых привязанностей к этой домашней зверюшке, иначе

выселения точно не избежать. Хотя я могла бы скрыть убийство до февраля, пока не передам ему дом в полное распоряжение.

Нащупав рожки жирафа, я победоносно потянула его на себя, но тот выехал из-под шкафчика вместе с белым конвертом. Я забыла оплакать статуэтку и бросила её к остальным осколкам, а сама больше заинтересовалась письмом. На одной из сторон значилось моё имя.

Мисс Джеймс

И тут мне вспомнилось, что в сообщении мистер Кларк говорил о каком-то списке дел, которые я должна выполнять по дому, если хочу оставаться в нём и не расставаться с баснословными деньгами за его аренду. Наверняка это он!

Я покрутила конверт в руках, отметив по-детски неаккуратный почерк адресанта, а затем вскрыла и пробежалась по пунктам глазами. Ну ничего себе! Пришла моя очередь задыхаться, но уже от возмущения.

Пятнадцать абсурдных пунктов всего того, что я обязана выполнять каждую неделю. Я ведь не в горничные нанималась! С первыми двумя я ещё могла смириться. Вполне естественно, если я стану вытирать пыль и делать уборку, раз уж я тут живу. Но вот пункт номер пять выдуман в белой горячке, уж точно.

Ни при каких обстоятельствах, даже в случае апокалипсиса, не приближаться к гаражу и не трогать машину даже пальцем.

И мистер Кларк всерьёз хочет, чтобы я всем этим занималась? Я слышала конечно, что за частным домом ухода больше, чем за двухкомнатной квартиркой, но всё это... Тут нужно нанимать отдельного человека, который бы всем этим занимался. Когда же мне творить? Искать музу? Спать, в конце концов?

Как только этот хитрый мистер Кларк отойдёт от анафилактического шока, я устрою ему ещё один.

Джейсон

Я с наслаждением наблюдал, как нетронутые куски чернично-ядовитого пирога летят в мусорное ведро, поверх лоскутов нежно-голубой ткани. Как только меня выписали из больницы и я переступил порог квартиры, первым же делом избавился от отравы, которая чуть не отправила меня на тот свет. Я хотел ускользнуть из-под опеки медиков, едва смог свободно дышать, но меня добровольно-принудительно уложили в палату и угрожали оставить под наблюдением хотя бы на ночь.

Второй день в новой должности, а я уже слыл храпуном, прогульщиком и слабаком. Похоже, Джим Маклугалл почерпнул свои методы обращения с персоналом из устава главного офиса здесь, в Эл-Эй. Когда моя новая помощница услышала, что я опоздаю к летучке в девять, что сам же и назначил, она явно поддержала мнение Джима: пока ты жив, ты должен работать. Но вместо того, чтобы сказать мне о своём презрении в лицо, Мона сдержанным тоном пообещала перенести собрание на двенадцать, и ещё с нажимом поинтересовалась:

– Вы ведь успеете к этому времени?

Пришлось нагло врать, ведь я провалялся на больничной койке и даже не удосужился просмотреть материалы по клиентам, которые взял на дом. Роковой кусок пирога отправил

меня в нокаут, и я проиграл этот раунд. Но впереди была ещё парочка, которые я просто обязан был выстоять.

До летучки с командой идейников оставалось сорок минут, поэтому я с радостью потратил время на уничтожение пирога, и понёсся отмываться от больничного запаха и приводить себя хоть в какое-то подобие порядка.

Уже в такси по дороге на работу мне пришло сообщение от той приятной девушки, с которой я общался по поводу дома. Не с той, что пыталась меня отравить. А с той, другой. С Сид.

Слышала о вашем приступе. Надеюсь, вы в порядке. Не пугайте нас так большие.

Не успел я улыбнуться, как следом пришло ещё одно.

Если нужна будет компания или захотите получить экскурсию по городу от лучшего гида, мой номер у вас есть.

Я заулыбался на заднем сидении такси, впервые взглянув на арахисовый приступ с другой стороны. Пока не побываешь на волосок от смерти, не узнаешь, кто по-настоящему о тебе беспокоится.

Эмма

Изнеженный стон сам собой сорвался с моих губ и провибрировал по всем комнатам дома, оповещая его, что постоялица очнулась ото сна. Окна спальни там, в жарком мегаполисе у океана выходили на малюсенький сквер и каменные джунгли, что пробуждались тысячами огней как раз в тот миг, когда ты отправлялся спать. Захватывающее дух зрелище, но красота всегда требует жертв. Яркий свет негаснущими ночниками теребил даже закрытые веки и вмешивался в сон – если не занавесить окна перед тем, как ложиться, можно и не мечтать о том, чтобы выспаться.

Но здесь было так тихо, так уединённо и так темно. Светлячки далёких городских фонарей и горящих окон любителей бодрствовать допоздна долетали тусклыми точками и совсем не мешали спать. Вчера я даже забыла зашторить окно в гостевой спальне, так что просыпалась сегодня в бассейне утреннего света. Он разводами разлился по мягкой простыни, пощекотал мне пальцы на ногах, заставив позабыть про то, как вчера их колот мороз.

Будто неделю проспала! По телу растекалась истома и приятная лень, ни один позвонок не ломило и не зажимало от неудобство моего матраса. Мистер Кларк выделил мне спальню в самом конце коридора, где, вполне возможно, в другие дни останавливались его родственники или друзья.

Интересно, у него вообще были друзья? Бетти много рассказывала о своём сыночке, но ни о девушке, ни о друге детства, без которых в таких городках, как Берлингтон просто не обойтись, ничего не упоминала.

Небольшая комнатка со светлой мебелью уже готовая ждала моего отхода ко сну. Полки хозяин выпотрошил специально для моих вещей, и вчера я разложила свои скромные пожитки в шкафу и в ящиках комода. Свежее постельное бельё в белые розы приятно дыхнуло на меня цветочным кондиционером, как только я откинула покрывало.

Если я так буду спать каждый день, то к концу моего, так сказать, рабочего отпуска я поймаю нирвану, за которой йоги по всему свету охотятся годами. Нет таких невзгод, с которыми не справится вкусный ужин и крепкий сон.

Я растянулась, покачалась по широкой постели, как скалка по упругому тесту, подставила лицо зимним, но всё ещё тепловатым лучам солнца. Всё же это стоит того! И арест, и все эти требования мистера Кларка... В этом месте меня ждёт что-то новое. Или кто-то новый.

Краешек глаза зацепился за стрелку на циферблате маленьких часов, пристроившихся на комод с таким же удобством, что и я в постели. 11:20. Когда я в последний раз просыпалась почти в обед дома, в Лос-Анджелесе? На школьных каникулах? Как же хорошо...

Так, стоп. Меня и правда ждёт кто-то новый! В двенадцать. Мистер Максвелл. Последний шанс на счастливое бу-

дущее в роли художника!

Лень тут же отлетела в сторону вместе с одеялом. Я понеслась в ванную, ведь вчера даже не смыла с себя тюремное амбре. Поставила личный рекорд по мытью в душе и сушке головы, но укладка вышла ещё эффектнее, чем обычно. Кто же знал, что не бустап, а спешка прибавляет волосам объёма!

Несмотря на то, что кисточки уже давно стали продолжением моей руки, дополнительные пальцы, что творили волшебство на холсте, ужасно управлялись с тенями и подводками. Мама не научила меня краситься, потому что её смерть наступила раньше, чем тот возраст, когда дочь положено учить женским секретам. А годы прихорашивания для бабушки Эльмы закончились в тот момент, как мой дедушка скончался от инфаркта. Вместе с ним она похоронила и желание вырисовывать на лице маску из пудры и румян – она и так каждый день натягивала улыбку, чтобы скрыть горе.

Всё, что я умела: нанести пудру, подвести брови и подкрасить тушью глаза. Скучный набор навыков для девушки в двадцать семь лет, чьё лицо часто мелькало среди лос-анджелесского бомонда. Чьё лицо должно запоминаться, сиять, выглядеть броско, если она хочет покорить мир искусства. В наше время то, что ты делаешь, ценят не так сильно, как то, как ты выглядишь. Гэбриэл и вовсе любил женщин с ярким макияжем, умеющих подчеркнуть свою естественную красоту неестественными красками.

Оглядываясь теперь назад, я вообще ломаю голову, за что

же Гэбриэл любил *меня*? Ведь любовь абсолютна и не терпит условий. А он влюбился в тот образ, который я старалась поддерживать ради него. И как же здорово было освободиться от границ! Как фотоснимок, который годами стоял в рамке на каминной полке, но её решили поменять. Теперь эта Серена пылилась на каминной полке.

Над нарядом пришлось поломать голову. Думала, что встану пораньше и решу, в чём ехать на аудиенцию к, возможно, самому богатому человеку Берлингтона. Но время ужалось до диктаторских пяти минут, за которые мне нужно было подобрать подходящий по случаю комплект из привезённых летних и тёплых, так вовремя подброшенных Бетти, тёплых вещей.

Не было времени даже позавтракать или отгладить сплюснутые в дороге кофты. За окном заскрипел снег под шинами, покладисто заурчал двигатель автомобиля, а потопи раздался мягкий гудок клаксона, а я всё ещё стояла перед зеркалом в одном нижнем белье и кусала губы.

– Ничего себе... – Прошептала я своему уязвлённому эго, выглянув из-за шторы на улицу.

Там, у крыльца поблескивал ярче снега на обеденном солнце «бентли» цвета бургунди. Как пятно от пролитого на белоснежный ковёр вина. Или капля крови от пореза бритвой на краешке ванной.

Я не разбиралась в марках машин и могла лишь отдалённо определить состоятельность владельца по внешнему виду

его четырёхколёсной игрушки. Но эту «игрушку» я узнала бы из тысячи, ведь Гэбриэл – всё ещё чёртов Гэбриэл, что вмешивался в мою жизнь – мечтал о такой и неоднократно показывал буклеты из салона. Но даже безбедному Гэбриэлу Бертье, владельцу известной в Эл-Эй галереи искусств с телефонами зажиточных любителей художеств на быстром наборе, такая машина была не совсем по карману. Потому он рассекал по раскалённому асфальту на «БМВ».

За тонированными стёклами мне не удавалось разглядеть даже силуэт водителя, и я понадеялась, что он так же не разглядывает окна дома и так же не подбирает названия оттенку моего лифчика. Увидев, какую карету мистер Максвелл прислал за мной, я запаниковала ещё больше. Чтобы сесть в такой автомобиль нужно как минимум вечернее платье и кольцо от «Картье», а не мятые джинсы и серьги-жемчужины с распродажи в «Пандоре».

С колотящимся сердцем я заторопилась и решила раз и навсегда больше никогда не позволять мужчинам собой манипулировать. Гэбриэл желал видеть возле себя изысканную, утончённую леди, что ест салат из зелени и бросается лицом в палетку теней. Если мистер Максвелл ожидал увидеть во мне такую же дамочку, то пусть катится куда подальше прямо на своё «бентли». Не стану вырядиться для него. В конце концов, он пригласил меня, чтобы я нарисовала ему парочку картин, а не сопровождала его на бал в мэрию.

Когда «бентли» просигналил во второй раз, всё так же

мягко, но уж более настойчиво, я уже выбегала из дома в своих любимых голубых джинсах, свободном свитере и коротком пуховике, что Бетти сняла с плеча своей дочери. Ботинки на подошве с протектором кстати тоже достались мне от неё. И боже! Как же в них было тепло.

Я трижды проверила, взяла ли с собой ключи от дома, чтобы не повторить вчерашнее приключение. Миссис Кларк оставила мне запасную связку взамен той, что забывчивый сынок увёз с собой в Лос-Анджелес. В спешке чуть не забыла прихватить портфолио: папку с фотографиями всех моих работ, которую Сид так предусмотрительно составила для меня ещё в начале нашего сотрудничества.

Если уж мистер Максвелл хотел впечатлить меня, то мог хотя бы нанять галантного водителя, который бы вышел на мороз, чтобы открыть дверцу девушке. Не то, чтобы я настолько капризна и самонадеянна, просто в фильмах бывает именно так. Но этот истукан остался сидеть в машине и наверняка разглядывал меня через лобовое стекло, как я вперевалку поскрипываю ботинками по снежной вате.

Не знаю, чего я ждала, открывая пассажирскую дверцу «бентли». Но точно не такой роскоши. Я зависла в полусогнутом положении, с открытым ртом разглядывая салон из бежевой кожи. Никогда не думала, что у богатства есть запах. Но если деньги и пахнут, то вот так: отполированной кожей, кедром и восточными примесями пачули. Поблескивающие хромом панели ослепляли сильнее улыбки водителя.

– Может, вы всё же сядете? – С усмешкой спросил он. – Здесь становится холодно.

Я повернула голову на вкрадчивый голос и словно провалилась в самый глубокий сугроб. Тягучий, как конфеты «Тоффи», слова выговаривали самые красивые губы на всём свете. Изящная форма казалась исконно женской, но лёгкая колючесть щёк добавляла им мужественности. Оттеняла чувственность силой. Идеальное сочетание, как вино и сыр, «Нутелла» и тост, кофе и сливки.

– Простите. – Пробормотала я и совсем не изящно усе-
лась на сидение. Оно закрипело и засосало в себя, отчего
мой объёмный пуховик напыжился, и я стала похожа на шку-
ру бурого медведя. Красавица и Чудовище в одной машине,
только поменялись местами. В роли Чудовища я, собствен-
ной персоной.

– Простите, – снова извинилась я. В таком салоне мне хо-
телось делать это почаще. – За то, что заставила вас ждать.
Проспала. – Зачем-то уточнила я с глупым смешком. – Ми-
стер Максвелл, наверное, меня уже ждёт?

Мужчина как-то странно посмотрел на меня и попросил
пристегнуть ремень. Как только зазвучал щелчок и меня
сжала тугая лента, он тут же тронулся, да так плавно, словно
мы катились не по свежему снегу, а по топлёному шоколаду.

Видно, попутчик мне попался неразговорчивый, зато ка-
кой красивый! Пока он внимательно глядел на извилистую
дорогу, я ещё внимательнее поглядывала на его профиль и

пробовала на вкус каждую его чёрточку. С красивыми мужчинами, как с вредной едой. Не можешь остановиться. Хорошо хоть они не откладываются на талии лишними килограммами. Только некоторые на лице глубокими морщинами.

Квадратные скулы плавно переходили в подбородок с ямочкой посередине. У Гэбриэла такая же, но у того на лице она смотрелась неуместно, словно делила лицо пополам, но у этого парня совсем не так. Углы его лица будто лепил один из величайших скульпторов вселенной, а не те бездарные подражатели, которых я встречала в своих кругах. Непокорный вихор тёмных волос и длинные ресницы, от хлопка которых наверняка поднимался ураган. О таких мечтает любая девушка! Как же мир порой несправедлив, распределяя красоту между людьми.

Руки у него тоже были ваянием античных зодчих. Рукава пиджака чуть задрались, пока он крутил руль по улицам Берлингтона, и обнажили запястья с торчащей косточкой. Костюм явно не с распродажи, как мои джинсы. Наверняка мистер Максвелл заботился о внешнем виде своих подчинённых и сам оплачивал их гардероб. В таком наряде и на званом ужине показаться не стыдно.

Когда объект моего наблюдения повернулся, я немедленно прекратила шпионаж и покрылась мурашками. Хорошо хоть под пуховиком не видно пупырышек по всему телу, а то бы я походила на ошипанного гуся перед варкой.

– Не волнуйтесь. – Внезапно заговорил водитель своим

медово-сахарным голосом. – Мистер Максвелл не так страшен, как кажется.

В этом вежливом утешении я разглядела лазейку, которая помогла бы получше узнать тайного воздыхателя моего творчества, и мигом шмыгнула в неё.

– Какой он? Мистер Максвелл?

Похоже, водитель и сам был не прочь посплетничать о боссе.

– А вы не навели о нём справок? Мне было бы любопытно...

– Предпочитаю составлять о людях мнение лично, а не по слухам из интернета. – Приврала я, опустив ту часть, где просто не успела прогуглить этого человека в сети. Собеседнику мой ответ вроде как пришёлся по вкусу.

– Может, я тоже ненадёжный источник? – Чуть улыбнулся он, глядя перед собой. Наша беседа заинтересовала меня больше городских натюрмортов за окном.

– Вы ведь на него работаете. Вы уж точно знаете босса лучше, чем кто-либо другой.

– Так вы совсем ничего о нём не слышали?

– Только то, что он непростительно богат, платит личному водителю и содержит дорогуший автомобиль. Он наверняка сошёл с ума, раз оценил мои картины и пригласил сюда. А ещё, он любит этот город. – Я выглянула в окно на проплывающие мимо дома и лавки. – И в этом я не могу с ним не согласиться.

– И после *самого* Лос-Анджелеса это место не кажется вам... – Водитель повертел несколько слов на языке и озвучил удачно подобранные: – Провинциальным? Невзрачным? Неинтересным?

В эту секунду улицы, по которым мы не спеша двигались ко дворцу Хьюго Максвелла, вдруг превратились в те, из детских воспоминаний. Такие же снежные и немногочисленные, такие же родные и любимые.

– Я ведь сама выросла в небольшом городке. – Призналась я в том, в чём редко признавалась всем тем, с кем водила знакомства в Городе ангелов и тщеславия. – В Миннесоте. Я люблю тишину природы, неповторимость видов и доброту соседства. Но жизнь в большом городе, вроде Лос-Анджелеса, с его спешкой, амбициями и лоском, заставляет забыть, кто ты такой и откуда. Я и забыла, как холодно бывает в декабре... Простите, что-то я разоткровенничалась.

– Мистер Максвелл ценит откровенность. – Успокоил меня попутчик. – Честные люди на вес золота.

– Только вот золото некоторые ценят больше людей.

– Надеюсь, вскоре вы убедитесь, что мистер Максвелл совсем не такой. Почему же вы решили переехать из Миннесоты в Лос-Анджелес? Хотя отзываетесь о нём не с такой, скажем, теплотой?

Меня никогда не спрашивали об этом. Даже Гэбриэл в те времена, когда мы только узнавали друг друга. Для него такой переезд – само собой разумеющееся событие. Зачем про-

зять в безнадежном городишке, когда чуть южнее, под холмами Голливуда перед тобой могут распахнуться какие угодно двери?

– Это долгая история. – Вдруг закрылась я в себе. Мужчина, которого знаешь пять минут, – не лучший слушатель для бед.

– Обычно так говорят, когда хотят уйти от ответа.

– Обычно так говорят, когда не хотят, чтобы им лезли в душу. – Решила поставить я его на место. – Или ваш босс так решил разузнать обо мне побольше? Подослал болтливого водителя, чтобы выяснить, что я за человек?

– Поверьте, – улыбнулся собеседник. – Мистер Максвелл тоже любит составлять мнение о людях по собственным наблюдениям.

С главной артерии города мы свернули к берегу и проехали мимо знака «Окледж Парк». Водитель мистера Максвелла не умел держать язык за зубами, но его говорливость ничуть не выручала в изучении города. Я даже заскучала по таксисту, что рассказал мне столько историй и показал столько мест, пока вёз до дома мистера Кларка.

Виды Окледж Парка резко переменились. Домики теряли этажи по убыванию, пока многоквартирные столбы не превратились в частные коттеджи. Наверняка в этом старом и престижном районе проживали самые сливки Берлингтона. Не каждый мог позволить себе такой особняк – подметила я, провожая глазами трёхэтажную громадину из стекла и хро-

ма. Или такой – мимо пронеслось деревянное шале с террасой на двадцать персон, не меньше. И всё утонуло в снегу, как ванна в пене.

Неудивительно, что Хьюго Максвелл пустил свои корни где-то в этом райском обиталище состоятельных буржуев. Его резиденция наверняка затерялась где-то у самого берега, куда не дойти, не доехать обычным смертным, вроде меня – разве что по особому приглашению. Я уже предвкушала виды из особняка на озеро Шамплейн, которые мне предстоит перенести на полотно.

– Вы так и не рассказали, какой он... – Наша беседа резко оборвалась, и я решила возобновить её. – Ваш мистер Максвелл.

Дорога стала виться змейкой между коттеджами и когда-то зелёными скверами, теперь поблескивающими белизной декабря. «Бентли», что в этой части Берлингтона смотрелся куда уместнее, чем у моего временного пристанища, замедлил ход, что позволяло нам поболтать подольше. До того, как столкнуться лицом к лицу с человеком, который может обогатить меня по щелчку пальцев, я могла разузнать все его самые страшные черты.

– Хотелось бы верить, что он справедлив, умён и щедр.

– Хотелось бы верить? – Переспросила я.

– Я ведь говорю вам о *своих* впечатлениях. – Мужчина хмыкнул, а глаза его загорелись хитрецей. – А ещё он довольно обаятелен, харизматичен, в хорошей физической

форме...

– И наверняка очень скромен.

– Вот со скромностью могут быть проблемы.

– Покажите мне богатого человека, который мучается скромностью.

– И то верно.

Его глаза скользнули по мне, губы сперва открылись, а потом захлопнулись, как переплёт прочитанной книги.

– Можете спросить. – Позволила я и на его вопросительный взгляд добавила: – Вы ведь хотели что-то спросить у меня.

– Почему вы думаете, что ваши картины может оценить лишь безумец? Вы сказали, цитирую: «Он наверняка сошёл с ума, раз оценил мои картины». Почему вы столь невысокого мнения о себе?

Потому что за два года в мире искусства лишь шесть моих картин нашли свой дом. И то, благодаря мужчине, которого я любила, и который играл со мной, как кот с клубком ниток. Потому что, пусть я и заработала на их продаже неплохие деньги для художника-новичка, все они пошли на погашение кредита за квартиру, так что я на мели. Как корабль, который выбросило на берег в шторм. И мою последнюю надежду – выставяться в галерее «Арт Бертъе», быть замеченной каким-нибудь маэстро живописи – выбросило вместе со мной.

Но я не могла всё это вывалить на первого встречного, потому выбрала лживую стратегию:

– Сейчас пейзажисты не в почёте. Коллекционерам подавай что-то экстраординарное, но для меня такие картины – мазня. Я люблю рисовать закаты, горы и воду. Лес, поле... Любой мазок природы становится шедевром. – Я усмехнулась сама себе. – Даже в моих неумелых руках.

Мой спутник долго глядел на меня, я даже успела подрумяниться и распереживаться, что сейчас мы въедем в сугроб или в забор какого-нибудь особняка. Но мы внезапно затормозили перед высокими коваными воротами. На кирпичных столбах повесились фонари в классическом стиле, словно прибывшие напрямиком со страниц книг прошлого столетия.

А за воротами – не замок, но что-то сильно на него похожее. Мраморная скульптура, к которой страшно прикасаться, которую не разрешают фотографировать и хранят за стеклянным куполом с сигнализацией.

Водитель, чьё имя я не удосужилась спросить за всё время пути, нажал на кнопку маленького пульта, и ворота разъехались перед нами. Пропустили внутрь, высказали позволение проехать по вымощенной камнями дорожке, в конце которой возвышался почти дворец. Без башен и драконов, зато с подъездной аллеей, изящными колоннами-атлантами, что поддерживали террасу наверху и шатровой черепичной крышей.

Пока мы медленно продвигались вглубь имения Максвеллов, я зависла и никак не хотела перезагружаться. Меня парализовало от роскоши кругом. Челюсть сама собой откину-

лась, как бардачок, что позабавило моего сопровождающего, и он спросил:

– Нравится?

– Шутите? Я никогда не бывала в таком роскошном месте. – И чувствовала себя деревенщиной, которую пригласили ко двору. – Чем занимается ваш босс? Грабит банки? Торгует оружием?

Водитель рассмеялся, останавливаясь у крыльца, что двумя каскадами ступеней расходилось в разные стороны, а затем снова сходилось у входных дверей.

– Он предприниматель. Занимается строительством.

– Ну, конечно. – Фыркнула я. – Только честные предприниматели живут в таких дворцах.

– Идёмте. Я покажу вам всё, прежде чем мистер Максвелл вас примет.

– Я ведь даже не знаю вашего имени. – Напомнила я, выбираясь следом.

– Зовите меня Уилл.

Бровь просто не могла театрально не изогнуться. Интересно, этот мистер Максвелл даже водителя подбирал так, чтобы его имя соответствовало аристократическому духу этого места? Не помню, когда в последний раз кого-то называли Уильям, не считая принца Англии. Но мы не в Англии, а в самом неприметном городке северного штата.

Не успели мы подняться по водопаду ступеней, которому не было конца и края, массивные двери распахнулись сами

собой. Пока я глазела на бельведеры и карнизы, не заметила, как нас вышел встретить мужчина в чёрном пиджаке, с бесстрастным выражением лица.

– Добро пожаловать... – Начал он, но тут же замолчал, когда Уилл поднял руку. Уж конечно, ради такой гостии, как я, нечего было распаляться на торжественные речи.

– Гилберт, я сам покажу мисс Джеймс дом. – Сказал он. – А вы пока, пожалуйста, приготовьте нам кофе в библиотеке.

Мужчина чуть поклонился, точно королевской чете, и удалился в бесконечных лабиринтах дома.

– Здесь даже дворецкий есть. – Покачала я головой, когда его шаги затихли.

– Гилберт работает на мистера Максвелла, сколько я себя помню. Он остался верен ему даже после смерти его отца. Прошу.

Мне хотелось продолжить тему о прошлом мистера Максвелла, но Уилл галантно пропустил меня внутрь дома, и я сразу же забыла обо всём. Даже если мои картины начнут скупать богачи со всех уголков мира, мне никогда не позволить себе такой роскоши.

Уилл осторожно помог мне снять пуховик Виктории и повесил в белоснежный шкаф у дверей. В джинсах и свитере я не вписывалась в убранство поместья, как чёрный квадрат Малевича не вписывается в выставку портретистов.

Больше десяти минут он водил меня по комнатам, рассказывая о каждой вещи так, словно сам её покупал. Я ходи-

ла следом послушной овечкой и с восхищением разглядывала интерьер, так мастерски воплотивший в себе устаревшую классику и современный стиль.

Обойдя весь первый этаж, Уилл повёл меня наверх по широкой винтовой лестнице. Стену над нами украшали полотна неизвестных мне художников и репродукции известных во всём мире. И если сам дом производил на меня впечатление, то этот набор рисунков, принятых за шедевры живописи, меня разочаровал.

– Вам не нравится? – Спросил Уилл, почувствовав кислоту в моём выражении лица. – Вы смотрите на картины так, словно это каракули детсадовцев.

– Извините, Уилл, но... Для меня так и есть.

– Вот как! – Удивился он, но скорее с любопытством, чем с оскорблённостью. Впервые в жизни мне попался водитель, который, казалось, разбирается в искусстве не хуже меня.

– Не то, чтобы я какая-то там зазнайка. – Поспешила оправдаться я, разглядывая копии «Синих столбов» Поллока, «Девушки перед зеркалом» Пикассо и «Стакана на столе» Брака. – Но для меня картина – не игрище бессмысленных мазков. Говорят, художник пишет так, как видит, но для меня мир совершенно не такой.

Я махнула рукой на абстрактные изображения буйной фантазии великих мастеров, но не разделяла их творческой оригинальности.

– Мне нравится красивый и понятный мир. Где дерево вы-

глядит как дерево, а женская фигура, как сочетание изгибов тела, а не набор фигур для урока геометрии.

Если бы я раньше отвлеклась от своей пылкой речи, то заметила бы, как мой спутник улыбается и даже не смеет перебивать.

– Надо показать вашему боссу настоящее искусство. – Осмелела я, забывая о такте и воспитанности приглашённого гостя. – Шишкин, Айвазовский, Чёрч, Кёйп, Тёрнер. Как они могли повторить каждый штрих природы! Если присмотреться, то можно заметить, как на их полотнах колыхается море или шелестит листок. Они оживляли картины. А ваш мистер Максвелл, похоже, просто следует за модой и скупает то, что по неизвестным причинам сейчас в цене.

И только ляпнув это вслух, я резко прикусила язык и сильнее прижала к себе папку с портфолио. Уилл молчал, но улыбался, и только эта кривоватая улыбка позволяла мне надеяться, что он не разозлился за слова о хозяине дома и не побежит ябедничать ему, а завтра я не сяду в самолёт и не полечу восвояси.

– Простите, ради бога. – Опомнилась я. – Прозвучало так, словно я не уважаю великих художников и считаю себя лучше них, но это не так. Я – профан в сравнении с их величием, но просто не разделяю их стиль. – Щёки прожгло стыдом, и наверняка они стали цвета «бентли» мистера Максвелла. – Не хотела быть грубой, просто... я всегда немного расхожусь, когда говорю об искусстве.

– И именно поэтому мистер Максвелл обратил на вас внимание.

– Что? Но как же он мог об этом знать? Для этого нужно было хотя бы поговорить со мной.

– Идёмте. – Вместо ответа Уилл указал ладонью наверх.

Всё это было слишком странно и слишком интригующе. Мы вошли в библиотеку, где справа рядами стояли стеллажи с книгами, а слева у панорамного окна и выхода на балкончик разместился круглый столик и два кресла, прямо под очередной галереей непростительно дорогих картин. Для нас с мистером Максвеллом уже принесли поднос с кофе, разлитый по фарфоровым чашкам с мраморным узором. Чашки только две, так что Уилл исключался из этой формулы. Рядом разместились сахарница со щипчиками, конфетное ассорти в милой вазочке, фрукты, нарезка сыров и десерты, которым я не знала названия.

Всё это походило на чаепитие у королевы, отчего мне стало ещё больше не по себе. Я так не волновалась, даже когда первый разставляла свои работы в «Арт Бертъе» и со стороны наблюдала за реакцией ценителей искусства, которые разглядывали мои художества. Ненавижу, когда меня оценивают. А от всей этой встречи веяло какой-то игрой, где я теряла очки. Выставкой, на которой я была лотом и ждала, что меня купят.

– Вы, наверное, не успели позавтракать. – Предположил Уилл, приглашая к столу. Какой-то странный из него вышел

водитель. И дом показал, и будто сам кофе собирался со мной распить. – Угощайтесь.

Я неуверенно присела на краешек кресла, всё ещё хватаясь за папку, как за спасательный круг.

– А скоро я увижу мистера Максвелла?

Уилл тепло улыбнулся и как ни в чём не бывало сел напротив. Бросил кубик сахара в кофе и сказал:

– Вы уже его увидели, мисс Джеймс. Теперь позвольте представиться. Хьюго Уильям Максвелл. – Его глаза чёртиками блеснули. – Но все зовут меня просто Уилл.

Джейсон

– Мистер Кларк, ко мне в кабинет.

Хуже того, когда на тебя кричат, надрывая горло и лопаая вены на лбу, может быть только полное спокойствие.

Как бы я ни торопился к летучке, которую сам перенёс на полдень, я не учёл, что давно уже не в Берлингтоне. Этот город напоминает людный бар – слишком много пробок и разгорячённых умов. По дороге в офис я простоял больше часа на Вашингтон бульвар, а потом ещё угодил в переделку – моё такси зацепило какую-то важную шишку, и водители сцепились клыками, пока мы со вторым пассажиром ждали, когда же это всё закончится.

И вот, после ночи в больнице и суматошного утра, я прибыл на работу с опозданием и первое, что услышал, это приказ Дирка Бёртона явиться к нему. И явно не за тем, чтобы обсудить погоду или любимые начинки тортов.

Я успел только бросить вещи в кабинете и уловить предостерегающий взгляд Моны, прежде чем вошёл в клетку к звёрю.

Дирк Бёртон удобно уселся на стул заместителя директора головного офиса «Прайм-Тайм», а так как того никогда не было на работе, он фактически стоял в рубке у руля и управлял всем кораблём. И сейчас наверняка захочет сбросить меня в открытое море.

Про Дирка Бёртона слухов ходило ещё больше, чем про Джима, да и к Джиму я уже успел привыкнуть. А этот человек, как неизведанный океан, таил в себе много опасностей. Мифы о нём долетали даже до офиса «Прайм-Тайм» в Берлингтоне, и звучали ещё невероятнее, чем эпосы о Геракле или Ахиллесе. Дирк бросался карандашами в тех, кто озвучивал глупые идеи. По его меркам. Выплеснул стакан воды с лимоном в бухгалтера, который ошибся в расчётах и перечислил зарплату всему креативному отделу на несколько тысяч больше. Послал одного из крупных клиентов прямым текстом, когда тот отказался приписывать к гонорару нолик.

Если Джим Макдугалл был акулой рекламного бизнеса, то Дирк Бёртон морским чудищем с пятью рядами зубов и острыми плавниками, который держал весь подводный мир в страхе.

И он ждал в своём кабинете не с самым благодушным видом. Секретарша пожалела меня одним взглядом, когда я промаршировал мимо её стола и постучал в дверь к боссу. Получив холодное, почти кровожадное разрешение войти, я на цыпочках проскользнул по ковру и замер у громадного стола, под стать своему хозяину. Да, Дирк Бёртон был улучшенной версией Джима Макдугалла. «Джим два-ноль», ведь всё у него было в преувеличенных масштабах.

Суровый взгляд, выпирающий подбородок, необъятная фигура, правда, наращённая в спортивных залах, а не в бургерных. Лысина и перстень на мизинце только прибавля-

ли Дирку устрашающий вид. Вздутые мышцы выпирали под расстёгнутым на одну пуговку воротом бледно-голубой рубашки. Да своими руками-столбами он мог бы запросто переломить мне хребет. Но, надеюсь, до этого не дойдёт.

Ну хотя бы босс присвоил себе единственный кабинет не со стеклянными стенами, и моей позорной смерти никто не увидит.

– Садись, Кларк. – Не предложил, приказал Дирк, не поднимая головы. Бумажки на столе интересовали его больше моей жалкой персоны.

– Вы хотели меня видеть...

– Хотел. – Он наконец оторвался от дел и сцепил длинные пальцы между собой. Орлиный взгляд выстрелил в меня свинцом, и я почувствовал дыру от пули в своей груди. – Как это понимать, Кларк?

– Простите?

– Компания оплачивает вам командировочные, предоставляет все блага для переезда в самый перспективный город для развития вашей карьеры, выбивает вам должность руководителя рекламного отдела...

Какая замечательная компания!

– А вы являетесь на работу... – Он намеренно продемонстрировал «Ролекс» на запястье в два раза толще моего. – На четыре часа позже. Не объясните мне?

– Вчера вечером я попал в больницу и выписался только утром.

– Что-то серьёзное?

– Анафилактический шок. На арахис. – Зачем-то добавил я. – У меня аллергия.

– И на кой чёрт вы ели арахис, если у вас аллергия? – Спокойствие Дирка Бёртона пугало сильнее, чем его злость.

– Всё вышло случайно. Дело в том, что я снимаю квартиру у...

– Меня это всё не волнует! – Размахался руками босс, отчего рубашка натянулась на его бицепсах и заставила меня сглотнуть. Я держал себя в форме, но моя форма по сравнению с Дирком Бёртоном напоминала плоский сухарь в разделе пышных багетов. – Меня не волнуют никакие оправдания. Волнует лишь одно. Престиж компании и прибыль.

Я больно куснул себя за язык, когда чуть не возразил, что, по сути, это две вещи. Что-то мне подсказывало, что Дирк Бёртон не любит, когда его поправляют.

– Вам должны были передать двух очень важных клиентов. Уже в следующий понедельник рекламы «Эван Уильямс» и «Поп Тартс» должны пойти в работу, а у нас не готова даже предварительная концепция.

– Мы работаем над этим.

– Пока что я не вижу никакой работы.

– Но я прилетел только вчера утром, и с самолёта сразу сюда...

– Оправдания, оправдания. – Недовольно забубнил Дирк. – Вас выбрали на эту должность по весьма хорошей

рекомендации. Замолвили словечко, так сказать. У меня были свои мыслишки по поводу того, кто должен был занять ваше место.

Впервые об этом услышав, я заёрзал, но не решался перебить и спросить, кто именно выдвинул мою кандидатуру на этот пост, который был не особенно мне нужен.

– И я пошёл вам навстречу. Так пойдите и вы мне. – Не унимался Дирк. – Послезавтра проекты должны быть представлены клиентам. Меня не волнует, как и что именно вы придумаете, но, если к завтрашнему вечеру идеи не будут лежать у меня на столе, можете заказывать билет на самолёт обратно в свой Берлинер.

– Берлингтон.

– Меня не волнует! И будьте уверены, что там вам придётся искать другую работу. Всё, вы свободны.

Громадная лапа с перстнем отмахнулась от меня, как от мухи на гниющей груше. Два всевидящих ока брызнули предупредительным залпом в последний раз и вернулись к важным бумагам. Аудиенция была окончена. Как и моя карьера. Я вернулся в свой кабинет, поджав хвост.

Что за ерунда! Я не просился, чтобы меня отправили в Лос-Анджелес, пусть всего на три месяца. Меня вполне устраивал мой скромный офис и скромная жизнь в Берлингтоне, но кто-то насильно выпихнул меня на целую зиму. Неужели Джим оказал эту медвежью услугу? Подыграл и помог перепрыгнуть через несколько ступеней карьерной лест-

ницы. Но он и словом не обмолвился, что это его рук дело. А теперь мне светит увольнение, если я не блесну фантазией и не впечатлю Дирка Бёртона.

У меня чуть больше суток на то, чтобы придумать блестящую идею для рекламы бурбона и полу-съедобного печенья, а я даже не открывал папки, что передала Мона. По вине своей новой знакомой-художницы я провалялся в больнице и теперь туго соображал. У меня всё ещё ломило рёбра и побаливал живот. Я не ел ничего после того злосчастного куса пирога, но знал, если положу хоть кусочек в рот, тут же выверну всё обратно.

Добро пожаловать, называется.

Я так разозлился на эту Эмму Джеймс, что чуть не написал ей предлинное и нелестное сообщение, но сдержался. Лучше направить энергию в нужное русло и придумать, как продать печенье, вкус которого ненавидел, и бурбон, который давно потерял свою популярность. Работа – всё, что у меня есть. И терять её не хотелось.

Эмма

– Вы смотрите на меня так, словно призрака увидели.

Хозяин дома улыбнулся открыто и по-доброму, а я всё ещё не могла произнести ни слова и сидела над остывающей чашкой, пока он попивал себе кофе. Словно каждый день приглашает к себе незнакомок из Лос-Анджелеса отведать пирожных.

– Что-то вроде того. Извините, – спохватилась я, заметив, что пялюсь на него во все глаза. – Просто я не ожидала, что вы... *такой*.

– Обаятельный? Весёлый? Лучезарный? – Подтрунивал он.

– Молодой. Я представляла себе...

– Шестидесятилетнего старика с лысиной и обвисшим подбородком?

– Что-то вроде того.

– Ну, вы в точности описали моего отца.

– Ещё и имя такое...

Кого, скажите мне на милость, в современном мире называют так претенциозно? Хорошо ещё не Вильгельм или Иоганн какой-нибудь.

– Старинное? – Подсказал Хьюго или Уильям, как его там.

– Скучное. – Выдала я, отчего-то решив, что с этим парнем можно пошутить. И не ошиблась, ведь он заливисто рас-

смеялся, словно я не про него говорила, а сплетничала о какой-нибудь королевской особе.

– С этим не поспоришь. – Согласился мистер Максвелл и аккуратно поставил чашку на блюде. – В нашем роду принято называть детей так, что в школе им приходится несладко. Моего отца тоже звали Хьюго, но, как по мне, это имя...

– Подходит дворянину, которому скоро стукнет восемьдесят?

Он снова засмеялся, и я поняла, что мне безумно нравится слышать его смех.

– Вы мысли мои читаете. Уилл нравится мне гораздо больше. Почему же вы не пьёте кофе? Я ведь даже не дал вам позавтракать.

– Просто я всё ещё в шоке.

– Простите меня за этот спектакль. – Искренне извинился хозяин дома. – Мой водитель приболел, вот я и решил лично забрать вас. А когда вы спросили про мистера Максвелла, решил немножко...

– Поиграть со мной? – Злость нагрянула неожиданно. Не терплю, когда меня дурачат, как ребёнка. Один мужчина уже наигрался с моими чувствами, другому я не позволю такого бесстыдства.

– Нет, только узнать, что вы действительно обо мне думаете. Ещё раз простите меня, мисс Джеймс. Я не имел права. Но в моём положении редко предоставляется возможность поговорить с кем-то открыто, услышать непредвзятое мне-

ние. – Мистер Максвелл отвёл взгляд и погрузился, напомнив, что и у богатых мира сего есть чувства, которые периодически ранят. – И вы в открытую высказали всё, что думаете обо мне и о моём вкусе в искусстве.

– Извините, я не хотела вас обидеть...

– Напротив! Вы не обидели, а только раззадорили меня. Купить все эти картины мне посоветовал агент, которому я плачу немалую сумму. Вы пейте кофе. Горячий он куда вкуснее.

Голос этого мужчины убаюкал меня, ввёл в какое-то подобие транса, из которого могла вывести только просьба испить из фарфора и отведать угощений. Он так трогательно поджал губы, умоляя выпить кофе, что я не смогла бы устоять, будь в чашке налит уксус. Пока я добавляла сливки в чашку из маленького кувшинчика, рука моя немного дрожала под внимательным взглядом хозяина. Сделав глоток, я чуть не вытаращила глаза, и сразу сделала второй. Без сахара и полутёплый, этот кофе показался нектаром богов.

– Вижу, кофе вам пришёлся по душе. – Одобрительно улыбнулся мистер Максвелл.

– Никогда не пила ничего вкуснее!

– Тогда вы должны перепробовать всё это. Парижские трюфели, белый швейцарский шоколад, неаполетанская пастьера.

И следующие десять минут он заставил меня перепробовать всё, что Гилберт собрал для нас на подносе. Я сама

растаяла, как швейцарский шоколад на жаре, после такой дозы сахара и удовольствия. А пока я наслаждалась самым необычным завтраком в своей жизни, сам мистер Максвелл ни к чему не притронулся и, казалось, наслаждался моим сладостным мычанием.

– Так у вас есть агент по живописи? – Лопаясь по швам вместе с джинсами, вернула я беседу в деловую колею.

– Есть. Но судя по вашему виду, Сьюзен не очень хорошо во всём этом разбирается.

– Я не имела в виду ничего такого! – Запротестовала я с лёгким испугом. Сегодня я, похоже, умудрилась оскорбить всех в этом доме. – У каждого свой вкус, только и всего.

– Но вы с её вкусом не согласны.

– Вы и так это поняли по моему красноречивому монологу там, на лестнице.

Снова эта улыбка. Стоило губам мистера Хьюго Уильяма Максвелла или просто Уилла чуть приподняться, собрать складочками гладковыбритые щёки и заразить радостными огоньками глаз, как я на мгновение терялась.

– Поэтому вы здесь.

– Что? – Его слова ударной волной пригвоздили меня к спинке кресла. – Я думала... Сид сказала, что вы хотели бы нанять меня в качестве художницы...

В груди что-то зашевелилось. словно сердце сняли с крючка вместо шляпы и унесли за дверь. В моей жизни люди часто принимали моё сердце за шляпу и уносили прочь, пока

кто-то не возвращал его на место, но потом всё повторялось. Сид удалось вернуть его после предательства Гэбриэла, но теперь я чувствовала, как уже открылась дверь, как чужие пальцы взялись за краешки сердца...

Я ведь художница. Вся моя суть в палитре красок, наборе кисточек и мольберте. Я наполняюсь красками вместе с полотном, живу вместе с изображениями на картинах. И я надеялась, что, приехав в Берлингтон, смогу рисовать и наконец донести своё творчество людям. Но в моих руках художника никто не нуждался. Только в глазах.

– К сожалению, я ничего не смыслю в том, чтобы быть агентом. – Сокрушённо призналась я. – Мои вкусы не совпадают с современными тенденциями в искусстве. Я не только насоветую вам ерунды, но и растрачу весь ваш капитал на полнейшую чушь.

Я так разгорячилась, что даже встала с твёрдым намерением поскорее уйти.

– К тому же... – Мои глаза замерли на золочёной раме «Девочки на шаре» Пабло Пикассо, которую все считали шедевром, а я – преувеличением мастерства, и не сводя с неё глаз, стала распаляться. – Я хочу писать свои собственные картины, а не скупать чужие. Без этого я никто. Тогда в моей жизни не будет смысла. Пусть я не Пикассо и не Дали, пусть никогда не прославлюсь, пусть мои работы годятся для того, чтобы висеть в приёмной ветеринара, но я не брошу рисование. Это как отрезать руку или ногу. Хотя в моём случае,

это, скорее, как вырвать сердце из груди.

Я даже запыхалась, словно пробежала стометровку по вермонтским сугробам. Ну и наговорила же я лишнего! Я чувствовала на своём лице пристальный взгляд мистера Максвелла и не могла отодрать свой от картины Пикассо.

И почему меня наделили не только умелыми руками, но и длинным языком? Вечно я болтаю лишнее и раскрываю душу кому попало. Но встретившись взглядом с Хьюго Максвеллом, я поняла, что моя речь ничуть его не оскорбила. Как будто наоборот. Он улыбался, но уже не той кривоватой улыбочкой, полной самодовольства. А так, словно этих слов от меня и ждал.

– Это мне и нужно. – Сказал он, беспардонно взяв мою руку и потянув вниз, заставляя опуститься назад в кресло. От прикосновения его неожиданно нежной кожи, мои колени подогнулись сами собой. – Человек, который полностью отдаётся искусству. Который живёт им. Который умрёт, если не сможет писать. Мисс Брэберн не соврала вам. Я хотел бы открыть в городе галерею в честь отца. Он очень любил искусство, а я очень любил его. Хочу увековечить эту любовь в чём-то стоящем, потому и стал заниматься картинами после его смерти.

– Это очень трогательно.

– Обычное желание любящего сына. – Смущённо отговорился мистер Максвелл. Неужели богатые тоже умеют смущаться? – Но я не хочу, чтобы галерея вышла бездушной,

банальной, одной из тех, куда приходят и поджигают губы, потому что увиденное не трогает их сердца. В Берлингтоне живут простые люди. Здесь не Нью-Йорк, не Лос-Анджелес. Мы ценим простые вещи, вроде вкусного кофе, – он кивнул на пустые чашки. – Хорошего пива или красивых видов родного города.

– Всё это очень здорово, но я не очень понимаю, чем смогу помочь.

– Сьюзен может и разбирается в искусстве лучше меня, но её искусство как раз-таки бездушно и банально. – Он тоже взглянул на девочку на шаре с видом человека, которому она не по душе. – Я не ищу агента, который помог бы мне подобрать картины для выставочных залов. Такой у меня уже есть. Но я хочу открывать новые имена, вроде вашего. Помогать начинающим художникам, чей талант может затеряться за бездушным искусством, заявить о себе.

Моё сердце затрепетало, как птичка, вернувшаяся к жизни.

– Я и правда искал художника, который бы мне в этом помог. Но думаю, больше искать не стану.

– Больше не ищите? – Еле выговорила я.

– Нет, потому что уже нашёл.

И снова уголки его губ поползли вверх, а огоньки в глазах стали кусать мою кожу. Он говорил обо мне. Хьюго Максвелл нашёл художника для своего великого дела. А я нашла то, что сможет склеить меня по кусочкам. Только я пока не

поняла, что это будет. Совместная работа с Хьюго Максвеллом или сам Хьюго Максвелл.

Джейсон

Всё не то.

Десять часов работы псу под хвост. Из блестящих идей у меня появилась лишь одна: послать всё это к чертям. Но вряд ли Дирк Бёртон одобрил бы её. Ни один светлый разум из *ударной* компании креативного отдела не выдумал ничего *ударного*, так что пришлось свернуть лавочку и вернуться в квартиру мисс Джеймс. Меня ждала бессонная ночка наедине со своим разумом и бумагами, что Мона собрала для меня.

К концу дня на телефоне скопилась уйма сообщений от семьи. Люк в своём репертуаре: спрашивал, как погода, и опробовал ли я уже калифорнийские пляжи. Вики передавала привет от детей и допытывалась, как мне на новом месте. Но мама переплюнула брата и сестру вместе взятых. Трижды звонила и оставила пять сообщений о том, как скучает, чтобы я позвонил при первой же возможности, и как же ей понравилась обительница моего дома.

Маминых симпатий я не разделял. Эта девушка напоминала грозу ясным днём. Внезапно гроыхнула и подпортила всё настроение. Мало того, что я чуть не умер по её милости, так ещё и стерпел выволочку от босса, а я ненавижу краснеть перед начальством за то, в чём не виноват. А если бы я отведал этого чёртового пирога, пока был один? Никто бы не

спас меня, и тогда я бы уж точно поселился злобным духом в этой квартирке, чтобы докучать её хозяйке.

От мисс Джеймс, кстати, тоже пришло сообщение. Она в десятый раз извинялась за пирог и справлялась о моём самочувствии. Вернувшись в пока ещё чужой дом, я перезвонил всем домашним и отметил, что жив, здоров, опустив правда тот факт, что двадцать четыре часа назад был совсем не здоров и почти не жив. Художнице я ничего не ответил, всё ещё кипя злостью. В таком состоянии я мог бы наговорить ей лишнего, а мне не хотелось ссориться с человеком, который имеет доступ ко всем моим личным вещам.

Вместо разговоров с мисс Джеймс, я решил немного отвлечься от работы, заказал доставку из китайского ресторанчика «Мистер Ши», который обожал ещё восемь лет назад, и стал обследовать квартиру. Искать точки соприкосновения, чтобы поскорее свыкнуться с мыслью, что теперь это мой дом. Временный, слишком уж женский, но всё же дом.

Похоже, кухня здесь предусмотрена всего лишь для галочки. Из экипировки нашёлся лишь тостер, кофемашинка на одного и чайник, да одна несчастная сковорода, ещё совсем новенькая. Даже этикетку не отодрали. Холодильник опустошили подчистую или попросту не хранили в нём ничего съедобного. Шкафчики необитаемы – кроме листьев зелёной заварки «Бигелоу» и двух батончиков «Милки Уэй» я ничего не нашёл.

Зато в другом обнаружил прямо-таки залежи кофе. К ряд-

ку из баночек классической молотой «Лаваццы» и «Кахавы» пристроился «Ла Коломб» тёмной обжарки с оттенками красного вина и пряностей, кофейный напиток капучино от «Мокате» и самый крепкий среди кофе «Дэд Уиш». Я даже хмыкнул такому набору: а эта мисс Джеймс, оказывается, та ещё кофеманка. И на секундочку я даже простил ей выходку с пирогом, ведь сам любил те же марки, что и она.

От обыска кухни меня отвлёк стук в дверь. Чувствуя себя оголодавшим зверем, я почти вприпрыжку домчался до входа и распахнул дверь прямо перед носом молодого парня в кепке с логотипом «Мистера Ши» – усатым мастером кунг-фу в красном кружочке.

– Оу, здравствуйте. – Парень так удивился, увидев меня, что я уж было испугался, что на лице у меня что-то размазались. В руках он держал шелестящий пакет с моим пахучим заказом, но отдавать не спешил.

– Может, отдадите мне заказ? – Раздражённо поинтересовался я, протягивая деньги.

– Да, простите! Просто я думал, что... Это ведь квартира Эммы?

Эммы? Ах, да, так зовут мисс Джеймс. Это что, какой-то её приятель?

– Да, я временно здесь живу. – Едва пакет с шанхайскими пельменями и свининой в кисло-сладком соусе оказался в моих руках, мне захотелось захлопнуть дверь и приступить к трапезе, но курьер не думал покидать мою компанию.

– Тогда всё ясно. – Расслабился он. – Просто она – наш почётный клиент. И тоже постоянно заказывает свинину в кисло-сладком соусе, вот я и подумал, что заказ сделала она.

– Ну, его сделал я, так что всего доброго.

– А купоны?

– Простите? – Этот надоеда никак не давал мне закрыть дверь и спокойно поесть впервые за двое суток.

– Эмма всегда расплачивается купонами. – Как для идиота пояснил парень. – Они дают двадцатипроцентную скидку.

– Что ж, Эмма конечно молодец, но у меня купонов нет.

Я снова предпринял попытку закрыть дверь, но парень просунул палец, и я едва его не захлопнул.

– Есть. – Сказал он, тыча пальцем в комод у двери. – Они тут, в верхней шуфлядке.

Я чуть не взвыл от негодования, но решил: если забросать этого парня купонами, это поможет быстрее от него отделаться. Я открыл верхний ящик комода и чуть не подпрыгнул. На меня глядели десятки мужских голов! Видно, этот парень очень сильно насолил мисс Джеймс, раз она хранила его в нарезанном виде здесь. В углу громоздилась та самая стопка купонов сети ресторанов «Мистер Ши», так что я схватил верхний и протянул курьеру.

– Приятного аппетита! – Помахал он купоном, отсчитал часть сдачи и широко улыбнулся. – Передавайте привет Эмме.

– Непременно!

Наконец-то я сумел закрыть дверь, схватил пакет с едой и с предвкушением поплёлся к дивану в гостиной, но не успел сесть, как в дверь снова постучали. Я зарычал от безысходности. Что этому парнишке от меня нужно? Если он сейчас же не уберётся, я затолкаю всю стопку этих купонов ему в одно местечко. Эта художница не даёт мне жизни даже за четыре тысячи миль, используя других людей. Устроила уже тройное покушение! На моё спокойствие своим арестом, на мою жизнь черничным пирогом, а теперь вот на мой ужин настырным парнем из доставки.

– Я ведь уже дал вам купон! – Зарычал я, распахивая дверь, и тут же смутился.

В ответ мне хлопал глазами совсем не парень из «Мистера Ши», а ладно одетый мужчина с до боли знакомым лицом. Он вообще не походил на доставщика в своей рубашке с серебряными запонками, в брюках с режущими стрелками и в туфлях, как минимум от Сен Лорана.

Мужчина не ожидал увидеть меня так же сильно, как я его. Прищурился на номерок на двери и вернул взгляд мне.

– Но мне не нужен никакой купон. – В замешательстве проговорил он. – Мне нужна Эмма. Это ведь... – Снова взгляд на номер на двери. – Её квартира?

И почему всем вдруг понадобилась эта Эмма? Жизни с ней нет!

– Да, квартира её. – Как можно более спокойно ответил я. – Но она сейчас в отъезде.

– А вы?..

– Джейсон Кларк. Я её... – Жилец, арендатор, ненавистник? – Знакомый и временно живу здесь.

Не понравилось мне, каким взглядом одарил меня гость. В нём сошлось столько эмоций, что я аж похолодел, хотя в этом году декабрь в Лос-Анджелесе выдался особенно тёплым. Плюс восемнадцать по метеосводкам, а я холодел от глаз, леденящих любопытством, недоверием и даже ревностью.

Кто он такой, спрашивать я не стал, потому что большее любопытство питал к шанхайским пельменям, чем к этому парню.

– А когда она вернётся? – Не унимался гость.

– Не раньше февраля.

– А куда поехала?

– Послушайте. – У всего должны быть свои границы, а любопытство незнакомца было безграничным и настораживало. Если он так тесно общается с мисс Джеймс, то почему она не сказала ему, куда направляется и как на долго? – Позвоните ей и сами всё уточните. Не думаю, что имею право рассказывать посторонним людям о личной жизни мисс Джеймс.

Ноздри моего собеседника вздулись, как два паруса на ветру. Что-то взбесило его: мой отказ или упоминание о личной жизни мисс Джеймс.

– Посторонний, значит...

Ясно. Судя по всему, второе. И тут меня осенило. Не просто так этот парень показался мне знакомым. Голова из комода! Но на сей раз не в нарезанном крошечке, а в реальности, в коридоре перед моей дверью. Подавиться мне шанхайскими пельменями, если этот парень – не какой-нибудь бывший мисс Джеймс. От сильной любви тебя не нарезают на салат и не бросают кучкой гнить в шуфлядке.

Меньше всего мне хотелось становиться участником интриг или вступать в отношения третьим колесом, поэтому я настойчиво взялся за дверную ручку и сказал:

– В общем, мисс Джеймс сейчас не в городе...

– У неё осталось кое-что моё. – Резко перебил меня парень из комода. – Я просто хотел забрать свои вещи.

– Мне мисс Джеймс ничего не говорила, поэтому лучше переговорите с ней...

– Она не берёт трубку. Это займёт всего минуту. – Наставил незнакомец, делая шаг вперёд. Да он и впрямь вознамерился прорваться в квартиру, если не уговорами, то грубой силой.

– Простите, но я не могу вас пустить.

– Да бросьте. Я только возьму их и сразу уйду.

– Боюсь, я не могу этого позволить. Всего доброго.

Наглости некоторых людей нет предела! Обычно я более вежлив, но сейчас возгордился своей бестактностью, когда закрыл дверь прямо перед носом вторженца. Но не успел и подумать о пельменях, остывающих на столике, как дверь

сама собой открылась.

– Послушай, парень! – Голос врезался мне в спину и заставил обернуться. Я так опешил от такой наглости, что с секунду просто стоял на месте. – Эти вещи принадлежат мне, так что я заберу их сейчас или приду с судебным приставом позже.

Наглец двинулся в сторону мансарды, но ни его самоуверенность, ни его угрозы законом на меня не подействовали.

– Какого чёрта, мужик? – Я врезался в него всем телом, отстаивая свою территорию. – Убирайся отсюда. Я тебя не приглашал!

– Ты что, не слышал, что я сказал?

– Прекрасно слышал, но мне плевать, притащи ты сюда хоть самого судью или Папу Римского! – Конечно, я слегка слукавил, потому что не хотел иметь никаких дел с полицией или судом. И тем более главой католической церкви – Ваши разборки – это ваши разборки, но сейчас здесь живу я, а мне не нравится, когда какие-то мудаки врываются ко мне без приглашения.

А есть ещё порох в пороховницах! Парень из комода решил не испытывать судьбу и не ломиться дальше прихожей. Его злостью можно было бы подпитать электроприборы всего здания, но он всё же повёл плечами и отступил.

– Я это так не оставляю. – Бросил он, прежде чем уйти. – Я получу то, что принадлежит мне по праву.

Он так хлопнул дверью, что затряслись картины на сте-

нах. Привычка не запира́ть двери ещё аукнется мне в этом городе. В Берлингтоне я мог спокойно проспать всю ночь с дверью нараспашку и растяжкой «Добро пожаловать!». Я частенько не закрывал окна перед уходом и оставлял ключи в замке зажигания, но пора вспомнить, где я оказался. В городе, где уровень преступности зашкаливает. Вчера то, что я не запер дверь на замок, спасло мне жизнь – парамедики просто вошли в квартиру и тут же вкололи мне адреналин. Но рано или поздно я поплачусь за свою беспечность.

Заперев двери сразу на два засова, я тяжело вздохнул и потёр виски. Надеюсь, больше никакие гости ко мне не пожалуют. Я ведь собирался просто поужинать и вернуться к работе, а не закатывать вечеринку и искать себе проблем на пятую точку. А этот псих, я уверен, подкинет мне парочку таких.

С сожалением взглянув на заказ из «Мистера Ши», который даже не успел распаковать, я потянулся, но не за вожделенными пельменями, а за мобильником. Как бы мне не хотелось и дальше игнорировать мисс Джеймс, пришло время ей объясниться.

Вся эта ситуация походила на вчерашний приступ. Я весь зачесался от зуда, дыхание отяжелело, а во рту будто всё распухало. Только теперь аллергическую реакцию вызвал ни арахис, так мастерски запрятанный в пирог. А девушка, которая незаметно вторглась в мою жизнь и всё в ней портила. И чтобы не задохнуться от анафилактического шока, первым

делом нужно убрать аллерген.

Эмма

Хьюго Уильям Максвелл оказался совсем не таким, каким я его рисовала в своих фантазиях.

Во-первых, через месяц ему только должно было исполниться всего тридцать четыре, и он не походил на дряхлого, осыпающегося старика с волосами в ушах и артритом. Он официально возглавил список самых красивых мужчин, которых я встречала за всю свою жизнь. Да, да, Гэбриэл, тебя отодвинули. Сместили с пьедестала.

Во-вторых, мистер Максвелл, вернее, Уилл, как он сам просил называть его раз десять кряду, полностью опровергал стереотип о том, что все богатые – самовлюблённые козлы с манией величия и раздутым чувством собственной важности. Уилл был так добр, внимателен и совсем не кичился своим состоянием. С приятелями Гэбриэла я постоянно чувствовала себя подделкой на витрине с бриллиантовыми колье. Мухой, упавшей в чан с жирными сливками. Но Уилл ни разу за нашу встречу не ткнул меня носом в моё неблагородное происхождение, нищее существование или нераскрытый талант. Незатейливый и привычный, как дырявый носок, который тебе дороже новенькой пары.

Ну, а в-третьих... В-третьих было стыдно признаваться даже самой себе, хотя я от себя ничего не скрываю. Хьюго Уильям Максвелл, как бы это выразиться попроще, был кра-

сив, как греческий бог, которого выкинули с Олимпа прямоком в Берлингтон. Другого объяснения такой неземной красоты я просто не находила, да искать не особенно хотелось. Всё, чего желала душа, – разглядывать безупречные черты Уилла, пока тот не видел. Стоило ему отвернуться, как я проходила глазами по его профилю, мягкому вихру волос и крепкому сложению фигуры. С того момента, как он сбросил обличие водителя и обратился миллионером, ничего не изменилось. И в то же время изменилось всё.

Я провела в поместье Максвеллов полдня. Позавтракав лучшим кофе в своей жизни, который не шёл ни в какое сравнение с моими запасами в кухонном шкафчике, мы осмотрели остальную часть дома, разве что хозяйскую спальню обошли стороной. К счастью, иначе моё воображение разошлось бы не на шутку и слишком уж красочно расписало бы всё то, что можно проделать на кровати размера XXL с бархатным изголовьем. А мне определённо казалось, что оно должно быть бархатным или как минимум кожаным. И тогда я бы навсегда покраснела и больше никогда не вернула свой бледноватый цвет лица, который не подрумянило даже солнце Калифорнии.

Гилберт накормил нас обедом на крытом балкончике второго этажа. Когда дворецкий – подумать только, личный дворецкий! – пафосно открыл клош, откуда тотчас же ринулись полчища ароматов. Когда пар рассеялся, я смогла разглядеть сочные стейки с поджаристой корочкой и картофель под шу-

бой из сыра и белого соуса. В такой обстановке самые простые блюда превращались в кулинарные изыски пятизвёздочных ресторанов Парижа, в которые Гэбриэл меня так и не отвёз.

Я не знала, куда смотреть. На горячее, мужчину напротив или вид из окна. На заднем дворике Гэбриэла, который тот напыщенно называл патио, волновался бассейн – корытце три на четыре с одиноким лежаком, заросшая вьюном ограда и нелицеприятная панорама на соседний дом. И если сам дом завораживал своей необычной треугольной формой, современной отделкой и кактусами в огромных кашпо, то вид из окна совсем не завораживал. Ведь чаще всего на балкончике или на газоне напротив в одних трусах загорал красный как рак и дряблый как индюшачий подбородок старик. Антонио Гаспаччо, бывший сценарист из Голливуда, который трижды проходил реабилитацию в наркотическом диспансере, четырежды разводился с жёнами на двадцать лет моложе и, по сути, уже давно пережил тот возраст, когда можно выставлять своё хозяйство напоказ. И я имею в виду не трёхэтажную виллу в Бель-Эйр.

Никакие виды на соседские коттеджи и уж тем более стариков в трусах в поместье Максвеллов не грозили. Хотя вряд ли бы даже мистер Гаспаччо соизволил раздеться в такой мороз.

Обширная территория поместья уходила сплошь до берега озера Шамплейн. Всё белоснежнее зефира «Дюрки Мау-

эр», что я ложкой поедала прямо из банки, пока бабуля Эльма не видела. Она всегда покупала с запасом, но разрешала мне довольствоваться кремовым лакомством лишь по ложечке. Но я не умела растягивать удовольствие так долго, как она – а бабуля могла отламывать дольки от шоколадки и рассасывать по нескольку недель! Так что к тому времени, как бабушка сама хотела побаловать своего внутреннего ребёнка нежным зефиром, из четырёх банок в кладовой оставалась лишь одна, и она бранила мою нетерпеливость и тягу к сладкому.

Хотя с годами я стала подозревать, что она покупала три лишних банки специально для меня. В каждом ребёнке живёт дух бунтарства, и я бунтовала лишь с конфетами на рождественской ёлке и кражей зефира из кладовки, так что, если бабуля Эльма и переживала на мой счёт, то только за то, не слипнется ли у меня кое-что.

Заснеженные аллеи поместья продолжались побеленным пирсом, а потом и тонким, местами потрескавшимся льдом, что затянул берег озера. Волны замёрзли и уже не плескались, беспокоя обитателей дома. И этой белизне не найти было конца – до Уилсборо Пойнт на том берегу не добраться взглядом.

– Летом здесь ещё красивее. – Заверил Уилл, наблюдая за моей реакцией.

– Жаль, что я добралась сюда лишь зимой.

– Не любите зиму?

Я не смогла ответить. К зиме я питала не самые тёплые чувства. Слишком многое случилось в эту пору. Одна из причин, почему я перебралась почти на самый юг страны, подальше от холода, скользких дорог и смерти.

Закончилась наша встреча всё в той же библиотеке. Уилл долго рассказывал мне о своих планах, а я снова восхищалась видами, но уже его горящих глаз. Человек прекрасен, когда его сердце пылает страстью к чему-нибудь. И в своей страсти этот мужчина был самым прекрасным.

Хьюго Максвелл старший умер меньше года назад от рака, который сожрал его лимфатическую систему быстрее, чем я – банку «Дюрки Мауэр». За несколько месяцев после того, как врачи обнаружили болезнь, отец Уилла завял, растворился в собственной тени. Его сердце перестало биться в марте. Открытие галереи запланировано как раз на март – дань почтения и знак любви от единственного сына.

– Отец обожал искусство. – Рассказывал Уилл, пока мы прогуливались по библиотеке. – В любых его проявлениях. Несмотря на то, что он всегда был в делах, для хорошей книги, пьесы или концерта он всегда находил время. Покупал картины и завешивал все свободные стены в доме.

Уилл печально улыбнулся, предаваясь воспоминаниям. Его сердце всё ещё кровоточило, а я, как никто другой, знала, что пока не придумали такого пластыря, чтобы залепить его раны и остановить кровь. Я понимала всё, что чувствует этот мужчина, и сочувствовала ему всей душой.

– Это ведь не единственная комната с картинами. – Усмехнулся Уилл. – Как-нибудь в другой раз я покажу вам его святая святых. Домашнюю галерею. Там полно не только картин, но ещё скульптур и других композиций.

Значит, мы встретимся снова. Мысль об этом приятно пощекотала низ живота.

– Отец ежегодно жертвовал деньги в фонды поддержки библиотек, театров, спонсировал молодых творцов. Когда он заболел, эта обязанность легла на мои плечи. Галерея – давняя мечта отца. Если бы не он, может, я бы и не взялся за её осуществление. Но когда я думаю о том, что смогу сделать что-то важное для него...

– Вам кажется, что он рядом. – Закончила я.

– Как вы догадались? – С чувством спросил Уилл, разглядывая меня из-под не по-мужски длинных ресниц.

– Все мы ищем что-то, что хоть на минуту вернёт нам тех, кто не с нами. – Произнесла я, глядя на копию Джона Милле «Офелия». Или оригинал? В любом случае, очень символично было заговорить о смерти перед изображением поющей женщины, утопающей в воде.

Уилл не стал расспрашивать меня, *что* ищу я и *кого* хотела бы вернуть. Он был воспитан, наделён хорошими манерами, не деньгами, которые, как известно, лишь портят характер, а не закаляют его. Вместо расспросов он продолжил делиться планами с таким энтузиазмом, с таким чувством, словно я была его старой подругой, с которой можно поде-

литься всем.

Уилл уже подыскал помещение в городе. Два месяца назад на Колчестер-авеню освободилось пространство на первом этаже старинного здания, построенного ещё до войны. Его ни раз реставрировали, но, по словам Уилла, стены его не утратили духа старины, но и не осыпались, как другие довоенные постройки в Берлингтоне.

– Если бы отец увидел это место, ему бы точно понравилось. – Вздыхнул Уилл, а потом пообещал мне: – Я отвезу вас туда как-нибудь. Хочу услышать ваше мнение, ведь под свежим взглядом всё выглядит иначе.

– Я буду только рада. – Искренне сказала я, уже предвкушая совместный труд.

Меня ждали самые интересные месяцы в жизни! Ещё никто не доверял мне настолько, чтобы предложить нечто настолько масштабное и настолько прекрасное.

– Но, можно задать вам вопрос? Почему я?

– Я ждал, что вы спросите. – Снисходительно улыбнулся хозяин поместья Максвеллов.

– Это не праздное любопытство. Скорее желание понять, чем я...

– Заслужила всё это? – Мы продолжали заканчивать друг за друга мысли. И от слов Уилла я опустила глаза. – Мисс Джеймс, вы слишком низкого мнения о себе и своём таланте. Я понял это ещё там, в машине по пути сюда.

– На то есть свои причины.

– Никакие причины не должны заставлять вас чувствовать себя недостойной, второсортной, безынтeресной.

Пульс слегка ускорился, подгоняя кровь ко всем конечностям и к щекам. Идиотское, предательское свойство организма, что с первого класса мешало мне жить. От мира не скроешь, что ты не сделала домашку по алгебре, что ты тайно влюблена в Джесси Купера из параллельного класса или что ты не умеешь целоваться во время игры в «бутылочку», когда твои щёки пылают закатом тысячи солнц. Гэбриэл всегда подшучивал над этой моей ошибкой природы, но Уилл глядел так, словно не встречал ничего милее.

Когда же я уже перестану вспоминать Гэбриэла? Я в Берлингтоне, а он остался в прошлом. Больше я никогда не увижу его прекрасное и одновременно отвратительное лицо.

– Помните, я говорил, что продолжаю дело отца? – Вторгся в мои мысли Уилл. – Помогаю начинающим музыкантам, художникам и писателям? Так я и узнал о вас. Пролистывал сайты галерей по всей стране и увидел ваши картины.

У «Арт Бертъе» был свой сайт, чтобы любители искусства могли сделать заказ из любой точки мира. Или чтобы люди, вроде Уилла, могли осуществить чью-то мечту.

В мои одиннадцать в Миннесоте выдалась особенно холодная зима. Снежный буран налетел откуда-то из Канады и завалил малютку Гленвуд по самую макушку. Уроки отменили, потому что шквалистый ветер угрожал не только заколоть режущим воздухом, но и унести порывом, как Элли

и Тотошку из сказки. Но разве заставишь детей усидеть дома? Мы с соседскими девчонками собрались во дворе, чтобы слепить снежную бабу высотой с наш маленький домик. Но мы были слишком беспечны, чтобы подумать о последствиях детских игр. Ветер ударил меня, как бита – кручёный мяч. Меня отнесло, как пёрышко, на несколько метров и опрокинуло на крыльцо. Я ударилась головой о перила, ещё долго выслушивала нелестные междометия бабули Эльмы и отлёживалась с головокружением.

Слова Уилла ударили меня так же, как в тот снежный день. Сшибли с ног, вызвали головокружение, взбунтовали все органы чувств. Неужели что-то хорошее, настолько хорошее, что не походит на правду, происходит именно со мной? Именно сейчас, в то время, когда мне нужно что-то светлое и осмысленное.

Открытие галереи в честь Хьюго Максвелла старшего намечалось на середину марта, и у Уилла уже выстроились далеко идущие планы по подготовке. Часть картин он собирался взять из домашней коллекции. Те, что так любовно разыскивал его отец по всему свету. Часть из них мистер Максвелл привёз из деловых поездок в Европу, часть – приобрёл по совету этой нерадивой консультантши по искусству Сьюзен в разных уголках страны. Но нашлось среди них местечко и для работ таких как я, непрославленных авторов. И я буду в их числе.

– Хочу отвести под ваши работы отдельный зал. – Сразил

меня Уилл. – Напишите серию пейзажей Берлингтона. Отец обожал этот город, как и я, так что ваши работы станут венцом галереи.

Я перестала дышать.

– Я не стану вас торопить или ставить условия. Вы сами выберете места, ракурс, время суток. За каждую картину я заплачу вам по пятьдесят тысяч.

А теперь и вовсе задохнулась.

– Кроме того...

Было ещё какое-то «кроме того»?!

– Завтра же я отвезу вас в местную художественную лавку. И вы выберете всё необходимое, что вам понадобится для работы.

Ни один мужчина ещё не предлагал мне ничего подобного! Любая другая женщина растаяла бы прямо здесь, посреди библиотеки, если бы богатый мужчина предложил ей завтра поехать в «Картье» или «Луи Виттон» и купить всё, что её душа пожелает. Бриллиантовые браслеты, кольцо, сумочки и норковые манто. Но от меня же могла остаться лишь растаявшая лужа от того, что *этот* богатый мужчина предлагал мне купить краски, кисточки и холсты. У женщины не бывает много флакончиков с духами. У художника – тюбиков с акварелью.

– Единственное, о чём я хотел бы вас попросить... Написать пейзаж с пирса. – Уилл неоднозначно махнул рукой куда-то за пределы библиотеки, в сторону берега. – Отец лю-

бил этот пирс и вид на озеро.

Да за такое предложение я бы нарисовала Гилберта в одних трусах с розой в зубах. Этот хмурый и неприветливый человечек вызывал у меня страх каждый раз, как всплывал в комнату с подносом или появлялся в пределах видимости с прямой как палка спиной и подозрительно прищуренным взглядом. А когда он вышел из ниоткуда, чтобы подать мне пуховик, я почти подпрыгнула, на что Уилл лукаво ухмыльнулся и скрыл улыбку, притворяясь, что слишком занят своим пальто.

Назад к дому меня доставили с ещё большим почётом. Уилл больше не притворялся водителем, но взял на себя его роль на остаток дня. Открыл передо мною дверцу «бентли» и докатил до крыльца с таким комфортом, что мистер Леблан наверняка решил, что по соседству поселилась королева, не меньше.

Я всё так же обнимала портфолио, которое не пригодилось. Уилл ни разу не заглянул даже на первую страницу – он уже давно ознакомился с моими работами на сайте «Арт Бертъе» и всё для себя решил.

Так не хотелось вылезать из прогретого салона на улицу, пусть до крыльца – двадцать шагов ходу. С неба посыпались пушистые хлопья, и с пассажирского сидения «бентли» было приятно наблюдать за их падением. Словно смотришь парад угасания маленьких ледышек.

– Завтра в десять вам будет удобно? – Спросил Уилл, ко-

гда уже пора было что-то спросить.

– Конечно! В любое время!

– Тогда я заеду за вами пораньше, к обеду меня ждут в другом месте.

И с чего я решила, что такой занятой человек, как Хьюго Уильям Максвелл младший празднично проводит время в безделье и станет посвящать мне каждую свободную минуту? У таких, как он, расписана вся жизнь. Деловые обеды и ланчи, совещания и переговоры, общение с важными клиентами. Взбучка провинившегося сотрудника – на час дня, а разрешение неразрешимой проблемы – на четыре.

А я ведь даже не узнала, чем именно Уилл зарабатывает себе на жизнь, если его безбедное существование можно было так назвать. Он сказал лишь, что владеет каким-то бизнесом в строительном секторе. Но бабуля Эльма хорошо меня воспитала, поэтому я не стала утолять любопытство нетактичными вторжениями в чужое личное пространство. У нас ещё будет время узнать друг друга поближе.

– Спасибо за прекрасное утро. – Улыбнулся Уилл, когда я отстегнула ремень и засобиралась покинуть его компанию ради гордого одиночества в чужом доме. – Я рад, что вы согласились.

– А я рада, что вы предложили. – Скупое отозвалась я, хотя внутри чуть не вопила от счастья. Неужели кто-то в добром здравии мог бы отказаться от такого?

– Тогда до завтра.

– До завтра.

Прощание зависло между нами в воздухе, но мы оба не двинулись с места ни на сантиметр. Его рука не поднялась, чтобы завести мотор. Моя – чтобы открыть дверь. Мы смотрели на парящие снежинки в томном, но вовсе не неловком молчании, пока не взглянули друг на друга и не обменялись улыбками.

– Я пойду. – Зачем-то сообщила я и всё же вылезла на холод. Так не хотелось возвращаться в одинокий дом, каким бы уютным он ни был. С некоторыми людьми намного уютнее, пусть вы и познакомились всего пару часов назад. – До завтра.

– До завтра. – Со смешком во второй раз повторил Уилл. «Бентли» всё же заурчал, тихо, как котёнок.

Я поднялась на крыльцо и развернулась, чтобы помахать Уиллу на прощание. Но за беспросветной тонировкой стекла даже не заметила, смотрит он на меня или нет.

Так я и осталась стоять на верхней ступени. Ещё одна снежинка, прибитая к земле, тающая от чьего-то прикосновения. Уиллу не нужно было касаться меня, чтобы разволновать. Наблюдая за бордовым пятном, скрывающимся за поворотом белоснежного леса, я поняла, что уже давно не вспоминала Гэбриэла. Но стоило Уиллу уехать, как мысли вернулись на круги своя.

Не верилось в такую удачу. Сид спасла мою жизнь, найдя этого человека. Садясь в самолёт, я и не подозревала, что

обнаружу по прилёту. Но находка оказалась стоящей. Весьма стоящей.

Улыбнувшись сама себе, я вприпрыжку зашла в дом — благо, в этот раз ключи лежали в моём кармане и не пришлось идти на преступление, чтобы попасть внутрь. Мистер Кларк, похоже, обиделся на меня или вовсе разозлился. Надеюсь, он не станет мстить за гостеприимный жест с пирогом и выселять меня. Я же не могла знать, что у него аллергия на арахис! На всякий случай я ещё раз проверила мобильник, но в списке вызовов высветилось лишь имя Гэбриэла. Никакого мистера Кларка.

Мой бывший звонил дважды вчера вечером, когда я уже спала. Видно, о разнице в часовых поясах он ни слуху ни духу. Хотя чего ждать от человека, которого никогда не заботили чувства других?

Ещё дважды Гэбриэл пытался дозвониться сегодня, пока мы с Уиллом обсуждали детали общего начинания. Что ему понадобилось от меня? На мгновение внутри всё затрепетало от мысли, что Гэбриэл звонил, чтобы умолять о прощении. Что я всё не так поняла, и между ними с Сереной Ван Мейер ничегошеньки нет.

Хотя, какое мне теперь дело, правильно? Я вычеркнула этого человека из настоящего, жаль нельзя точно так же вычеркнуть его из прошлого. Перезванивать не было ни малейшего желания. Внимания заслуживают те, кто ценит нас. Лучше позвонить Сид и во всех красках пересказать собы-

тия сегодняшнего дня. И не забыть поблагодарить за то, что она для меня сделала.

Но я так и не успела зайти в список избранных контактов, где числилась лишь Сид и откуда с недавних пор был удалён Гэбриэл. Телефон пискнул о новом сообщении, и я чуть не уронила его на пол, увидев, от кого оно.

Я не хотел вот так заканчивать то, что было между нами. Решил дать тебе время, чтобы ты сама вернула то, что украла. Но моё терпение лопнуло. Ты заплатишься за свою выходку!

Буквы угрожающе кричали на меня. По позвоночнику скатилась капелька холодного пота, хотя батареи в доме раздавали слишком много жара. Нет гнева страшнее того, что напускает на тебя хладнокровный человек. Спокойствие и сдержанность в эмоциях, движениях и выражениях чувств Гэбриэла часто напоминали мне гипсовый слепок, мраморную статую в Лувре. Прекрасную и одновременно пугающую. И теперь он всерьёз пугал меня и уже не просто своим холодным выражением лица, а явными угрозами.

Вслед за ними пришло ещё одно сообщение.

Кстати, передай своему дружку, чтобы в следующий раз был погостеприимнее, ведь я вернусь не один.

Дружку? Неужели он про?..

Испуг вырвался из меня невнятным звуком. Гэбриэл приходил в мою квартиру и общался с мистером Кларком. Час от часу не легче. Теперь-то уж точно меня отсюда выселят.

Джейсон

Мисс Джеймс долго не желала отвечать, но мою настойчивость сложно переплюнуть. Мистер Ши с усмешкой смотрел на меня с пакета на столике, и от его лукавых глаз мой желудок скручивался в бантик ещё сильнее.

Ну неужели! С третьей попытки мисс Джеймс соизволила ответить на мой видеозвонок. Черноту экрана рассеял тепловатый свет моей гостиной. Видеть её по другую сторону, за спиной малознакомой девушки – аномалия. Как же мне захотелось бросить всё и рвануть туда. Залезть прямо в экран. Войти в свой дом с другого конца страны. Как жаль, что фильмы про телепортацию основаны на чьей-то мятежной фантазии, а не на реальных событиях.

На моей гостье был знакомый свитер. Кажись, я дарил Виктории похожий лет шесть назад.

– Мистер Кларк!

Может, рисовать мисс Джеймс и умела, но вот играть роли – уж точно не её изюминка. Радость её вышла вымученной, а сама она казалась смущённой, сбитой с толку и даже будто печальной, так что мне перехотелось ещё больше расстраивать её своими упрёками.

– Как вы себя чувствуете?

Я оказался не готов к тому, чтобы выплеснуть злость и раздражение от двух неудачных дней на виновницу всех этих

неудач. Когда на тебя смотрят такие большущие глаза огорчённого сенбернара, да и ещё эти по-детски надутые губы заботливо справляются о твоём состоянии, просто невозможно злиться. Это как наорать на щеночка, нацедившего лужу в твой башмак. Когда он смотрит своими блестящими пуговками из-под треугольников бровей и прижимает хвост к животу.

У мисс Джеймс, к счастью, не было хвоста. Зато глазки-пуговки поблескивали так, словно что-то из всех сил удерживало слёзы за её ресницами. И я просто не смог ей нагрубить.

– Уже всё в порядке. – Выдохнул я всю злость. Теперь раздражался скорее на самого себя за бесхребетность. – Меня быстро подлатали, так что я снова дышу полной грудью.

– Вы меня так напугали! Не делайте так больше.

Ну сущий ребёнок!

– Только если вы больше не будете травить меня пирогами. – Что ж ты делаешь! Хотел отругать её за эту выходку, а получается насмехаешься сам над собой, лишь бы не расстраивать и без того расстроенную девушку ещё сильнее. Когда же я стал таким мягкотелым?

– Обещаю, такого больше не повторится. – Пылко пообещала девушка и села на кресло. Моё любимое, что я сам всегда занимал. Могу поспорить, что на обивке всё ещё остались полушария моей пятой точки. – Надеюсь, вы на меня не сердитесь.

– Нет. – Соврал я. – Благодаря вам я остался жив.

– Я боялась, что медики не успеют. Но как они попали в квартиру?

– Я не закрыл входную дверь.

– Довольно безалаберно с вашей стороны.

Неужели она решила меня отчитать? Я проявил такое великодушие – засунул своё негодование куда подальше, чтобы не портить ей день ещё сильнее, ведь кто-то до меня явно постарался. А она говорит со мной, как с малым ребёнком, бросившим конструктор посреди ковра.

– Старая привычка. В Берлингтоне мы редко так делаем.

– Вы не в Берлингтоне. – Напомнила мисс Джеймс, словно я мог позабыть.

Даже с закрытыми окнами кругом стоял такой шум, словно квартира находилась прямо на обочине, в метре от проезжей части. Словно я сидел на диване посреди тротуара, а мимо сновали сотни незнакомцев, встречая в мой мир своими разговорами и запахами. Голоса, ропот колёс, гудки и ещё миллионы звуков, что сливались в симфонию, на которую я не хотел покупать билета.

– В Лос-Анджелесе опасно оставлять дверь открытой. В тот раз вам повезло, но в следующий всё может оказаться куда как страшнее. К вам могут ворваться грабители или кто похуже.

Мне ли не знать! Минут пять назад ко мне как раз заявлялся «кто-то похуже». Не успел я рта раскрыть, как мисс

Джеймс продолжила свои наставления. От её высокомерных нравоучений я начинал снова раздражаться. Да кто она такая!

– С месяц назад у соседки ниже выкрали сейф со всеми накоплениями, а в доме напротив унесли...

– Мисс Джеймс, обещаю вам, что в моё присутствие с вашей квартирой ничего не случится. – Буркнул я не совсем учтиво, и она тут же заметила перемену погоды в нашей беседе. В сторону Берлингтона повеяло прохладой с калифорнийского побережья. Люди тоже влияют на климат, и теперь на обоих концах материка случилось вселенское оледенение.

– Уж надеюсь. Не хочу вернуться в квартиру, от которой ничего не осталось! – Отморозила она в ответ.

– Это *не* я собирался разбить окно чужого дома!

– Это *не* я забыла оставить ключ и заставила другого человека мёрзнуть в минус двадцать!

– Всего-то в минус шесть, не преувеличивайте!

– Житель Лос-Анджелеса минус шесть ощущает как минус двадцать!

– Ну, а в вашей квартире все плюс сорок, как в Эфиопии.

– Ну, это уже не мои проблемы! – Съехидничала моя неприятельница, и от кислоты в её тоне меня передёрнуло.

С любезностей мы почему-то перешли на колкости. Две спицы, что позвякивают, ударяясь друг о друга. Только вряд ли такими темпами мы бы смогли связать цельный свитер. И этой нахалке я отдал свой дом за просто так! Принял её

с распростёртыми объятиями, а она дерзит, точно это я ей что-то должен. Таких нужно ставить на место.

– Вы, надеюсь, прочитали список, что я вам оставил?

– Это то дурацкое письмо с пятнадцатью пунктами, которые я должна выполнять?

Моя гостья пошла на кухню и прихватила меня с собой, как свидетеля всех своих перемещений. Не забывая корчить обозлённые гримасы и фыркать на меня в камеру, она с грохотом принялась лазить по шкафчикам. Наверняка искала кофе – по её залежам я уже успел понять, что эта женщина может неделями прожить на одном кофе. И, видимо, на ненависти к другим.

– Никакое оно не дурацкое. – Обиженно огрызнулся я. Мисс Джеймс была не первой, кто намекал на мою излишнюю организованность. Девушки до неё называли эту мою черту тотальным контролем, но я был с ними в корне не согласен. – И вы сами согласились присматривать за домом, пока будете там жить, забыли?

– Но я не знала, что продаю себя в рабство!

– Ой, да бросьте!

Я прыснул слюной. В руках скопилось столько злости, что я побоялся, как бы не расплющить мобильник. Со шлепком водрузил его на стол, прислонив к вазе с аляповатым орнаментом – в жизни бы не купил такой безвкусицы! – и решил хоть чем-то занять рот, пока из него не повывлетало ещё чего лишнего. Я схватил пакет с китайской едой, которая давно

остыла и утратила как минимум половину вкуса. Как можно более шумно зашуршал бумагой, выуживая картонные коробочки с пельменями и свиной и демонстративно громко расставляя их вокруг себя.

– Что это там у вас?! – Чуть ли не взвизгнула мисс Джеймс. – Мистер Ши?!

Я так и замер с половиной шанхайского пельменя в зубах, чуть не подавившись от такой бурной реакции. Два вытаращенных глаза смотрели на мой заказ как на добычу или бомбу, я так и не понял. Разозлилась, что я заказал еду из её любимого китайского ресторанчика и воспользовался купоном?

– И што? – Промямлил я с набитым ртом.

– Вы собираетесь есть всё это на диване?

Я опасливо заозирался, ища знаки с перечёркнутой едой, как на входах в магазины или кинотеатры. Диван как диван. Белый велюр и деревянные подлокотники.

– И што? – Тупо повторил я, но жевать перестал ради своего же блага.

– Не смейте есть свою жирную гадость на моём белом диване! А если вы капните на него? Я столько заплатила за этот диван!

– Уж простите. – Едко отозвался я, хотя слегка посрамился такой неучтивости. Диван и правда выглядел дорого и уязвимо в своём белоснежном одеянии, а я нагло вывалил свои пельмени прямо над его бархатистой поверхностью. Но я же

не мог так просто проиграть этот раунд в нашем глупом и нескончаемом споре! – Вы ведь не оставили мне список с указаниями.

– Поверьте, очень об этом жалею. – Девушка тяжело дышала и тыкала в меня пальцем на другом побережье. Её ноздри раздувались на весь экран, но в своём гневе она выглядела комично, и даже немного очаровательно. Пока я сдерживал смех, она всё никак не унималась. Гримасничала и угрожала расправой. – Завтра пришлю вам правила пользования моей квартирой. А то будет нечестно, если правилам буду следовать одна я.

– Валяйте!

– И где у вас стоит этот чёртов кофе?! – Хлопнула дверца, а потом послышался крик боли. – Твою ж...

– Что случилось? – От нападения я перешёл к покровительству.

– Долбаный жираф!

– Жираф?

Не помню, чтобы оставлял на кухне каких-нибудь жирафов.

– Да, ваша подставка под венчики.

– И что с ней? – Недоумевал я, забыв о шанхайских пельменях и вспомнив о вермонтском жирафе. – Насколько я помню, он не кусается.

– Очень смешно! – Девушка наполовину пропала с экрана. Возилась с одной ногой и подпрыгивала на другой, как

мартышка с бананом. – Может он и не кусается, зато осколок колет больно.

– Осколок? Вы его разбили?!

Я дёрнулся так резко, что зацепил коленом упаковку со свининой. Та в замедленной съёмке сделала потрясающее сальто, которое для нас обоих оказалось смертельным. Пока коробочка летела себе в воздухе, из неё вылетали капли кисло-сладкого соуса, кусочки жареного мяса, а на заднем фоне я видел, как глаза мисс Джеймс вырастают в диаметре. Даже шум на улице прекратился. Весь Лос-Анджелес затих. И коробочка смачно чавкнула на белую подушку дивана, растекаясь кровавым месивом и впитываясь в фибры ткани. Я зажал рот рукой и подумал, что скоро на этом диване появится и второе кровавое пятно, когда мисс Джеймс прикончит меня на этом самом месте.

– Нет. – Она больше не кричала от боли или возмущения. Она шептала, а нет ничего страшнее женщины, которая перешла с криков на шёпот. Так змеи затаиваются в кустах перед броском. – Вы. Уничтожили. Мой. Диван.

Я весь сжался, вполне уверенный в том, что сейчас она выберется через экран мобильного, как девочка из колодца в том жутком ужастике, и придушит меня голыми руками.

– А вы разбили моего жирафа. – Почти пискнул я в своё оправдание. Но принцип око за око не сработал, и мисс Джеймс чуть не пошла пунцовыми пятнами. Тогда я зачем-то поступил как поступают все мужчины во время ссоры

с женщиной. Подлил масла в огонь. А он уже и так шкворчал, как растопленный жир на сковородке. – Этого жирафа между прочим мне подарила племянница.

– Вы сравниваете какую-то статуэтку за два бакса с диваном за две штуки?

– Важна не стоимость, а память.

Как только я это ляпнул, тут же осознал: если и дальше продолжу нести эту чепуху, память – всё, что от меня останется. Я решил пойти на примирение и снизил градус своего голоса.

– Ладно, простите меня. Я действительно не хотел! Ни уничтожать ваш диван, ни обижать вас. – Я оценил масштабы ущерба и пообещал: – На днях отвезу ваш диван в химчистку.

Исподтишка глянув на экран, я опасался увидеть там всю ту же разъярённую фурию, но чаще всего мы перестаём сражаться, если нам махают белым флагом или протягивают трубку мира. Никто не хочет воевать, а вести бои по разным краям материка и вовсе абсурдно.

– Ну, к сожалению, я не могу пообещать вам склеить вашего жирафа. – С невесёлой улыбкой созналась мисс Джеймс. – Его голова давно покоится на дне мусорного ведра, а крошки остального тела видимо всё ещё раскиданы по всей кухне. Я порезала ступню.

Её губы так трогательно свернулись в трубочку, что я не мог больше злиться. Перемирие было заключено, хотя бы

временно. И ступня мисс Джеймс встревожила меня сильнее убитого жирафа.

– Аптечка в шкафчике над микроволновкой. – Подсказал я. – Там есть перекись, бинт и пластырь.

– Спасибо. Мне правда жаль подарок вашей племянницы. Я не стал признаваться в обмане, раз уж всё закончилось на такой оптимистичной ноте, лишь бы вновь не заиграл похоронный марш. На самом деле, этого жирафа притащила мама с какой-то распродажи в «Таргет», когда я только заселялся и мне нужны были подобные мелочи, чтобы обставить пустую кухню.

Ногу мисс Джеймс успешно подлечили, но дивану был нанесён непоправимый ущерб, так что мои попытки оттереть красное пятно с белой обивки оказались напрасными. Теперь в гостиной витал кисло-сладкий запах томатов и перца, а диван походил на место преступления. Не хватало только натянуть жёлтую ленту по периметру. Ужин я решил отложить, пока не переговорю с моей домоправительницей – не хватало довести её до инфаркта, рассыпав пельмени по ворсистому ковру.

– Мисс Джеймс, на самом деле, – неуверенно заговорил я. – Я ведь позвонил вам не за тем, чтобы устроить ссору.

– Верится с трудом. – Хмыкнула она, но уже совсем не злобно. Когда чайник выпускает пар и перестаёт кипеть, он начинает остывать.

– Приходил ваш... – Я перекатил на языке несколько слов,

но ни «жених», ни «молодой человек», ни «бойфренд» как-то не вязались с тем наглым засранцем, что вломился в мой дом. Пусть и временный дом. – Приятель.

– Гэбриэл?!

Вся наша ссора испарилась. Тех пяти минут криков и взаимных обвинений словно и не было никогда. Мисс Джеймс всерьёз разволновалась и чуть не уронила чашку с заваренным кофе, а я разволновался, как бы моя кухня не превратилась в склад битой посуды. Нужно было выбирать более послушного и ловкого жильца.

– Не знаю, он не назвался.

– Чего он хотел? – Еле выговорила мисс Джеймс.

– Спрашивал, где вы. А ещё хотел забрать какие-то вещи...

– Вы отдали их?!

Я-то хотел отыгаться на мисс Джеймс за испорченные дни, упрекнув во внезапных и несогласованных визитах её дружков, но не ждал такой реакции. Девушка побледнела, и даже плохой сигнал не помешал мне разглядеть испуг в её зелёных глазах.

– Нет, мисс Джеймс. Я не пустил его в квартиру, хотя он пытался проникнуть силой. Посчитал нужным сообщить вам, ведь это не моё дело. Надеюсь, я поступил правильно?

– Да, да, спасибо вам! Вы просто молодец.

– Мисс Джеймс, вы в порядке?

– Да. То есть не совсем. – Она вздохнула и прикрыла гла-

за. Вернулась в гостиную и плюхнулась в кресло, отчего всё заходило ходуном. – На самом деле, нет. Я совсем не в порядке.

– Может, расскажете мне, что это за парень и что он хотел забрать у вас?

– Это долгая история.

А она выглядела такой же измотанной, как и я, хотя вроде как радовалась чему-то, как только я позвонил.

– Я никуда не тороплюсь. – Соврал я.

Рядом с остывшими пельменями лежали папки по «Поп Тартс» и «Эван Уильямс», с рекламами которых я ни йоту не продвинулся. Я одёрнул себя – проблемы малознакомой девушки не должны меня касаться. Потому я годами и не заводил серьёзных отношений, чтобы не втягиваться в надуманные проблемы и не тонуть в сопливых слезах. То, что было у нас с Мэдисон или с Карен, не доходило до плаканья в жилетку. Чаще всего во время наших встреч на мне вообще не было никакой жилетки.

Но, чёрт возьми, я жил в её квартире, она – в моём доме. Как-никак, но мы были связаны. Кисло-сладким соусом и осколками жирафа.

– У вас есть что-нибудь выпить? – Вдруг спросила мисс Джеймс.

– Эм, да, бар в серванте справа от камина.

Ну вот, теперь ещё эта женщина покусится на самые ценные запасы в моём доме. Я верным спутником сопровождал

её до серванта, посмотрел, как она избирательно покопалась в бутылках и на мгновение даже повеселела.

– «Эван Уильямс»! Так вы знаете этот бурбон?

Улыбающейся она мне нравилась больше, чем испуганной, поэтому я решил открыть о себе чуть больше скрытой информации.

– Да, напиток моей молодости. Я ведь жил в Лос-Анджелесе восемь лет назад.

– Вы шутите?!

– Нет, учился здесь на маркетолога. И мы пили «Эван Уильямс» чаще, чем кофе в «Старбаксе».

– Вы не против?..

Мисс Джеймс помахала бутылкой перед камерой.

– Мой бар в полном вашем распоряжении. Только не пейте, пожалуйста, «Глен Макаллан». Это подарок отцу.

– Обещаю, что ограничусь парочкой глотков бурбона. – Она налила тёмную жидкость в бокал и снова уютно устроилась в кресле. – Хотя настроение такое... хочется набурбониться.

– Набурбониться? – Невольно хохотнул я. Эта девушка сплошь состояла из странностей, но не переставала меня веселить.

– Наглотаться бурбона так, что не смогу доползти до спальни. – Объяснила она. – Но не волнуйтесь. Завтра у меня важная встреча, поэтому я не стану. А по поводу визита Гэбриэла...

– Он обещал вернуться с полицией.

Первый глоток уже заметно расслабил плечи мисс Джеймс. Она посмотрела куда-то за пределы камеры и с грустью сказала:

– Позвоните Сид. Она с ним разберётся.

– Так вы не поделитесь со мной этой историей?

Мисс Джеймс перевела взгляд на меня и заглянула в самые недра моей души. Зелень её глаз темнела и сгущалась. Она словно хотела всё рассказать, но так и не решилась. Покачала головой, отчего её кудри подпрыгнули вверх-вниз, и тихо сказала:

– Некоторые истории мы рассказываем, а некоторые... – Она отсалютовала стаканом бурбона. – Запиваем и пытаемся забыть. До свидания, мистер Кларк.

Не успел я попрощаться, как мисс Джеймс завершила звонок. В квартире вдруг стало так тихо, что я заскучал по нашей перебранке. И только кисло-сладкий запахок разносил воспоминания о том, что наш разговор вообще состоялся.

Эмма

– Почему вы хромаете?

Уилл бережно коснулся моего локтя, когда я неудачно наступила на ту часть стопы, где зиял порез от жирафа, и ойкнула.

– Боевая травма. – Отшутилась я.

– Отбивались от енотов? – Вполне серьёзно спросил Уилл.

– Скорее, от жирафов. А что, здесь водятся еноты?

Мой спутник склонил голову, как добрый спаниель, и улыбнулся точно так же.

– В Берлингтоне кто только не водится. И еноты, и барсуки, и медведи.

Нужно не забывать закрывать двери на ночь. Похоже, в отличие от Лос-Анджелеса, налёта грабителей здесь бояться не стоит, а вот нашествия хищников – ещё как!

Ровно к десяти утра уже знакомый «бентли» подкатил к дому и мелодично поскрипел шинами по свежему снегу. Кто-то там наверху решил засыпать этот городок белой крошкой и скрыть его от постороннего мира. На этот раз Уилл не сигнализировал – к назначенному времени я уже подготовилась и вышла на крыльцо при полном параде, пусть и скромном. Всё те же джинсы и тёплые ботинки, разве что свитер я сменила на кашемировый джемпер и волосы успела уложить во что-то более презентабельное, нежели вчераш-

нее гнездо кукушки.

Проспать я не боялась, потому что полночи провалялась без сна. Вечер в компании «Эвана Уильямса» притупил чувства, но не усыпил их окончательно. Обещание мистери Кларку я сдержала – его бесценный «Гленн Макаллан» остался невредим. Ни капли не исчезло – бурбониться до беспамятства я всё же не стала. Смочила рецепторы и успокоила нервы, после чего бутылка «Эвана» вновь отправилась на своё законное место в бар, а я на своё – в исцарапанное кресло у камина, который получилось разжечь с четвёртой попытки.

Наблюдение за танцем огня успокаивало сильнее алкогольных паров. Я всегда искала утешения в рисовании, но без полного набора инструментов не хотелось даже начинать, и я погрузилась в ленивое прозябание до самой ночи. Наспех поужинав остатками вчерашней еды, что Бетти так любезно привезла вместе с одеждой дочери, я рано отправилась наверх, но так и не уснула.

Угрозы Гэбриэла меня напугали, а ссора с мистером Кларком испортила боевой настрой окончательно. Я украла картины из «Арт Бертъе» и несколько дней скрывала их в своей квартире. На этот раз мистер Кларк отстоял их, но в следующий Гэбриэл и правда может заявиться с подмогой в лице двух полицейских и потребовать вернуть его законное имущество. Меня объявят в розыск по всем штатам – уж Гэбриэл позаботится о том, чтобы отплатить мне за эту выходку

сполна.

Да уж, бабуля Эльма и родители глядели на меня с небес и не могли глазам своим поверить – их драгоценная дочка и внучка сбилась с пути и нажила себе проблемы с законом. Но судебное разбирательство или даже тюремный срок пугали меня не так сильно, как риск потерять картины. Любому родителю невыносимо расставаться с тем, кого произвёл на свет. А мои картины – мои дети.

Когда я подписывала договор с Гэбриэлом о том, что буду выставяться в его галерее и забирать себе лишь процент с продаж, я не просто продала своё право на эти картины, но и душу дьяволу. Он – демон перекрёстка, что сладкими уговорами заманил меня в невыгодную ловушку. Хотя два года назад у меня не было особого выбора. Или остаться «на улице», или довольствоваться крохами в надежде однажды стать великой художницей. И только Гэбриэл Бертье мог мне в этом помочь. До тех пор, пока не перестал помогать.

Уилл снова сам сел за руль, устроив водителю длительные выходные. Как только я забралась к нему в машину, Гэбриэл тут же куда-то исчез. С некоторыми людьми заведомо хорошо и спокойно просто находиться рядом. Бабушка Эльма была такой. Мир могла проглотить бездна, но я бы даже не заметила этого, если бабушка садилась на кровать в моих ногах, гладила меня по спине и напевала свои убаюкивающие колыбельные. Этой ночью мне очень не хватало её прикосновений и голоса. Больше никому было спеть мне «Спи, моя

радость».

В «Марвело» с лёгкостью заблудился бы даже кто-то более находчивый, чем я со своим топографическим умением блуждать в трёх соснах. Для каждого на этой планете найдётся свой земной рай. Для художников и любителей попачкать руки в красках и грифеле таким местом оказалась художественная лавка на Лейк-стрит. Симпатичная улочка сразу напротив озера Шамплейн и парка Уотерфронт. Было что-то сказочное в том, как принарядились ели и сосны в белые шубы, и как завидовали их одеянию голые канадские клёны и высокие дубы. Как же здесь красиво летом – и представить страшно!

Лавка удобно устроилась на первом этаже невысокого жилого дома, прямо напротив кафе быстрого питания и, по иронии судьбы, студии йоги. Весь город уже украшали гирлянды и венки к Рождеству, но хозяин «Марвело» отыгрался по полной на своём магазинчике. Тот заманивал внутрь переливами огоньков на карнизах здания. У самых дверей стояла живая ёлка под два метра ростом, украшенная разномастными игрушками. Многие из них оказались ручной работы и были исписаны узорами и мордочками животных.

– Они подписаны! – Изумилась я, покрутив белый шарик со звёздами в руках. – Мисси Уолтерс, 6 лет. – Пробормотала я и оглянулась на Уилла. – Это сделал ребёнок.

– В начале каждого года мистер Дункан выставляет у входа коробку. – Принялся объяснять мой спутник. – Собира-

ет пожертвования для детей со всего штата. Игрушки, сладости – кто что бросит по пути, пробегая мимо лавки. Сам же он обчищает витрины своего магазина, чтобы подарить детям принадлежности для творчества. К концу ноября коробка исчезает, потому что мистер Дункан расфасовывает всё добро и рассылает подарки по детским домам и онкологическим отделениям.

– Ух ты, как благородно!

– Не то слово. И в благодарность некоторые детишки дарят что-нибудь в ответ на его доброту. В основном это ёлочные игрушки. – Уилл кивнул на десятки таких же кривовато, но душевно расписанных шаров. – А ещё внутри целая стена с рисунками, сами увидите.

– Это самое потрясающее, что я когда-либо слышала. Звучит как настоящее рождественское чудо.

– Этот городок ещё не раз вас поразит. – Улыбнулся Уилл, даже не подозревая, что одна его улыбка поражает в самое сердце.

Деревянная вывеска «Марвелло» играла разными цветами и так и манила поскорее войти.

– Вы сказали хозяина зовут мистер Дункан. – Припомнила я.

– Да, Клайд Дункан.

– Хм, я почему-то решила, что в маленьких городках, подобных вашему, лавки носят названия своих хозяев. Довольно прелестный, но всё же стереотип.

– Вы не ошиблись. По большей части так и есть.

– Но... – Я непонимающе перевела взгляд на вывеску и снова на Уилла. Тот понял, почему в моей голове произошла нестыковка и пояснил:

– Марвелло – так звали сына мистера Дункана. Он умер больше тридцати лет назад от рака крови.

– Какой ужас. – По коже пробежали мурашки от потрясения, а горло сдавило знакомыми чувствами. Я знала, как-то терять самых близких. Но терять ребёнка в разы тяжелее, чем родителей.

– Потому мистер Дункан и затеял такую благотворительную акцию.

– Жаль, что коробку уже убрали. Я бы тоже хотела хоть как-то поучаствовать. – Пусть в моих карманах и не было даже десяти лишних долларов, я бы с удовольствием принесла их в жертву на такое благородное дело.

– Думаю, мы что-нибудь придумаем. – С тёплой, успокаивающей улыбкой пообещал Уилл и открыл передо мной дверь.

Внутри лавка оказалась куда просторнее, чем снаружи. Уилл послушно бродил следом за мной между стеллажами с тележкой и любопытством. Мне хотелось похватать всё, что я видела, но я лишь скромно подбирала то, что мне пригодилось бы для написания пейзажей Берлингтона. Сперва было неловко наполнять корзину – я не привыкла, чтобы за меня платил мужчина. Гэбриэл со всеми его деньгами оказался

скупым кавалером, и всё, что я могла от него ждать – ужины, редкие преподношения в виде «Барбареско» и коробки конфет, и ещё более редкие дары вроде «Лабутенов».

Увидев мои колебания, Уилл укоризненно покачал головой:

– Мисс Джеймс, у нас ведь был уговор. Берите всё, что пожелаете, и не беспокойтесь о цене. Я попросил вашей помощи, и я буду беспокоиться о таких мелочах.

Мелочах! Да в корзине уже лежало товаров почти на тысячу долларов! Набор чернографитных карандашей для создания эскизов, холсты разных размеров, пастельные и акриловые краски, а также всякие мелочи, которые могли пригодиться в работе. У мольбертов я остановилась.

– Я думала о том, *что* стану писать.

Уилл искренне заинтересовался.

– Ваш отец любил город. Несколько картин не смогут показать эту любовь. Теперь я поняла, почему вы хотели выделить в галерее отдельную комнату, где каждый из посетителей смог бы полюбоваться красотой Берлингтона. Оставить там частичку своей души.

– В этом и была затея.

– Мне нравится. Но тогда понадобятся мольберты и полотна разных размеров. – Я призадумалась, как это всё будет выглядеть, и мои фантазии мне очень понравились. Руки сами потянулись к нужным холстам уже без мучительного голоса совести. Уилл ведь сам сказал, что я могу брать, что

удовно. И ради того, что созрело в моей голове, мне нужно было именно это.

– Уже придумали, что рисовать? – Оживился Уилл ещё больше. – Не расскажете мне?

– Вы ведь дали мне полный карт-бланш. – Просияла я, заглядывая ему в глаза. Их голубизна – частичка неба в ясную погоду. – Тогда доверьтесь мне.

– Если бы я вам не доверял, то никогда бы не пригласил в свой дом и в свой проект.

Помимо нас в магазине почти никого не было, но мистер Дункан мог не переживать за выручку. Одна наша корзина тянула на проценты за полдня продаж уж точно. Пока Уилл отправился на кассу, катя тележку так же аккуратно как свой «бентли», я замерла у тех самых рисунков детей. Целую стену длиною в две моих гостиных завесили рисунки красками, карандашами или мелками – кто чем больше любил рисовать. Где-то с боку виднелась подпись. *«Тимоти, 4 года»*. Или *«Софи Пейнтер, больница Шелберн»*.

Меня задушило жалостью и тоской. Кое-то из маленьких художников так напоминал меня. Сироты, оставшиеся без родительской любви. Но им не повезло куда сильнее, ведь их передали под опеку незнакомых женщин к таким же озлобленным и несчастным ребятам. У меня была бабушка Эльма, которая любила меня всей душой, в два раза сильнее, чтобы заменить любовь родителей. Чтобы я не чувствовала себя покинутой.

У всех этих детей не было бабушек Эльм. А у кого-то не было и года жизни. Но у всех них было столько смелости, силы и жажды жизни, что я невольно дала волю чувствам. Не знаю, сколько я вот так простояла у детской галереи, но Уилл успел пробить всю гору товаров и упаковать. Он осторожно тронул моё плечо, чтобы не напугать, потому что я не слышала его шагов.

– Я отвезу всё это в машину. – Он кивнул на тележку.

– Хорошо, я буду через минуту.

Пусть коробку с пожертвованиями перед входом в «Марвелло» уже убрали, я решила не ждать до начала следующего года, чтобы внести свою лепту в столь доброе дело. Я была на мели, но помощь больным или обездоленным стоила последних денег в кошельке. Я выбрала стопку альбомов для рисования, наборы разноцветных карандашей, акварели и кисти разной толщины, и сгрузила всё это на прилавок перед пожилым мужчиной с печальными глазами и тремором в руках.

– Доброе утро, мисс. – Радушно поздоровался он, слегка поклонившись. Бейджик на его серой рубашке бликнул от света фонариков и привлёк моё внимание. «*К. Дункан*». Это и был тот самый хозяин лавки, чей сын умер много лет назад.

Я поздоровалась в ответ и не смогла больше ничего сказать, боясь ляпнуть что-то бестактное или обидное, что напомнит мужчине о трагедии, разбередит старые раны. Не упомянула, как мне жаль его сына и его самого, не похвали-

ла за такую важную миссию, а просто протянула последние купюры из кошелька.

– Не могли бы вы положить эти вещи в свою коробку для детей?

Но мистер Дункан запротестовал:

– Не надо денег.

– Почему же? – Удивилась я. – Я хочу помочь...

– Это прекрасно! Спасибо вам за пожертвования. – Заулыбался продавец. – Но тот учтивый молодой человек с полной тележкой уже оплатил всё.

– Да, но он заплатил за тележку, а это – подарки детям.

– Вы не поняли. Мистер Максвелл заплатил наперёд за всё, что вы возьмёте для моей коробки.

Я так и застыла с купюрами в руке и с тёплым компрессом на сердце. Уилл откуда-то знал, что я не удержусь и куплю что-нибудь для деток. Надеюсь, он просто проницателен, а не умеет читать мысли. Иначе будет очень стыдно, если он начнёт читать, что я думаю о нём самом.

Джейсон

Своя рубашка всегда ближе к телу. А сегодня моя сидела на мне слишком криво, чтобы заботиться ещё и о рубашке мисс Джеймс.

Бессонная ночь, целый кофейник будоражащего «Дэд Уиш» из молотого арсенала мисс Джеймс и парочка энергетиков «Ред Булл» – адский коктейль, который я потреблял без дозировки. Он заставил мой мозг работать до четырёх утра. Но не заставил его придумать хоть что-то дельное. Я обмозговал парочку затей, но мне самому они не нравились настолько, чтобы идти с ними к Дику Бёртону. А вечером он ждал меня с полным отчётом по двум самым важным клиентам на ближайшие месяцы.

Последняя надежда на креативный отдел, но после знакомства со своей командой я понял, что креативно они умеют только отлынивать от работы. Мои подопечные в Берлингтоне выдавали блестящие мысли одну за одной. Достаточно было щёлкнуть пальцами – и вуаля. Сюжет новой рекламы для мясных подушечек «Паддис» на телевидении отработан безупречно. Броский лозунг сосисок «Морнинг Стар» засел в памяти идеальным звучанием.

Я даже соскучился по Стиву, Питу и Линде, которых лично отбирал на собеседовании и завалил отборочными испытаниями, с которыми ни один из сотрудников калифорний-

ского офиса и подавно бы не справился. И как работать с такой командой? Я-то думал, что в головном филиале только отборные кадры. Но за их плохую работу отдуваться придётся мне. Если я до вечера не придумаю хоть что-то более дельное по сравнению с тем, что начёркал в своей папке, то меня по голове не погладят. А может, и уволят.

Кроме рекламы я ничего не умел. Начинать сначала после восьми лет тяжкого труда? Это как сорваться в пропасть после того, как восемь лет карабкался на гору. И то, только потому что твои же соратники пообрезали тебе страховочные тросы.

Вчерашние шанхайские пельмени ничуть не потеряли вкуса – я смаковал каждую штуку, пусть они и остыли к тому моменту, как мисс Джеймс распрощалась со мной. Она была очень расстроена, но я не собирался вмешиваться в её личную жизнь. Только если та не станет влиять на мою.

По совету мисс Джеймс я написал Сид Брэберн, той самой женщине, что отыскала моё объявление в интернете и свела нас с художницей. На мою беду. Она обещала разобраться и принесла заслуженные извинения, которых я не дождался от самой виновницы.

И почему не эта уравновешенная, вежливая мисс Брэберн живёт под моей крышей? Кажется, у неё-то в жизни всё под контролем. Не успел я прислать ей сообщение с просьбой покончить с разбирательствами, которые меня совершенно не касаются, она заверила, что со всем разберётся.

Я всё улажу, мистер Кларк. Большие вас не беспокоят, можете быть уверены.

Ещё одно очко в пользу Сид Брэберн. В ней я был уверен, как в том, что сейчас в Берлингтоне во всю валит снег. А мисс Джеймс такой уверенности не вызывала – даже кофе в шкафчиках отыскать не может!

Я отгладил лучшую из своих рубашек, надеясь, что хотя бы она сегодня поможет мне завоевать расположение Дирка Бёртона. Люк называл её счастливой – именно в ней я был, когда получил повышение до директора отдела, когда купил свой «порше» и когда подцепил самую знойную штучку в баре «Сотто». Да она ещё и разделяла мою нелюбовь к серьёзным отношениям, так что тройное попадание в яблочко. Этой рубашке от «Маркс и Спенсер» уже пора бы отойти на покой – своё она отслужила сполна, да и я мог позволить себе целую вешалку таких. Но рука не поднималась выкинуть удачу в мусорку. Может, это окажется самым гениальным решением в моей жизни.

«Убер» прислал уведомление, что чёрный «форд» подъедет через пару минут. На всякий случай я собирался выехать пораньше, если пробки настигнут меня по пути. Ещё одного опоздания мне не простит ни Дирк Бёртон, ни совесть. Но когда я спустился, никакого чёрного «форда» не было и в помине.

– Вот дьявол. – Тихо выругался я, доставая телефон, чтобы проверить, ничего ли я не перепутал.

– Ты ошибся, парень. – Прогредел насмешливый голос за спиной, и на экран упала длинная тень. – Это не дьявол. А всего лишь мы.

«Мы» в лице двух громадин – на полголовы выше меня ростом и в половину шире меня в плечах и других мышцах – возникли из ниоткуда и обступили с разных боков. Меня застали врасплох, и меняхватило лишь на то, чтобы недоумённо пялиться на них.

– Вы что-то хотели?

– Не мы. – Сказал тот, что повыше и понахальнее. На его лысине отплясывали блики утреннего солнца. – А вот мистер Бертье кое-что хотел.

– Мистер Бертье? Вы ошиблись. – Примирительно отступил я. – Я не знаю никого с таким именем.

– А он тебя очень даже знает.

– Послушайте, ребята. У меня нет ни времени, ни желания играть в ваши игры.

– Никто и не играет. Мы просто по-тихому заберём кое-что из твоей квартиры и всё.

Тогда-то до меня всё дошло.

– А, *этот* мистер Бертье!

Парень из комода. Парень из коридора, который ломился в мою квартиру – вернее в квартиру мисс Джеймс. Не получив своё, он всё же исполнил свою угрозу. Вот только прислал не полицию, а двух головорезов, полагая, что меня напугают если не их толстые шеи, то надутые бицепсы. Но пу-

гала меня перспектива вылететь с работы, так что я развернулся и бросил:

– Я уже говорил ему, что не могу отдать то, что мне не принадлежит. Всего доброго, господа!

Два шага в сторону, и моя рука загорелась пекущим пламенем. Мощные пальцы схватили меня и развернули с силой локомотива, на скорости врезавшегося в заставу.

– Мы не договорили.

– Руки убери, придурок. – Озлобился я. В придачу с квартирой не шло никаких громил и лишних проблем, однако я их нашёл на свою задницу.

– Мы ведь пытались по-хорошему. – Выдавил улыбочку лысый детина, но вышел кровожадный оскал. – Если хочешь уйти подобра-поздорову, то ты поднимешься с нами в эту чёртову квартиру и отдашь то, что нам нужно.

Да что такого хранилось в этой действительно чёртовой квартире, что за *этим* охотились все, кому не лень? Я старался избегать потасовок, но при случае за честь свою постоять не отказывался, потому надулся и отпихнул обидчика. Тот не ожидал отпора и отшатнулся, тогда другой пришёл ему на выручку. Схватил меня за ворот рубашки и со всей мочи ударил спиной о стену дома. В позвоночник впилось ребро выступающей филёнки. Телефон выскользнул из рук и попрыгал по тротуару, сбегая от неприятностей куда подальше.

– Похоже, ты не понимаешь с первого раза, парень. – Про-

цедил сквозь зубы мой уязвлённый лысый приятель. На помощь мне никто не торопился. И почему в самом густонаселённом городе все исчезают, когда так нужны? – У тебя нет выбора. Или ты делаешь так, как мы говорим, или...

– Или что? – Злости во мне скопилось больше, чем страха. – Поколотите меня?

– Была такая мыслишка.

– Передайте своему боссу, чтобы разбирался с мисс Джеймс, а не со мной. Я понятия не имею, что ему нужно.

– Зато мы имеем. – Елейно улыбнулся лысый, дыхнув мне душливым парфюмом прямо в лицо. – Ты же просто дашь нам ключик от квартиры и постоишь за дверью, пока мы всё не провернём.

– Сильно в этом сомневаюсь.

– Ну, ключи мы возьмём в любом случае. – Безразлично пожал он плечами, показывая, что выбор мой невелик. – Или добровольно. Или с парочкой сломанных рёбер.

Я не смельчак и не герой. Эти двое заставили меня поволноваться. В конце концов, перевес был в их пользу, как количеством, так и силой. Да и дрался я всего дважды. В старшей школе, когда разбил нос ухажёру Вики, когда тот бросил её прямо перед выпускным. И в первом классе, когда Брайан Колдерман отобрал мой контейнер с обедом. Драки с Люком не в счёт – все братья время от времени мутузят друг друга по поводу и без.

Но сейчас выбор мой был и правду невелик. Или ответить

грубостью на грубость, или поджать хвост и позволить парню из комода обидеть мисс Джеймс. Не то чтобы я к ней воспылал симпатией, просто никто не в праве обижать женщин и вламываться к ним в дом. Тем более, что теперь это был *мой* дом.

Почувствовав адреналин в крови, я всё же умудрился выдать ответную улыбку и повторил слово в слово:

– Сильно в этом сомневаюсь.

Эти двое не ожидали, что хияк вроде меня умеет держать удар. Первый пришёлся на скулу молчаливого типа, сжимающего мой воротник. С глухим звуком мой кулак запечатлел своё почтение на его левой скуле. Дикая боль в костяшках лишь раззадорила меня. А боль в скуле – раззадорила их.

С весьма недобрыми словами они оба кинулись на меня, как дворовые псы на заблудшего домашнего пуделя. Я пытался уворачиваться, но ловкость моя была на уровне сонного ленивца, а не Джета Ли. Я не видел ни одного замаха, зато прекрасно их чувствовал. Удар в левую бровь, колено под мой дых, локоть под ребро. Меня стукнули раз шесть, когда я ответил лишь единожды.

Моё тело никогда так не болело, даже когда я плашмя упал с дерева в восемь лет. Послышался треск моей рубашки – эти уроды оторвали рукав. Ткань осталась болтаться бесформенным парусом, я уже почти валялся на земле, когда услышал:

– Эй, отойдите от него!

Я согнулся пополам, прикрывая самое ценное от ботинок

этих каратистов. Окрик их не спугнул, а вот топот бегущих ног заставил отстать.

– Я вызвал полицию!

– Чёрт, Бенни! – Сказал кто-то из них, похоже, лысый.

– Пора сваливать.

Сильные руки приподняли мою голову и шепнули с такой злобой, от которой цветы в горшках бы завяли:

– Мы ещё не закончили, парень.

Они исчезли так же быстро, как появились, хотя назвать их незаметными язык не поворачивался. Каждая клеточка моего тела ныла и пульсировала. Досадой даже больше, чем болью. Я даже не сумел постоять за себя как следует. Надо чаще бывать в тренажёрном зале и пореже в офисе после шести.

– Вы в порядке? – Обеспокоенный голос возник над головой.

Разогнувшись, я увидел парня моложе себя. В кедах, шортах и полном недоумении. Он протянул ко мне руки, чтобы помочь разогнуться, точно я старик с радикулитом на последнем издыхании. Но выпендриваться и притвориться живчиком не получалось. От резкого выпрямления в глазах потемнело, и я опёрся о плечо своего спасителя. За его спиной виднелся чёрный «форд».

– Так вы моё такси! – Неуместно весело заметил я.

– Простите, немного опоздал.

– Нет, приятель. – Я похлопал его по плечу в качестве бла-

годарности. – Ты как раз вовремя.

Эмма

После лавки мистера Дункана Уилл устроил мне быструю экскурсию по самым примечательным местам. Знакомил с городом и заодно помогал присматривать локации, достойные галереи имени Хьюго Максвелла.

В нашем распоряжении оказалось слишком мало времени – в час у Уилла намечалась какая-то важная встреча, поэтому мы успели побывать лишь на набережной, пристани Ферри Док и заглянули на поздний завтрак в кафе «Блэк Блисс». За чашечкой кофе и порцией свежих булочек с пеканом мы говорили в основном о галерее, хотя мне хотелось свести нашу беседу на более личные темы и расспросить этого мужчину о его детстве, жизни, работе.

Я не рассчитывала ни на взаимное увлечение, ни на симпатию или тем более любовь с первого взгляда, но почему-то ощутила тепло, когда не увидела кольца на его безымянном пальце. Уилл ни разу не упоминал о даме сердца, да и в поместье не нашлось следов пребывания миссис Максвелл. Всё равно это ничего не значило. Такие мужчины, как Уилл не смотрят на таких девушек, как я. А такие девушки, как я, очень любят попадать в неприятности и западать совсем не на тех парней.

Уилл отвёз меня домой и помог занести все покупки в гостиную.

– У вас здесь уютно. – Похвалил он убранство дома.

– Да, хозяин постарался.

Мне самой о таком доме можно было лишь мечтать.

Вспомнив о мистере Кларке, я ощутила странное беспокойство. Наш вчерашний разговор хоть и закончился лучше, чем начинался, всё же между нами пробежало немало кошек. Да и угроза Гэбриэла пугала до смерти. Он был способен на всё ради своих денег. А я выкрала не просто свои картины, а его прибыль.

Перед тем, как откланяться и умчаться на свою важную встречу, Уилл предложил пообедать завтра вместе. Хорошо, что я занималась распаковкой пакетов, иначе бы он заметил, как разгорелось моё лицо от смущения. Мы договорились на четыре. Больше суток ожидания! А я словила себя на мысли, что уже с нетерпением жду нашей новой встречи, пусть «бентли» отъехал от крыльца всего минуту назад. Благо мне было чем занять руки и голову на это время.

Диван в гостиной завалили баночки с красками, холсты и все остальные принадлежности, что достались мне даром. Так это оставлять нельзя. Первый пункт в списке мистера Кларка: содержать дома порядок и чистоту. Не то чтобы я переменила своё мнение касательно списка требований и собиралась добровольно подписаться на рабство, но обижать хозяина дома ещё сильнее мне не хотелось.

Целых полчаса я потратила на то, чтобы организовать себе рабочее место на закрытой террасе. А мистер Кларк не

соврал! Это местечко в доме однозначно станет моим любимым. Панорамные окна давали много света, многоярусная стойка под цветы сошла за отличную подставку для инструментария, а вид только подслащивал вдохновение. Пожалуй, начать можно с этого пейзажа. Плавный изгиб реки в обрамлении заснеженного леса и холмов. Слишком сильная ностальгия по дому в Миннесоте. Давно я не вспоминала те времена, но стоило приехать в Берлингтон, и прошлое настигло меня здесь.

Отряхнувшись от непрошенных мыслей, как собака от налипшего на шерсть снега, я водрузила первый холст на мольберт и придвинула его к самому окну. Здесь было тепло, как и во всём доме, так что можно было смело сменить джемпер на что-то не столь жаркое и маркое.

А я ведь даже не подумала о рабочей одежде! В мансарде остался висеть мой рабочий комбинезон, когда-то тёмно-синий, но со временем перекрашенный в радужные кляксы от красок. Я уже попросила Сид выслать мне кое-какую дополнительную одежду, так как взяла с собой только минимум вещей, так как посылка прилетит ещё не скоро. Думаю, мистер Кларк не сильно огорчится, если я позаимствую что-то из его старых футболок.

Проведя в доме уже два дня, я не побывала лишь в одной комнате. Хозяйская спальня казалась чем-то запретным. Невидимая оградительная лента натянулась поперёк двери, не подпуская посторонних внутрь. Я почувствовала себя во-

ришкой, заходя на чужую территорию, но я ведь не собиралась копаться в его вещах. Только возьму что-то из шкафа – надеюсь, сосед, мистер Леблан, не узнает об этом и не сообщит в полицию. По его милости я попала на радары офицеров, но до сих пор не имела чести с ним увидеться. Наверяд ли по дому развесились камеры, но я машинально проверила углы на наличие мигающих красных огоньков. И повернула ручку.

Надо было бы сперва спросить разрешения у мистера Кларка, но тот не ответил на моё сообщение, а в списке чёрным по белому значилось, что не стоит беспокоить его в рабочие часы. Не знаю, что хуже: вызвать его гнев одолженной футболкой или неурочным звонком. О первом он мог и не узнать, так что я осмелела и вошла в спальню.

Здесь царил порядок, как и во всём доме. Задёрнутые шторы темнили комнату, отчего она казалась одинокой и покинутой. Двухспальная кровать застелена однотонным покрывалом в тон к общей обстановке. Всё бежево-синее и более строгое, чем интерьер остальных комнат. Деревянные панели за изголовьем кровати, лампа в стиле модерн, кресло в углу в обрамлении полок с немногочисленными книгами. Словно сама спальня подстроилась под хозяина и не впускала другие краски внутрь.

Бетти говорила, что её сын убрал все фотографии, чтобы те не мешали мне почувствовать себя здесь как дома. Но к спальне это не относилось. Здесь всё осталось по-прежнему,

на сколько я могла судить.

У прикроватного столика – семейный снимок. Я не удержалась и поднесла его поближе к глазам, чтобы рассмотреть всех получше. Из двенадцати улыбающихся лиц я знала лишь двоих, но сразу становилось ясно, что передо мной большая и дружная семья. Один похож на другого с ювелирной точностью. У мистера Кларка, его брата и сестры одинаковые глаза, так что я быстро вычислила, кто кому приходится. Их супруги, дети. Мистер Кларк старший со строгим взглядом и тот излучал радость.

У меня никогда не было такой большой семьи. После смерти родителей остались бабушка да я, два тонких деревца, сплетённых между собой. Порой мне казалось, что больше никто и не нужен, а порой, глядя на семьи одноклассников, мне хотелось почувствовать себя частью чего-то такого же цельного. Но я – лишь ломоть пирога, который оставили в холодильнике, потому что давно уже сыты.

Были здесь и другие вещицы, из которых пазлами складывается личность каждого из нас. На подвесной полке коллекция ретроавтомобилей. Модельки-крошки выстроились в ряд, их потухшие фары дремали в полумраке. Никогда бы не подумала, что такой деловой мужчина, как Джейсон Кларк, каким он мне показался по тону писем и манере общения, собирает нечто подобное. Может, монеты, сигары или нечто такое же мужское, но никак не мальчишеский мини-гараж. Из всех марок я узнала только «форд» и «БМВ»,

почти как у Гэбриэла. Я еле сдержалась, чтобы не покрутить в руках этих малюток, но решила со своим везением держаться от них подальше. Мало ли судьба несчастного жирафа повторится – с одной из машинок помилование мне не светит!

Вместо этого интерес мой сместился на домашнюю библиотеку мистера Кларка. И тут ему удалось меня удивить. Ни одной книги по саморазвитию или мотивации, которые я ожидала увидеть, ведь он весь из себя такой развитый и мотивированный. Преуспевающий и амбициозный. Другого бы не послали на замену сотруднику аж за четыре тысячи миль. Но на полке обитали художественные романы, в основном классика и современные триллеры. Среди твёрдых переплёт-ов я отыскала «Великого Гэтсби» и серию про Эркюля Пуаро. Как забавно, что я тоже любила госпожу Кристи и даже подметила пару детективов, которые ещё не читала.

Так, я же обещала себе не рыться в белье мистера Кларка. Потому перестала разглядывать его изнанку и поспешила к шкафу. Взять то, за чем пришла. На одной из полок я увидела первую же попавшуюся футболку, которая показалась мне домашней, и вытащила её так аккуратно, чтобы не оставлять следов. И тут же зазвонил мой мобильный внизу.

Да как же он узнал?! У него тут и правда камеры?

Схватив футболку, я выскочила из спальни и помчалась по лестнице в гостиную, где бросила свой телефон. Но звонила всего лишь Сид. А сердце моё всё ещё куда-то мчалось

вприпрыжку.

– Дорогая! – Радостно поприветствовала Сид. – Как продвигается твоя ссылка на Северный полюс?

– Привыкаю потихоньку. Мороз уже не так кусается, а сам переезд не кажется такой плохой идеей.

– Я знала, что ты сумеешь адаптироваться. Ты уже виделась с мистером Максвеллом?

В ответ вырвался протяжный вздох.

– Слышу, что виделась. – Засмеялась Сид. – Этот мужчина склонен производить подобный эффект.

– Так ты знала? – Изумилась я. – Знала, что он не сумасшедший старик с миллионами в карманах?

– И что он писанный красавец? Конечно, знала, я ведь умею делать свою работу.

– Почему же мне не сказала? – Надулась я. – Я бы так не опозорилась перед ним.

– Я ведь не могу всё делать за тебя, дорогая. – Подстегнула меня Сид. – Думала, ты сама поищешь что-нибудь о нём в интернете.

Этим я и собиралась заняться сегодня, сразу после того, как немного порисую на террасе. Два дня не держала кисть в руках, и та заняла от скуки.

– И как он тебе?

– Уилл очень добрый и внимательный. Совсем не похож на тех богачей, кого я встречала.

– Уилл? – Кокетливо переспросила Сид. – Быстро же вы

спелись.

– Ничего такого. Он и правда очень простой для своего непростого статуса.

– Смотри, дорогая, не потеряй от него голову. – Предостерегла меня Сид, как всегда выступающая моим голосом разума и дремлющей совести. – Не повторяй ошибок, как с Гэбриэлом. Не стоит бросаться из огня в новый костёр, пока ожоги ещё не затянулись.

– Даже не думала. Предпочитаю смотреть на огонь, а не прыгать в него. Нас связывают только рабочие отношения. – Но сердце волновалось совсем не по-рабочему от одного его имени. – После Гэбриэла я официально взяла передышку на свидания. Сложно потерять голову, если занять её работой. А её будет много. Кстати, о Гэбриэле...

С Сид лучше сменить тему резко, как свернуть с полосы на скорости в сто миль, пока она не начала опекать своими наставлениями. Всего на шесть лет старше, а порой она казалась второй мамой, что лезет со своими нравоучениями, хотя я понимала, что порой со мной нужен был глаз да глаз, и она хотела как лучше для меня же.

– Ты решила проблему? – Взволнованно поинтересовалась я. – Мистер Кларк не должен испытывать неудобства из-за меня.

– Ох, Эмма. – А вот и материнский, даже учительский тон. – Говорила же тебе, что так просто эта история с картинами не закончится. Если ты не передашь ему полотна доб-

ровольно, то он имеет полное право получить их по суду.

– Неужели ничего нельзя сделать? Гэбриэл и так отнял у меня слишком много.

– Прости, дорогая, мой юрист прошерстил ваш договор от и до, но не нашёл никакой лазейки.

Моё сердце грохнулось вниз и потянуло меня за собой. Я опустилась в уже облюбленное кресло и ощутила небывалую слабость, словно рисовала сутки без остановки на сон, перекус и даже кофе.

Но стало ещё хуже, когда приговор прозвучал из трубки:

– Тебе придётся отдать картины, Эмма. И чем скорее, тем лучше. Чувствую, что визит Гэбриэла к твоему новому жильцу был не единственным.

Тогда я ещё не знала, как же Сид была права. Она всегда права.

Я знала только одно. Придётся расстаться со своими произведениями, а я ненавидела расставания. Слишком многое я теряла в жизни, чтобы потерять ещё и то, над чем трудилась месяцами. Но я сама подписалась под нашим расставанием заранее, два года назад, чиркнув закорючку на стопке бумажек. И теперь эти бумажки управляли моей жизнью.

– Но можешь быть уверена. После того, как он с тобой поступил, я не стану с ним больше иметь никаких дел.

– Но вы ведь давно знакомы и...

– Ты для меня важнее.

– Спасибо, Сид. Ты ещё не заезжала за моими вещами,

чтобы отправить по почте сюда?

– Пока не успела.

– Тогда как будешь в моей квартире, забери и картины. Отдай их Гэбриэлу и скажи, чтобы больше никогда не появлялся в моей жизни. – Рёбра сжали сердце, грозя расплющить его в лепёшку. – И пусть я больше никогда его не увижу.

Вот только вместе с ним я больше не увижу и своих картин.

Джейсон

Видок тот ещё. Рукав отодран от плеча, словно его отгрызли дикие звери. Воротник лишился пары пуговиц, на брюках грязные следы от подошв, а на лице – кровавые от побоев. Завидев меня у лифтов, Мона издала странный звук: то ли вопрос, то ли ужас, то ли всё вместе.

Я чуть ли не пробежал мимо, спрятавшись в своём кабинете. Зато сегодня обошлось без опозданий. Пришёл раньше всех и избежал перешёптываний, а, как известно, в офисе слухи разносятся быстрее, чем ветер в горах. От прошлой владелицы кабинета мне досталось высокое зеркало за стеллажом, и первым делом я кинулся к нему, чтобы оценить свой вид. Выше, чем на двойку он не тянул. И это из сотни.

Таксист спас мою шкуру дважды, хотя если бы приехал без опозданий, кто знает, может, я бы и вовсе избежал мордобойства. Он надёжным стражем сопровождал до такси, предложил изменить маршрут до больницы и распекал городской контингент в колоритных эпитетах. Несмотря на подбитый глаз и подпорченную рубашку, я оставил ему на чай и поставил пять звёзд в приложении. Пусть он и не самый пунктуальный, зато вступился за пассажира перед двумя здоровяками, а выжить гораздо важнее, чем куда-то успеть.

Отражение в зеркале шарахнулось от меня. Под правым глазом разбухла спелая слива, губа треснула, как кожа

перезревшего персика, остальные же боевые раны остались недоступны глазу окружающих. Вот Дирк обрадуется. Боль сопровождала каждое моё движение, пока я пытался присобачить рукав на место, но ему уже вряд ли помогли бы даже искусные руки швеи, не говоря уже о моих крюках. Когда рубашка растеряла свой заряд удачи? Может, её действие заканчивалось по мере носки, и именно сегодня время пришло?

– Что с вами стряслось?! – Мона незаметно появилась за спиной и на фоне моего красного лица выделялась белым пятном. По её глазам всё сразу стало понятно: дела хуже, чем я думал.

– Неудачно прокатился в такси. – Отшутился я, ведь порой юмор – лучший способ скрыть любые чувства.

– Вы попали в аварию?

– Что-то вроде того. Полномасштабная катастрофа.

Скажи я правду, секретарша бы кинулась звонить в полицию, а времени на разборки у меня не было. Все начнут стекаться к своим рабочим местам через двадцать минут, так что я выиграл немного форы, выйдя пораньше из дома.

– Мона, мне нужна твоя помощь.

– Сбегать за аптечкой? Она на кухне...

– Хорошо бы. – Я коснулся фингала и зашипел от боли. Припухшая кожа горела сотней градусов Цельсия. – Но сперва нужно исправить это.

Я помотал рукой, отчего обвисшая ткань затанцевала

вальсом. Почему я не подумал о том, чтобы запастись сменной рубашкой? В кабинете в Берлингтоне у меня под рукой всегда был запасной комплект из рубашки, пиджака и даже туфель.

– Здесь за углом есть «Барберри»...

– Отлично. Не могла бы ты сбегать и купить мне рубашку пятидесятого размера?

– Э, конечно. Есть предпочтения по цвету, ткани, крою?

Я уставился на Мону с каменным лицом: ты серьёзно? Такие мелочи сейчас меня заботили в последнюю очередь.

– Главное, чтобы у неё было два рукава. – Связвил я, и Мона обидчиво поджала губы.

«Барберри», конечно, не самый практичный вариант, но сэкономить сейчас – не самая удачная тактика, ведь я мог и вовсе остаться без заработка. Взяв двести долларов, Мона замялась и продолжила держать руку вытянутой. Пришлось добавить ещё двести, и тогда она засобиралась к выходу:

– Буду через десять минут.

Её каблук в пятнадцать сантиметров высотой только посмеялись такой уверенности. На таких ходулях за десять минут она доберётся только до первого этажа, но я вверил свою судьбу наманикюренным рукам Моны и сам отыскал аптечку. В шкафчике, рядом с энергетическими батончиками и складом конфет. Похоже, в Лос-Анджелесе такой набор считался эффективной первой помощью.

Но ни сладости, ни содержимое аптечки никак не могли

мне помочь. На самом дне я всё же отрыл «Неоспорин» неизвестно какого года производства, но решил, что от просроченной мази моё лицо не раздуется ещё сильнее, зато боль и отёк может спасть.

В калифорнийском «Прайм-Тайме», похоже, трудились одни совы. До начала рабочего дня оставалось десять минут, а столы по-прежнему пустовали, к моей удаче. Может, рубашка всё ещё действует? Просто иногда барахлит, если её долго не носить?

Мазь не помогла, а злость на мисс Джеймс и её дружка только разгорячила все мои раны. Ну почему мне подвернулась самая проблемная женщина во всём Лос-Анджелесе? Как только разберусь с Дирком, мисс Джеймс – следующая на очереди. На этот раз она не разжалобит меня своими печальными глазами цвета летнего луга. Пусть отзовёт своих церберов и оставит меня в покое. Если они заявятся ещё раз, то я лично открою им дверь с низким поклоном и разрешу прихватить с собой что-то ещё, помимо *того*, за чем они так усиленно охотились.

Двери лифта открылись и выпустили Мону из своих объятий. Как раз вовремя! Она уложилась в восемь минут, чем поразила меня до глубины души. Не зря эта Хэлен Хантер держала её под боком. Теперь я буду более уважительно относиться к женщинам, которые указывают в резюме: «Бегаю на каблуках, как Усэйн Болт».

– Вот.

Она даже не запыхалась и протянула мне упакованную рубашку классического цвета слоновой кости с серебристыми пуговками и такой же оторочкой.

– Они ещё не открылись, поэтому я задержалась, пока уговаривала продавщицу впустить меня. Выбила вам скидку в сорок процентов.

На стол шлёпнулась сдача, гораздо толще, чем я рассчитывал. Да эта женщина – супергерой под прикрытием из узкой юбки и высоченных каблуков. Я во второй раз позволил себе восхититься её профессиональными качествами – непрофессиональные я оценил и в прошлый раз. Соблазнительные бёдра, ноги от ушей и прелестный носик. Такие – в моём вкусе, и я бы уже давно предложил Моне поужинать где-нибудь, если бы она не работала на меня.

– Вы спасли меня, Мона! Спасибо.

– Ерунда. Если не хотите предстать перед всеми участником боёв с петухами, то вам лучше поторопиться.

А она ещё и не боится вставить дерзкое словцо между делом. Эта девушка определённо мне нравилась, но она была права. Времени на проявление симпатии не осталось. В любой момент кто-то из сотрудников выплывет из лифта и заметит мой необычный наряд через прозрачные стёкла этого аквариума.

Недолго думая, я вскочил и стал расстёгивать рубашку. Быстро скинул её с плеч и принялся распаковывать новую. И только потом осознал, что Мона всё ещё стоит передо мной

и внимательно наблюдает за каждым моим движением. Её глаза загорелись чем-то непонятным, когда она разглядывала мой торс. Я знал, что далеко не Аполлон, но не запускал себя и тренировался время от времени. Не знаю, что привлекло её внимание: мои мышцы или растёкшийся по рёбрам синяк. Но от этого взгляда чуть не вспотел.

– Эм, я пойду к себе. – Промямлила она и, задержавшись на лишнюю секунду, всё же оставила меня наедине со своими проблемами.

Рубашка от «Барберри» села идеально, точно Мона успела снять мерки и сшить её на заказ. Хотя я уже понял, что эта женщина способна на всё. Никакая даже самая дорогая вещь, скроенная стежками знаменитых кутюрье, не смогла бы отвлечь внимание от моего разукрашенного лица. Но теперь я хотя бы не походил на бездомного оборванца, затеявшего драку за кусок булочки из «Бургер Кинг». Слухи всё равно поползут, как ни крути. Но хотя бы все поверят в теорию об аварии и не станут злословить о том, насколько я отвратительный тип. Ведь уже на второй день пребывания в новом городе уже разозлил кого-то так сильно, что меня подкараулили в подворотне и показали, как делаются дела в Эл-Эй.

На итоговом совещании с командой креативщиков-лентяев я был гвоздём программы. Мои подопечные пока не поняли, насколько тесно можно общаться с новым боссом, поэтому обошлись лишь дежурными:

– Как вас так угрозило?

И после упоминания о несерьёзной аварии тут же вернулись к своим идеям. Совсем не креативным, если уж на то пошло.

Перед тем, как предстать перед судом присяжных, в жюри которого восседал Дирк Бёртон и заместитель главы чего-то там в компании «Эван Уильямс», на пару с Моной я довёл до ума презентацию, куда собрал четыре самые сносные идеи. Но и они не тянули даже на троечку, так что я готовился пропустить ещё один удар. Пусть не по лицу, но по кошельку или карьере уж точно. Я уважал людей, которые держат свои обещания. Но в этот раз надеялся, что Дирк Бёртон от своих откажется.

– Что ты об этом думаешь? – Спросил я Мону под конец рабочего дня, сам не зная, что ожидал услышать. Одобрение? Восхищение? Её симпатичное лицо вытянулось, выражая явно ни то, ни другое.

– Сказать вам честно?

– Значит, мне пора паковать вещи. – Почему-то я чувствовал, что Мона хранит преданность любому, кто садится в кресло её начальника и строит из себя знающего типа.

– Мой отец часто говорил мне одну вещь.

– Какую?

– Поспешишь – людей насмешишь. – Она улыбнулась, и улыбка её немного меня утешила. – Не спешите, мистер Кларк.

Но я скорее реалист, чтобы строить иллюзии. Когда в офисе появился упитанный человечек с кейсом и важным видом, я слегка заволновался, чуть ли не в первые в жизни. И волнение переросло в злость на ту единственную, кто повинна во всём, что творилось в моей жизни.

Рука сама собой набрала текст и отослала контакту «Эмма Джеймс». Слишком долго я берёг её чувства в ущерб своим, и даже не устыдился своих слов.

Чем дальше листались слайды, тем громче лопались мои надежды. Клиент внимательно слушал и следил за экраном, будто не замечая моих ушибов. Но Дирк впился глазами в фингал, едва я вошёл в конференц-зал. Пожирал меня взглядом, как паук маленькую мушку. Я ведь – лицо креативного отдела, а выглядел как алкоголик под круглосуточным магазином. Ему не терпелось покончить с этим фарсом, чтобы расспросить, почему лицо креативного отдела посинело и распухло.

Когда я закончил своё эпичное представление, несколько секунд слушатели сидели молча. Клиент щёлкал ручкой и глядел в пол, размышляя о чём-то своём, отчего у Дирка чуть не задёргался глаз. Мой глаз дёргался после хука слева ещё с утра.

На своём веку я побывал на множестве встреч с клиентами. Разглагольствовал, умасливал и чуть ли не плясал под их дудку, но мои идеи всегда попадали в яблочко с первой же попытки, и вопрос стоял лишь в том, где ставить подпись. Но

сегодня впервые паника одолела мой всегда холодный разум и вскипятила его до состояния пара.

– Это *все* ваши предложения? – Наконец спросил клиент, который выглядел как явный любитель своего же продукта.

Не нужно было смотреть на Дирка, чтобы почувствовать, как он напрягся. Ему мастерски удавалось передавать своё негодование телепатически.

– Да, мистер Амброуз. – Сознался я. Он не выглядел злым или недовольным, но и впечатлённым его тоже было не назвать. Полная беспристрастность по всем фронтам. Неужели настал период моего угасания? Я терял хватку, сбавлял обороты, выходил из строя, как старые часы на последнем издыхании. Как корабль ни назови, что называется... Результат один: моя участь висит на тоненьком волоске и жгучий взгляд Дирка может опалить его за секунду.

– Ну что ж. – Почесал макушку мистер Амброуз. – Третий вариант вроде бы ничего.

Ещё никто не отзывался о моих идеях «вроде бы ничего».

– Тот, с покером и парнем, который сорвал джек-пот. Мне кажется, сама задумка неплоха.

Бурбон «Эван Уильямс» – выигрышная комбинация при любом раскладе. Так звучал главный слоган, пока в кадре мелькали успешные люди в костюмах от «Армани», с сигарами «Сан Кристобаль» в зубах и серебряными перстнями на мизинцах, постукивающих по рубашкам карт. Людям подавай красивую картинку и надежду на то, что дурные при-

вычки сделают их успешными. Замысел совсем не нов, но старые схемы всегда рабочие.

– Намеряет на то, что с нашим бурбоном всё возможно, даже выиграть в казино. – Продолжал развивать мысль мистер Амброуз, но без ожидаемого вдохновения.

– Да, мне тоже приглянулся этот вариант. – Как верный пёс поддакнул Дирк, хотя *этот вариант* впечатлил его не больше других, за что я его, в принципе, не винил. – Можно поработать над деталями, добавить...

– А может подумаем ещё немного? – Перебил его клиент. Только шишка с потеющими залысинами и миллионами в карманах могла заткнуть Дирка Бёртона. – Во «Фьюэлд» предложили нам кое-что поэфффектнее.

– Вы обращались во «Фьюэлд»? – Испугался Дирк. – Но вы же обещали контракт нам.

– К сожалению, это не моё решение. Наверху хотят побыстрее запустить рекламу, чтобы поднять продажи к праздникам. Мы просто устали ждать.

Я чуть не выругался в голос, ощущая сверло взгляда босса на своём лбу.

– Даю вам ещё день. – Мистер Амброуз поднялся с тяжестью гири и застегнул пуговицу на объёмистом животе. – Дайте мне что-то получше, и я выбью вам контракт.

– Обещаю вам, мистер Амброуз, вы не пожалеете. – Стал прогибаться Дирк, провожая его до дверей и кланяясь почти по пят. – Просто наш директор отдела так не вовремя ушла

в декрет, работаем с тем, что имеем.

За спиной клиента Дирк врезался в меня плечом, проходя мимо. Такого даже Джим Макдугалл не мог себе позволить! Значит, я для них – «что имеем». Паршивая овца в отаре, которую насильно запихнули в самолёт и перевезли на место той, что даёт в десять раз больше молока. Я так рассвирепел, что не оставалось больше сил сдерживать демонов внутри. Ну и услужила мне эта мисс Джеймс! Вместо того, чтобы блистать идеями, я разбирался с её дружками и ядовитыми пирогами. Внезапно мне вспомнилось наш вчерашний разговор, и сквозь зубы вырвалось:

– Теперь и я бы хотел набурбониться.

– Что вы сказали?

А слух у нашего бурбонового короля, как у летучей мыши. Он замер уже в дверях, и Дирк чуть не врезался в него, после чего расплылся в самой обворожительной улыбке и махнул на меня рукой:

– Это он так, шутит. Мистер Кларк у нас вообще парень с юмором.

– Нет, вы сказали... «набурбониться»?

Неужели он оскорбился этому выдуманному слову? С крупными, зажавшимися клиентами не угадаешь. Они могут воспринять в штыки самые невинные шутки и разорвать отношения от одного неверного слова. Похоже, этим словом стала глупое, несуществующее в природе выражение моей горячо любимой мисс Джеймс. Вот же змея! Даже сюда успе-

ла заползти и оставить следы своего яда. Она всерьёз вознамерилась разрушить мою жизнь. Всё, к чему я столько шёл!

– Мне нравится!

Чего?

– Определённо, в этом что-то есть! – А вот так уже выглядело лицо довольного клиента. Щёки растянула настоящая улыбка. Они двумя порциями желе затряслись от торопливых кивков и поражённого смеха. Мистер Амброуз хлопнул в ладоши и вернулся на место, а мы с Дирком остались стоять в недоумении.

– Набурбониться! – С задором повторил он. – Людям нравится всё новое, а такого ещё определённо никто не придумывал!

А этот парень *определённо* был не в своём уме. Набурбониться... Кто так выражается? Студенты на дешёвых тусовках, да мисс Джеймс. Больше никто. Но если представителю «Эван Уильямс» такое по вкусу, тогда мы *определённо* должны были полить это блюдо соусом и подать во всей красе.

– Да, словечко что надо. – Продолжал подхалимничать Дирк, хватаясь за любой шанс не упустить пару лишних нулей в своём рождественском бонусе.

– И я о том же! – Хохотнул радостный мистер Амброуз. – Мистер Кларк, я в вас ни капли не сомневался.

– Я тоже. – Кивнул Дирк и на этот раз проходя мимо похвально шлёпнул своей ручищей по моему плечу. – А теперь, нужно придумать, как это обыграть.

Похоже, мисс Джеймс всё же спасла мою репутацию. Я всё ещё оставался в игре.

Эмма

Каждый черпает вдохновение в чём-то своём. В музыке, в тишине, в самом себе. Обычно мне хватало взгляда на закат, старый мост или опавший осенний лист, чтобы начать творить, но сегодня вдохновение подпитывалось яростью. На Гэбриэла и его мелочность.

Мы познакомились два года назад. Как говорится, звёзды сошлись. Я решилась продать оставленный бабулей дом в Гленвуде и перебраться на юг, где термометр не показывал ниже нуля и всегда светило солнце. Где каждое пятнышко на обоях не напоминало о прошлом. Где призраки не ложились с тобой в постель. Где не знали о моей потере.

Сердце разрывалось на части, когда я отдавала ключи от семейного коттеджа, где прошла вся моя жизнь, двум незнакомцам, но в их руках у дома был шанс. В моих – только курс на увядание.

Денег с продажи хватило на первый взнос за квартиру в Палмс, которую я присмотрела на сайте и тут же влюбилась в её оранжерею. Она ничуть не походила на наш дом в Миннесоте, а потому идеально подходила для новой жизни. Оставшуюся сумму пришлось брать в кредит. Другие бы посмеялись над моей глупостью – покупать недвижимость в Лос-Анджелесе? Весь мир ютился в арендованных квартирах, а я рисковала прожить остаток жизни, покрывая грандиозный

долг.

Но я верила в свои силы, потому что так меня учила мама, а потом и бабушка Эльма. Они увидели во мне талант в тот момент, когда я хваталась за карандаши вместо кукол. Мои рисунки увешивали холодильник и стены, хотя картины из отдела декора в «Уолмарт» смотрелись бы куда гармоничнее.

Это они взрастили мой талант, не загубили его, не растоптали. Это они отдали меня на занятия в художественную школу, собрали деньги на обучение в Калифорнийском университете в Беркли, и ни разу не заикнулись о том, чтобы я подыскала себе профессию «про запас», если с искусством ничего не получится. Хотя доучивалась я уже с поддержкой одной только бабушки.

Мистер Кларк упоминал, что тоже учился в Калифорнийском. Даже удивительно, как близко проходили наши линии судеб, но так и не пересеклись. Нам не суждено было встретиться много лет назад, зато суждено было сейчас.

Годы, проведённые на восточном побережье, пошли на пользу не только моему таланту, но и душе. Калифорнийское солнце согрело обледеневшее сердце, а возможность писать наложило пластыри на шрамы. Мы часто ездили в Сан-Франциско и Лос-Анджелес с соседками по кампусу, потому я и выбрала Город ангелов своим чистым листом, на котором собиралась написать новую историю Эммы Джеймс.

Но не так-то просто засиять, когда вокруг скопилось слишком много звёзд. Мои старые работы не пользовались

спросом, а новые рождались слишком медленно, потому как мне приходилось подрабатывать на стороне, чтобы оплачивать кредит и своё существование. Я рисовала открытки на заказ, пробовала себя в графическом дизайне и декорациях, иллюстрировала детские книжки, писала портреты-шаржи, но всегда оставалась верна мечте – стать художницей.

Однажды я возвращалась домой на метро и рисовала в блокноте девушку напротив. Меня поразили её длинные волосы до пояса, а мимо красивых людей я не могла пройти без готового эскиза, как и мимо красивых мест. Девушка заметила, что я часто поглядываю на неё, и подошла ко мне с претензией, но, увидев свою точную копию на страницах исписанного вдоль и поперёк блокнота, вспыхнула любопытством.

– Это я? – Ахнула она.

Я испугалась, что незнакомка может разозлиться, ведь я так нагло нарушила её личные границы, а в больших городах этого не терпят. Это в Гленвуде все соседи обменивались подарками на Рождество и знали, как зовут твою рыбку. В Эл-Эй всё было по-другому, но ведь я это и искала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.